

Лев Николаевич

Толстой

Живой труп

(1900 г.)

Государственное издательство

художественной литературы

Москва – 1952

Электронное издание осуществлено

компаниями ABBYY и WEXLER

в рамках краудсорсингового проекта

«Весь Толстой в один клик»

Организаторы проекта:

Государственный музей Л. Н. Толстого

Музей-усадьба «Ясная Поляна»

Компания ABBYY

Подготовлено на основе электронной копии 34-го тома

Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, предоставленной

Российской государственной библиотекой

Электронное издание

90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого

доступно на портале

www.tolstoy.ru

Предисловие и редакционные пояснения к 34-му тому

Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого можно прочитать

в настоящем издании

Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напишите нам

report@tolstoy.ru

Предисловие к электронному изданию

Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928–1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л. Н. Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и координации Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л. Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией АBBYU, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы АBBYU FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры тома и отдельные произведения публикуются в электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-

томного собрания сочинений Л. Н. Толстого.

Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»

Фекла Толстая

Перепечатка разрешается безвозмездно.

Л. Н. ТОЛСТОЙ

в 1900 г.

** ЖИВОЙ ТРУП

ДРАМА

В 6 ДЕЙСТВИЯХ (12 КАРТИНАХ)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Федор Васильевич Протасов (Федя).

Елизавета Андреевна Протасова (Лиза), его жена.

Миша, мальчик, их сын.

Анна Павловна, мать Лизы.

Саша, сестра Лизы.

Виктор Михайлович Каренин.

Анна Дмитриевна Каренина, мать его.

Марья Васильевна Крюкова, подруга Лизы.

Сергей Дмитриевич Абрезков, князь.

Маша, цыганка.

Иван Макарович, старый цыган, отец Маши.

Настасья Ивановна, старая цыганка, мать Маши.

Михаил Андреевич Афремов

приятели Феде.

Стахович

Буткевич

Коротков

Иван Петрович Александров.

Петушков, художник.

Артемьев.

Вознесенский, секретарь Каренина.

Судебный следователь.

Письмоводитель судебного следователя.

Мельников.

Петрушин, адвокат.

Молодой адвокат.

Доктор.

Офицер у цыган.

Музыкант.

Катя

цыганки.

Гаша

Цыганка.

1-й цыган.

2-й цыган.

Дама в суде.

Офицер в суде.

Судейский.

Няня Протасовых.

Дуняша, горничная Протасовых.

Лакей Протасовых.

Лакей Карениных.

Женщина в трактире.

Половой в трактире.

Городовой.

Курьер.

Хозяин трактира.

Господин в суде.

Судьи, зрители, свидетели

Цыгане и цыганки (хор).

ДЕЙСТВИЕ I

КАРТИНА 1–я

ЯВЛЕНИЕ I

Анна Павловна, полная седая дама в корсете, сидит одна за чайным столом.

ЯВЛЕНИЕ II

Анна Павловна и няня с чайником.

Няня.

Можно у вас водицы?

Анна Павловна.

Можно. Что Мишечка?

Няня.

Да беспокоен. Нет хуже, как сама барыня кормит. У них свои там горести, а ребеночек страдает. Какое же молоко может быть, когда ночи не спят, плачут.

Анна Павловна.

Да, кажется, теперь успокоилась.

Няня.

Хорошо спокойствие. Смотреть тошно. Что-то писали и плакали.

ЯВЛЕНИЕ III

Те же и Саша.

Саша (входит. К няне).

Лиза в детской вас ищет.

Няня.

Иду, иду. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ IV

Анна Павловна и Саша.

Анна Павловна.

Няня говорит, что она всё плачет. Как это она не может успокоиться.

Саша.

Нет, вы, мама, удивительны. Оставить мужа, отца своего ребенка, и вы хотите, чтобы она была спокойна.

Анна Павловна.

Не спокойна, – а что сделано, то сделано. Если я, мать, не только допустила, но радуюсь тому, что моя дочь бросает мужа, значит, стоит он того. Надо радоваться, а не печалиться, что можешь освободиться от такого дурного человека, освободиться от такого золота.

Саша.

Мама, зачем вы говорите так? Ведь вы знаете, что это неправда. Он не дурной, а, напротив, удивительный, удивительный человек, несмотря на его слабости.

Анна Павловна.

Ну, именно, удивительный человек. Как только деньги в руках, – свои ли, чужие ли...

Саша.

Мама, он никогда чужих не брал.

Анна Павловна.

Всё равно, женины.

Саша.

Да ведь он же отдал всё свое состояние жене.

Анна Павловна.

Еще бы не отдать, когда он сам знает, что он всё промотает.

Саша.

Промотает ли, не промотает, я только знаю, что нельзя разлучаться с мужем, особенно с таким, как Федя.

Анна Павловна.

По-твоему, надо ждать, пока он всё промотает и приведет в дом своих цыганок-любовниц?

Саша.

Нету у него любовниц.

Анна Павловна.

Вот то и беда, что он всех вас чем-то обворожил. Только не меня, нет, шалишь; я его вижу, и он знает это. На месте Лизы я бы не теперь, а уж год тому назад бросила его.

Саша.

Как вы это говорите легко.

Анна Павловна.

Нет, не легко. Мне, матери, видеть дочь разведенной не легко. Поверь, что очень не легко. Но всё лучше, чем загубить молодую жизнь. Нет, я бога благодарю, что она теперь решилась и что всё кончено.

Саша.

Может быть, и не кончено.

Анна Павловна.

Только бы он дал развод.

Саша.

Что же будет хорошего?

Анна Павловна.

Будет то, что она молода и еще может быть счастлива.

Саша.

Ах, мама, это ужасно, что вы говорите; не может Лиза полюбить другого.

Анна Павловна.

Отчего не может? если она будет свободна. Найдутся люди в тысячу раз лучше вашего Феди и будут счастливы жениться на Лизе.

Саша.

Мама, это нехорошо. Вы ведь, я знаю, думаете про Виктора Каренина.

Анна Павловна.

Отчего же не думать про него? Он любит ее десять лет, и она любит его.

Саша.

Любит, но не так, как мужа. Это дружба с детства.

Анна Павловна.

Знаем мы эту дружбу. Только бы не было препятствий.

ЯВЛЕНИЕ V

Те же. Входит горничная.

Анна Павловна.

Что вы?

Горничная.

Барыня посылали дворника с запиской к Виктору Михайловичу.

Анна Павловна.

Какая барыня?

Горничная.

Лизавета Андреевна, барыня.

Анна Павловна.

Ну так что ж?

Горничная.

Виктор Михайлович приказали сказать, что сейчас сами будут.

Анна Павловна (удивленно).

Только что о нем говорили. Не понимаю только, зачем. (Саше.) Ты не знаешь?

Саша.

Может быть, знаю, а может быть, не знаю.

Анна Павловна.

Всё секреты.

Саша.

Лиза придет, она вам скажет.

Анна Павловна (качая головой, к горничной).

А самовар подогреть надо. Возьми, Дуняша.

Горничная берет самовар и уходит.

ЯВЛЕНИЕ VI

Анна Павловна и Саша.

Анна Павловна (к Саше, которая встала и хочет идти).

Вышло, как я говорила. Сейчас же и послала за ним.

Саша.

Послала, может быть, совсем не за тем.

Анна Павловна.

Так зачем же?

Саша.

Теперь, в эту минуту, Каренин для нее всё равно, что Трифонова.

Анна Павловна.

А вот увидишь. Ведь я ее знаю. Она зовет его, ищет утешения.

Саша.

Ах, мама, как вы мало ее знаете, что можете думать это.

Анна Павловна.

Да вот увидишь. И я очень, очень рада.

Саша.

Увидим. (Напевает и уходит.)

ЯВЛЕНИЕ VII

Анна Павловна одна.

Анна Павловна (покачивает головой и бормочет).

И прекрасно. И пускай... И прекрасно, и пускай... Да...

ЯВЛЕНИЕ VIII

Анна Павловна и горничная.

Горничная (входит).

Виктор Михайлович приехали.

Анна Павловна.

Ну что же. Проси, да скажи барыне.

Горничная проходит во внутреннюю дверь.

ЯВЛЕНИЕ IX

Анна Павловна и Виктор Каренин.

Каренин (входит, здоровается с Анной Павловной).

Лизавета Андреевна прислала мне записку, чтобы я приехал. А я и так собирался к вам нынче вечером, так что очень рад... Лизавета Андреевна здорова?

Анна Павловна.

Она здорова. Ребенок немножко беспокоится. Она сейчас придет. (Грустно.) Да, да, тяжелое время... Вы ведь всё знаете...

Каренин.

Знаю. Ведь я тут был третьего дня, когда было получено от него письмо. Но неужели это так и решено бесповоротно?

Анна Павловна.

Еще бы, разумеется. Переживать всё, что было, еще раз, было бы ужасно.

Каренин.

Да, вот где десять раз примерь, а раз отрежь. Резать по живому очень трудно.

Анна Павловна.

Разумеется, трудно. Но ведь их брак уже давно был надрезан. Так что разорвать было менее трудно, чем кажется. Он сам понимает, что после всего, что было, ему уже самому нельзя вернуться.

Каренин.

Отчего же?

Анна Павловна.

Ну как же вы хотите после всех его гадостей, после того, как он клялся, что этого не будет, и что если это будет, то он сам лишает себя всех прав мужа и дает ей полную свободу.

Каренин.

Да, но какая же может быть свобода женщины, связанной браком?

Анна Павловна.

Развод. Он обещал развод, и мы настоим.

Каренин.

Да, но Лизавета Андреевна так любила его...

Анна Павловна.

Ах, ее любовь подверглась таким испытаниям, что едва ли от нее остается что-нибудь. Тут и пьянство, и обманы, и неверности. Разве можно любить такого мужа?

Каренин.

Для любви всё можно.

Анна Павловна.

Вы говорите – любить, но как же любить такого человека – тряпку, на которого ни в чем нельзя положиться? Ведь теперь что было... (Оглядывается на дверь и торопится рассказать.) Дела расстроены, всё заложено, платить нечем. Наконец дядя присылает 2000 внести проценты. Он едет с этими деньгами и... пропадает. Жена сидит с больным ребенком, ждет, и, наконец, получается записка – прислать ему белье и вещи...

Каренин.

Да, да, я знаю.

ЯВЛЕНИЕ X

Те же. Входят Саша и Лиза.

Анна Павловна.

Ну, вот, Виктор Михайлович явился на твой зов.

Каренин.

Да, меня немного задержали. (Здоровается с сестрами.)

Лиза.

Благодарствуйте. У меня до вас большая просьба. И мне не к кому обратиться, как к вам.

Каренин.

Всё, что могу.

Лиза.

Вы ведь всё знаете.

Каренин.

Да, я знаю.

Анна Павловна.

Так я вас оставляю. (Саше.) Пойдем. Оставь их одних. (Уходит с Сашей.)

ЯВЛЕНИЕ XI

Лиза и Каренин.

Лиза.

Да, он написал мне письмо, что считает всё конченным. Я... (удерживает слезы) так была оскорблена, так... ну, одним словом, я согласилась разорвать. И ответила ему, что принимаю его отказ.

Каренин.

Но потом?..

Лиза.

Потом? Потом я почувствовала, что это дурно с моей стороны, что я не могу. Всё лучше, чем расстаться с ним. Ну, одним словом, отдайте ему это письмо. Пожалуйста, Виктор... отдайте ему это письмо и скажите... и привезите его.

Каренин.

Хорошо. (Удивленно.) Да, но как же?

Лиза.

Скажите, что я прошу его всё забыть, всё забыть и вернуться. Я бы могла просто послать письмо. Но я знаю его: первое движение, как всегда, будет хорошее, но потом чье-нибудь влияние, и он раздумает и сделает не то, что хочет...

Каренин.

Сделаю, что могу.

Лиза.

Вы удивляетесь, что я прошу именно вас?

Каренин.

Нет... Впрочем, надо говорить правду, – да, удивляюсь...

Лиза.

Но не сердитесь?..

Каренин.

Разве я могу на вас сердиться?

Лиза.

Я просила вас потому, что знаю, что вы любите его.

Каренин.

И его и вас. Вы знаете это. И люблю не для себя, а для вас. И я благодарю вас за то, что вы верите мне: сделаю, что могу.

Лиза.

Я знала. Я вам всё скажу: я нынче ездила к Афремову узнать, где он. Мне сказали, что они поехали к цыганам. И вот этого я боюсь. Этого увлечения я боюсь. Знаю, что если его не удержать во-время, он увлечется. Вот это-то и нужно. Так вы поедете?

Каренин.

Разумеется, сейчас.

Лиза.

Поезжайте, найдите его и скажите, что всё забыто, что я жду его.

Каренин (встает).

Но где искать его?

Лиза.

Он у цыган. Я сама была там. Я была у крыльца, хотела послать письмо, потом раздумала и решила просить вас... адрес вот. Ну, так скажите ему, чтобы он вернулся, что ничего не было, что всё забыто. Сделайте это из любви к нему и дружбы к нам.

Каренин.

Сделаю всё, что могу. (Выжидает, потом кланяется и уходит.)

ЯВЛЕНИЕ XII

Лиза одна.

Лиза.

Не могу, не могу. Всё лучше, чем... не могу.

ЯВЛЕНИЕ XIII

Лиза, входит Саша.

Саша.

Ну, что? Послала?

Лиза делает утвердительный знак головой.

Саша.

И он согласился?

Лиза.

Разумеется.

Саша.

Зачем его – не понимаю...

Лиза.

Кого же?

Саша.

Да ведь ты знаешь, что он влюблен в тебя?

Лиза.

Это всё было и прошло. Но кого же ты хочешь, чтобы я просила? Как ты думаешь, вернется он?

Саша.

Я уверена, потому что...

ЯВЛЕНИЕ XIV

Те же и Анна Павловна. Анна Павловна входит, Саша замолкает.

Анна Павловна.

А Виктор Михайлович где?

Лиза.

Уехал.

Анна Павловна.

Как уехал?

Лиза.

Я просила его исполнить мою просьбу.

Анна Павловна.

Какую просьбу? Опять секреты?

Лиза.

Не секреты, а просто просила его самому передать письмо Феде.

Анна Павловна.

Феде? Федор Васильевичу?

Лиза.

Да, Феде...

Анна Павловна.

Я думала, что между [вами] все отношения кончены.

Лиза.

Я не могу расстаться с ним.

Анна Павловна.

Как, опять всё сначала?

Лиза.

Я хотела, я старалась, но я не могу. Всё, что хотите, но только бы не разлучаться с ним.

Анна Павловна.

Так что же, ты хочешь вернуть его?

Лиза.

Да.

Анна Павловна.

Опять <пустить к себе в дом эту гадину?>

Лиза.

Мама, я прошу вас, не говорите так про моего мужа.

Анна Павловна.

Он был муж.

Лиза.

Нет, он теперь мой муж.

Анна Павловна.

Мот, пьяница, развратник, и ты не можешь с ним расстаться?

Лиза.

За что вы меня мучаете? Мне и так тяжело, а вы точно нарочно хотите...

Анна Павловна.

Я мучаю, так я уеду. Не могу я видеть этого.

Лиза молчит.

Анна Павловна.

Я вижу, что вы этого хотите, что я вам мешаю. Не могу я жить. Ничего я в вас не понимаю. Всё это по-новому. То развелась, решила, потом вдруг выписываешь человека, который в тебя влюблен.

Лиза.

Ничего этого нет.

Анна Павловна.

Каренин делал предложение... и посылаешь его за мужем. Что это? Чтобы возбудить ревность?

Лиза.

Мама! Это ужасно, что вы говорите. Оставьте меня.

Анна Павловна.

Так мать выгони из дома, а развратного мужа пусти. Да я не стану ждать. И прощайте, и бог с вами, как хотите, так и делайте. (Уходит,

хлопая дверью.)

ЯВЛЕНИЕ XV

Лиза и Саша.

Лиза (падает на стул).

Этого не доставало.

Саша.

Ничего. Всё будет хорошо. Мама мы успокоим.

ЯВЛЕНИЕ XVI

Те же и Анна Павловна.

Анна Павловна (молча проходит).

Дуняша, мой чемодан!

Саша.

Мама! Вы послушайте! (Уходит за ней и подмигивает сестре.)

Занавес

.

КАРТИНА 2-я

ЯВЛЕНИЕ I

Комната у цыган. Хор поет «Канавелу». Федя лежит на диване ничком, без сюртука. Афремов на стуле верхом против запевалы. Офицер у стола, на котором стоит шампанское и стаканы. Тут же музыкант записывает.

Афремов.

Федя! Спишь?

Федя (поднимается).

Не разговаривайте. Это степь, это десятый век, это не свобода, а воля. Теперь «Не вечерняя».

Цыган.

Нельзя, Федор Васильевич. Теперь пусть Маша одна споет.

Федя.

Ну, ладно. А потом «Не вечерняя». (Опять ложится.)

Офицер.

«Час роковой». Согласны?

Афремов.

Пускай.

Офицер (к музыканту).

Что ж, записали?

Музыкант.

Невозможно. Всякий раз по-новому. И какая-то скàла иная. Вот тут. (Подзывает. К цыган[ке], к[оторая] смотрит.) Это как? (Напевает.)

Цыга[нка].

Да так и есть. Так чудесно.

Федя (поднимаясь).

Не запишет. А запишет, да в оперу всунет, – всё изгадит. Ну, Маша, валяй, хоть «Час». Бери гитару. (Встает, садится перед ней и смотрит ей в глаза.)

Маша поет.

Федя.

И это хорошо. Ай да Маша. Ну, теперь «Не вечерняя».

Афремов.

Нет, постой. Прежде мою, похоронную.

Офицер.

Отчего похоронную?

Афремов.

А это оттого, что когда я умру... понимаешь, умру, в гробу буду лежать, придут цыгане... понимаешь? Так жене завещаю. И запоют: «Шэл

мэ вёрста», – так я из гроба вскочу – понимаешь? (Музыканту.) Вот что запиши. Ну, катать.

Цыгане поют.

Афремов.

А, какво. Ну – «Размолодчики мои».

Поют.

Афремов делает выходку. Цыгане улыбаются и, продолжая петь, хлопают. [Афремов] садится. Песня кончается.

Цыган.

Ай да Михаил Андреевич, настоящий цыган.

Федя.

Ну, теперь – «Не вечернюю».

ЯВЛЕНИЕ II

Те же, входит цыган.

Цыган (к Феде).

Вас барин спрашивает.

Федя.

Какой барин?

Цыган.

Не знаю. Одет хорошо. Соболья шуба.

Федя.

Барарай? Ну что же, зови.

ЯВЛЕНИЕ III

Те же без цыгана.

Афремов.

Кто ж это к тебе сюда?

Федя.

А чорт его знает. Кому до меня дело? (Встает шатаясь.)

Маша уходит и что[-то] говорит по-цыгански с своими.

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же, без Маши. Входит Каренин. Оглядывается.

Федя.

А, Виктор. Вот кого не ждал. Раздевайся. Каким ветром тебя сюда занесло? Ну, садись. Слушай, Ви[ктор], «Не вечерняя».

Цыгане поют.

Федя.

Вот это она. Вот это она. Удивительно, и где же делается то всё, что тут высказано? Ах, хорошо. И зачем может человек доходить до этого восторга, а нельзя продолжать его?

Музыкант (записывает).

Да, очень оригинально.

Федя.

Не оригинально, а это настоящее...

Афремов.

Ну, чавалы, вы отдохните. (Берет гитару и подсаживается к Кате.)

Музыкант.

В сущности, оно просто, но только ритм.

Каренин.

Je voudrais vous parler sans témoins.[1]

Федя.

О чем?

Каренин.

Je viens de chez vous. Votre femme m'a chargé de cette lettre et puis...[2]

Федя (берет письмо, читает, хмурится, потом ласково улыбается).

Послушай, Каренин, ты ведь знаешь, что в этом письме?

Каренин.

Знаю. И хочу сказать...

Федя.

Постой, постой. Ты, пожалуйста, не думай, что я пьян и мои слова неменяемы, то есть я неменяем. Я пьян, но в этом деле вижу всё ясно. Ну, что же тебе поручено сказать?

Каренин.

Мне поручено найти тебя и сказать тебе, что она... ждет тебя. Просит тебя всё забыть и вернуться.

Федя (слушает молча, глядя ему в лицо).

Я все-таки не понимаю, почему ты?

Каренин.

Лизавета Андреевна прислала за мной и просила меня...

Федя.

Так...

Каренин.

Но я не столько от имени твоей жены, сколько сам от себя прошу тебя: поедем домой.

Федя.

Ты лучше меня. Какой вздор! Лучше меня не трудно быть. Я негодяй, а ты хороший, хороший человек. И от этого самого я не изменю своего решения. И не от этого. А просто, не могу и не хочу. Ну как я поеду?

Каренин.

Поедем теперь ко мне. Я скажу, что ты вернешься, и завтра...

Федя.

А завтра что? Всё буду я – я, а она – она. Нет. (Подходит к столу и пьет.) Зуб лучше сразу выдернуть. Я ведь говорил, что если я опять не сдержу слова, то чтобы она бросила меня. Я не сдержал, и кончено.

Каренин.

Для тебя, но не для нее.

Федя.

Удивительно, что ты заботаешься о том, чтобы наш брак был не нарушен.

Каренин хочет что-то сказать. Входит Маша.

ЯВЛЕНИЕ V

Те же и Маша. Потом цыгане.

Федя (перебивает его).

Ты послушай, ты послушай. Маша, спой.

Цыгане сходятся.

Маша (шопотом).

Повеличать бы.

Федя (смеется).

Величать: Виктор сударь Михайлович...

[Цыгане поют.]

Каренин (skonфуженно слушает, потом спрашивает).

Сколько дать?

Федя.

Ну, дай двадцать пять.

Каренин дает.

ЯВЛЕНИЕ VI

Те же без Каренина.

Федя.

Чудесно! Теперь «Лен». (Оглядывается.) Удрал Каренин. Ну, чорт с ним.

Цыгане разбредаются.

Федя (махает рукой, подходит к Маше, садится на диван рядом с ней).

Ах, Маша, Маша, как ты мне разворачиваешь нутро всё.

Маша.

Ну, а что я вас просила...

Федя.

Что? денег? (Вынимает из кармана штанов.) Ну, что же, возьми.

Маша смеется, берет деньги и прячет в пазуху.

Федя (цыганам).

Вот и разберись тут. Мне открывает небо, а сама на души просит. Ведь ты ни черта не понимаешь того, что ты сама делаешь.

Маша.

Как не понимать. Я понимаю, что кого люблю, для того и стараюсь и пою лучше.

Федя.

А меня любишь?

Маша.

Видно, что люблю.

Федя.

Удивительно. (Целует ее.)

Цыгане, цыганки уходят. Остаются парочки: [Федя с Машей], Афремов с Катей, офицер с Гашей. Музыкант пишет, цыган перебирает вальс на гитаре.

Федя.

Ведь я женат, а тебе хор не велит. Хорошо тебе?

Маша.

Разумеется, хорошо, когда хорошие гости. И нам весело.

Федя.

Ты знаешь, кто это?

Маша.

Слышала фамилию.

Федя.

Это превосходный человек. Он приезжал звать меня домой, к жене. Она меня, дурака, любит, а я вот что делаю.

Маша.

Что же, это нехорошо. Надо к ней ехать. Надо ее пожалеть.

Федя.

Ты думаешь, надо? А я думаю, не надо.

Маша.

Известно, коли не любишь, так и не надо. Только любовь дорога.

Федя.

А ты почему знаешь?

Маша.

Должно, знаю.

Федя.

Ну, поцелуй меня. Чавалы! Еще «Лен», и тогда шабаш.

Начинают петь.

Федя.

Ах, хорошо. Кабы только не просыпаться. Так и помереть.

ДЕЙСТВИЕ II

КАРТИНА 1-я

После первого [действия] прошло две недели. У Лизы. Каренин и Анна Павловна сидят в столовой. Саша выходит из двери.

ЯВЛЕНИЕ I

Каренин.

Ну что?

Саша.

Доктор сказал, что теперь опасности уж нет. И только не простудить.

Анна Павловна.

Ну, слава богу. А то Лиза совсем извелась.

Саша.

Он говорит, что это был или ложный круп, или в слабой форме... Это что? (указывая на корзинку).

Анна Павловна.

Да это Виктор привез виноград.

Каренин.

Не хотите ли?

Саша.

Да, она любит. Она очень нервна стала.

Каренин.

Две ночи не спать, не есть.

Саша (улыбаясь).

Да вы тоже...

Каренин.

Я другое дело.

ЯВЛЕНИЕ II

Те же. Выходят доктор и Лиза.

Доктор (внушительно).

Так так-с. Через каждые полчаса меняйте, если он не спит. Если спит, не тревожьте. Мазать гортань не нужно. Температуру в комнате держите так же...

Лиза.

А если опять будет задыхаться?

Доктор.

Не должно быть. Если будет – пульверизация. И, кроме того, порошок, утром один, и вечером другой. Я сейчас пропишу.

Анна Павловна.

Не хотите ли, доктор, чаю?

Доктор.

Нет, благодарю, больные ждут. (Садится к столу.)

Саша приносит бумагу, чернила.

Лиза.

Так наверное это не круп.

Доктор (улыбаясь).

Совершенно верно. (Пишет.)

Анна Павловна стоит над доктором.

Каренин.

Ну, теперь выкушайте чая, или, еще лучше, поспите, а то – посмотрите, на что вы похожи.

Лиза.

Теперь я ожила. Спасибо вам. Вот истинный друг. (Жмет ему руку.)

Саша сердито отходит к доктору.

Лиза.

Благодарствуйте, мой друг. Вот где дорога помощь.

Каренин.

Что же я сделал? Вот уж не за что благодарить меня.

Лиза.

А кто ночи не спал, кто привез эту знаменитость? Всё вы...

Каренин.

Уж я так награжден и тем, что Мика вне опасности, и, главное, вашей добротой. (Опять жмет руку и смеется, показывая монету, оставшуюся у ней в руке.)

Лиза (улыбается).

Это доктору. Только я никогда не умею как отдать.

Каренин.

Ну и я тоже не могу.

Анна Павловна (подходит).

Что не могу?

Лиза.

Давать деньги доктору. Он спас мне больше, чем жизнь, а я даю деньги. Что-то тут такое неприятное.

Анна Павловна.

Давай я дам. Я умею как. Очень просто...

Доктор (встает и дает рецепт).

Так эти порошки в столовой ложке отварной воды хорошенько размешать и (продолжает настав[ление]).

Каренин у стола пьет чай. Отходят вперед Анна Павловна и Саша.

Саша.

Не могу видеть их отношений. Она точно влюблена в него.

Анна Павловна.

Что же тут удивительного?

Саша.

Противно...

Доктор уходит, прощается со всеми. Анна Павловна идет провожать его.

ЯВЛЕНИЕ III

Лиза, Каренин и Саша.

Лиза (Каренину).

Он так мил теперь. Как только ему стало лучше, он сейчас же стал улыбаться и болтать. Я к нему пойду. И от вас уходить не хочется.

Каренин.

Да вы выпейте чаю, съешьте что-нибудь.

Лиза.

Мне теперь ничего не нужно. Мне так хорошо после этих страхов. (Всхлипывает.)

Каренин.

А вот вы видите, как вы слабы.

Лиза.

Я счастлива. Хотите взглянуть на него?

Каренин.

Разумеется.

Лиза.

Пойдемте со мной. (Уходят.)

ЯВЛЕНИЕ IV

Саша и Анна Павловна.

Анна Павловна (возвращается).

Так прекрасно отдала, и он взял. Ты что насупилась?

Саша.

Отвратительно. Она его с собой повела в детскую. Точно он жених или муж.

Анна Павловна.

Да тебе–то что? Из чего ты кипятишься? Или ты за него замуж собиралась?

Саша.

Я за эту версту? Да я скорей не знаю за кого выйду, но не за него. Да и никогда мне в голову не приходило. Мне только противно, что Лиза после Феди может так сблизиться с чужим человеком.

Анна Павловна.

Какой же он чужой – друг детства.

Саша.

Но ведь я вижу по улыбкам, по глазам, что они влюблены.

Анна Павловна.

Что же тут удивительного? Человек принял участие в болезни ребенка, сочувствовал, помогал, и она благодарна. И кроме того – отчего же ей не полюбить и не выдти замуж за Виктора?

Саша.

Это было бы ужасно. Отвратительно, отвратительно.

ЯВЛЕНИЕ V

Каренин и Лиза выходят.

Каренин прощается молча. Саша сердито уходит.

ЯВЛЕНИЕ VI

Анна Павловна и Лиза.

Лиза (к матери).

Что с ней?

Анна Павловна.

Право, не знаю.

Лиза вздыхает молча.

Занавес.

КАРТИНА 2-я

У Афремова в кабинете. Вино в налитых стаканах. Гости.

ЯВЛЕНИЕ I

Афремов, Федя, Стахович мохнатый, Буткевич бритый, Коротков, прихвостень.

Коротков.

А я вам говорю, что за флагом останется: Ла-бель-буа – первая лошадь в Европе. Пари.

Стахович.

Полно врать. Ведь ты знаешь, что никто тебе не верит. И пари держать не станет.

Коротков.

Я тебе говорю. Твой Картуш за флагом.

Афремов.

Да полноте ссориться. Я вас помирю. Спросите Федю. Он верно скажет.

Федя.

Обе лошади хороши. Дело в езде.

Стахович.

Гусев подлец. Надо только его в руках держать.

Коротков (кричит).

Нет!

Федя.

Ну постойте, я вас помирю. Дерби кто взял?

Коротков.

Взял, да ничего не стоит. Это случай. Кабы Кронпринц не заболел – посмотрел бы.

Входит лакей.

Две страницы черновой рукописи драмы «Живой труп»

Уменьшено

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и лакей.

Афремов.

Что ты?

Лакей.

Госпожа приехали, спрашивают Федор Васильевича.

Афремов.

Какая? дама?

Лакей.

Не могу знать. Только настоящая дама.

Афремов.

Федя. К тебе дама!

Федя (испуганно).

Кто это?

Афремов.

Не знает кто. (Лакею.) Проси в залу.

Федя.

Да, постой, я пойду посмотрю. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ III

Те же, без Феди и лакея.

Коротков.

Кто это к нему? Наверно, Машка.

Стахович.

Какая Машка?

Коротков.

Цыганка Маша. Втюрилась в него, как кошка влюблена.

Стахович.

Какая милая. И поет.

Афремов.

Прелесть! Танюша да она. Вчера они с Петром пели.

Стахович.

Ведь экой счастливец этот...

Афремов.

Что его бабы любят, бог с ним.

Коротков.

Терпеть не могу цыганок. Никакого изящества нет.

Буткевич.

Ну, не говори.

Коротков.

Я их всех за одну француженку отдам.

Афремов.

Ну, да ты известный эстет. Пойти посмотреть, кто это.

Уходит.

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же, без Афремова.

Стахович.

Если Маша, так приведи ее сюда, пусть споет. Нет, теперь не то цыгане. Танюша была. Ах чорт возьми.

Буткевич.

А я думаю, что всё то же.

Стахович.

Как то же, когда романсы пошлые вместо песни?

Буткевич.

И романсы есть хорошие.

Коротков.

А хочешь пари, что я заставлю спеть и ты не узнаешь: песня это или романс.

Стахович.

Коротков вечно пари.

ЯВЛЕНИЕ V

Те же и Афремов.

Афремов (входит).

Господа, это не Маша. А принять ее негде, кроме здесь. Пройдемте в биллиардную.

Коротков.

Давай пари. Что, заробел?

Стахович.

Хорошо, хорошо.

Коротков.

Вот и попадешь на бутылку.

Стахович.

Ну ладно. Винохвати.

Уходят, разговаривая.

ЯВЛЕНИЕ VI

Входят Федя и Саша.

Федя.

Пойдем сюда. Ах, ах. Как это ты. Да, да...

Саша (смущенно).

Федя, прости меня, если тебе неприятно, но ради бога выслушай меня.
(Голос ее дрожит.)

Федя (ходит по комнате. Саша села и смотрит на него).

Слушаю.

Саша.

Федя, вернись домой.

Федя.

Я тебя очень понимаю, Саша, милая, и на твоём месте я бы сделал то же: постарался бы как-нибудь вернуть всё к старому, но на моём месте, если ты, милая, чуткая девочка, была бы, как ни странно это сказать, – на моём месте, – ты бы наверное сделала то, что я, то есть ушла бы, перестала бы мешать чужой жизни...

Саша.

Как мешать? Разве Лиза может жить без тебя?

Федя.

Ах, милая Саша, голубушка, может, может. И еще будет счастлива, гораздо счастливее, чем со мной.

Саша.

Никогда.

Федя.

Это тебе кажется. (Держит в руке письмо и гнет.) Да не в том дело, то есть не то, что не в том дело, а главное дело в том, что я-то не могу. Знаешь, толстую бумагу перегибай так и этак. И сто раз перегнешь. Она всё держится, а перегнешь сто первый раз, и она разойдется. Так между мной и Лизой. Мне слишком больно смотреть ей в глаза. И ей также – поверь.

Саша.

Нет, нет.

Федя.

Говоришь нет, а сама знаешь, что да.

Саша.

Я могу только по себе судить – если бы я была на ее месте, и ты бы ответил то, что ты отвечаешь, это было бы ужасно для меня.

Федя.

Да, для тебя.

Молчание. Оба смущены.

Саша (встает).

Неужели так и останется?

Федя.

Должно быть.

Саша.

Федя, вернись.

Федя.

Спасибо тебе, милая Саша. Всегда ты мне останешься дорогим воспоминанием... Но прощай, голубушка. Дай мне поцеловать тебя. (Целует ее в лоб.)

Саша (взволнованная).

Нет, я не прощаюсь и не верю, и не хочу верить... Федя...

Федя.

Ну, так слушай же. Только слово, что то, что я тебе скажу, никому не скажешь. Даешь слово?

Саша.

Разумеется.

Федя.

Ну, так слушай, Саша. Правда, что я муж, отец ее ребенка, но я лишний. Постой, постой, не возражай. Ты думаешь, я ревную? Нисколько. Во-первых, не имею права, во-вторых, не имею повода. Виктор Каренин старый ее друг и мой тоже. И он любит ее, и она любит его.

Саша.

Нет.

Федя.

Любит, как может любить честная, нравственная женщина, которая не позволяет себе любить никого кроме мужа, но она любит и будет любить, когда препятствие это (показывает на себя) будет устранено. И я устраню его, и они будут счастливы (голос дрожит).

Саша.

Федя, не говори так.

Федя.

Ведь ты знаешь, что это правда, и я буду рад их счастью, и лучше я ничего не могу сделать и не вернусь, и дам им свободу, и так и скажи. И не говори, не говори, и прощай. (Целует ее в голову и отворяет дверь.)

Саша.

Федя, я восхищаюсь перед тобой.

Федя.

Прощай, прощай.

[Саша уходит.]

ЯВЛЕНИЕ VII

Федя один.

Федя.

Да, да, чудесно, прекрасно. (Звонит.)

ЯВЛЕНИЕ VIII

Федя и лакей.

Федя.

Позовите барина.

[Лакей уходит.]

ЯВЛЕНИЕ IX

Федя один.

Федя.

И правда, и правда.

ЯВЛЕНИЕ X

Входит Афремов.

Афремов.

Как же устроил?

Федя.

Чудесно. «И божилась и клялась...» Чудесно. Где все?

Афремов.

Да там, играют.

Федя.

Отлично. Пойдем... «побыва[ть] ко мне на час».

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ III

КАРТИНА 1-я

Князь Абрезков [3] – 60-летний элегантный холостяк. Бритый, с усами. Старый военный с большим достоинством и грустью.

Анна Дмитриевна Каренина – мать Виктора, молодящаяся 50 лет – grande dame. Перебивает речь французскими словами.

Лиза, Виктор, лакей.

Кабинет Анны Дмитриевны роскошно-скромный, полон сувениров.

ЯВЛЕНИЕ I

Анна Дмитриевна пишет письмо.

ЯВЛЕНИЕ II

Анна Дмитриевна и лакей.

Лакей.

Князь Сергей Дмитриевич.

Анна Дмитриевна.

Ну, разумеется. (Оборачивается и поправляется перед зеркалом).

[Лакей уходит].

ЯВЛЕНИЕ III

Анна Дмитриевна и князь Абрезков.

Князь Абрезков (входит).

J'espère que je ne force pas la consigne. [4] (Целует руку.)

Анна Дмитриевна.

Вы знаете, что vous êtes toujours le bienvenu. [5] А теперь, нынче, особенно. Вы получили мою записку?

Князь Абрезков.

Получил, и вот мой ответ.

Анна Дмитриевна.

Ах, мой друг, я начинаю совсем отчаиваться. Il est ensorcelé, positivement ensorcelé. [6] Я никогда не встречала в нем такой настойчивости, такого упрямства, такой безжалостности, равнодушия ко мне. Он совсем переменялся с тех пор, как эта женщина бросила мужа.

Князь Абрезков.

Но что же именно, как стоит дело?

Анна Дмитриевна.

Так, что во что бы то ни стало хочет жениться.

Князь Абрезков.

Но как же муж?

Анна Дмитриевна.

Дает развод.

Князь Абрезков.

Вот как.

Анна Дмитриевна.

И он, Виктор, идет на это, и вся эта грязь, адвокаты, доказательства вины. *Tout ça est dégoûtant.* [7] И это не отталкивает его. Я его не понимаю. Он с своей чуткостью, робостью...

Князь Абрезков.

Любит. Ах, если человек точно любит, тогда...

Анна Дмитриевна.

Да, но отчего же в наше время любовь могла быть любовью чистой, любовью-дружбой, которая идет через всю жизнь. Такую любовь я понимаю, ценю.

Князь Абрезков.

Теперь новое поколение уж не может довольствоваться идеальными отношениями. *La possession de l'âme ne leur suffit plus.* [8] Что делать. Но как же быть с ним?

Анна Дмитриевна.

Нет, про него не говорите. Но это какое-то колдовство. Его точно подменили. Ведь вы знаете, я была у нее. Он так просил меня. Я поехала, не застала ее, оставила карточку. *Elle m'a fait demander quand je pourrai la recevoir.* [9] И нынче (смотрит на часы), во 2-м часу, стало быть, сейчас, должна приехать. Я обещала Виктору принять, но понимаете мое положение. Я вся не своя. И по старой привычке послала за вами. Мне нужна ваша помощь.

Князь Абрезков.

Благодарствуйте.

Анна Дмитриевна.

Вы поймите, что это посещение ее решает всё дело, судьбу Виктора. Мне надо или не согласиться... А как я могу...

Князь Абрезков.

Вы совсем не знаете ее?

Анна Дмитриевна.

Никогда не видала. Но боюсь ее. Не может хорошая женщина согласиться оставить мужа. И хорошего человека. Ведь он товарищ Виктора и бывал у нас. Он был очень милый. Да какой бы он ни был. *Quels que soient les torts qu'il a eus vis-à-vis d'elle, [10]* нельзя бросать мужа. Надо нести свой крест. Я одно не понимаю, как может Виктор с своими убеждениями согласиться на женитьбу на разведенной. Сколько раз – недавно он при мне горячо спорил с Спицыным, доказывая, что развод не согласен с истинным христианством, и теперь сам идет на это. *Si elle a pu le charmer à un tel point, [11]* я боюсь ее. Но, впрочем, я вас позвала, чтобы слышать вас, и всё только сама говорю. Что вы думаете? Скажите. Что по-вашему? Как надо? Вы говорили с Виктором?

Князь Абрезков.

Я говорил с ним. И я думаю, что он любит ее, привык любить так, любовь эта взяла такую власть над ним – а он человек медленно, но твердо принимающий. Что вошло ему в сердце, то уже не выйдет. И он никого, кроме ее, любить не будет и без нее и с другой счастлив быть не может.

Анна Дмитриевна.

А как Варя Казанцева пошла бы за него. И какая девушка и как любит...

Князь Абрезков (улыбаясь).

C'est compter sans son hôte. [12] Это теперь совсем несбыточно. И я думаю, лучше покориться и помочь ему жениться.

Анна Дмитриевна.

На разведенной, чтобы он встречал мужа своей жены? Я не понимаю, как вы можете спокойно говорить про это. Разве это та женщина, которую мать может желать женой своего единственного сына, и такого сына?

Князь Абрезков.

Да что же делать, милый друг. Разумеется, лучше бы жениться на девушке, которую вы знаете, любите. Но коли этого нельзя... Да потом, если бы он женился на цыганке, или бог знает на ком. А Лиза Рахма[нова] очень хорошая, милая женщина; я по племяннице Нелли знаю

ее. Кроткая, добрая, любящая и нравственная женщина.

Анна Дмитриевна.

Нравственная женщина, которая решает [ся] бросить мужа.

Князь Абрезков.

Я не узнаю вас. Вы недобры, вы жестоки. Муж ее один из тех людей, про которых говорят, что он только сам себе враг. Но он еще больше жене враг. Это слабый, совершенно падший, пьяный человек. Он промотал всё свое состояние, всё ее состояние, – у нее ребенок. Как же вы осуждаете женщину, которая оставила такого человека? И то не она, а он оставил ее.

Анна Дмитриевна.

Ах, какая грязь, какая грязь. И я должна пачкаться в ней.

Князь Абрезков.

А ваша религия?

Анна Дмитриевна.

Да, да, прощение. «Как и мы оставляем должн[икам] нашим». Mais c'est plus fort que moi.[13]

Князь Абрезков.

Ну как же ей жить с таким человеком? Если бы она и не любила другого, она должна бы была это сделать. Для ребенка должна. Он сам, муж, умный и добрый человек, когда он в своем уме, советует ей это сделать.

ЯВЛЕНИЕ IV

Анна Дмитриевна, князь Абрезков, входит Каренин, целует руку матери, здоровается с князем Абрезковым.

Каренин.

Мама! Я зашел сказать вам одно: Лизавета Андреевна сейчас придет, и я прошу, умоляю вас только об одном: если вы продолжаете быть несогласны на мой брак...

Анна Дмитриевна (перебивая его).

Разумеется, продолжаю быть несогласна.

Каренин (продолжая речь и хмурясь).

...то прошу, умоляю вас об одном: не говорите о своем несогласии, не решайте в отрицательном смысле.

Анна Дмитриевна.

Я думаю, что мы и не будем ни о чем таком говорить. Я, по крайней мере, уж никак не начну.

Каренин.

Она тем менее. Мне только хотелось, чтобы вы узнали ее.

Анна Дмитриевна.

Не понимаю одно: как ты миришь свое желание жениться на госпоже Протасовой с живым мужем, с твоими религиозными убеждениями, что развод противен христианству?

Каренин.

Мама! Это жестоко с вашей стороны. Неужели мы все так непогрешимы, что не можем расходиться в наших убеждениях, когда жизнь так сложна? Мама, за что вы так жестоки ко мне?

Анна Дмитриевна.

Я люблю тебя, хочу тебе счастья.

Каренин (к князю Абрезкову).

Сергей Дмитриевич!

Князь Абрезков.

Разумеется, вы хотите ему счастья, но нам, с нашими сединами, уже трудно понимать молодежь. А особенно трудно матери, приучившей себя к мысли о своем счастье для сына. Все женщины так.

Анна Дмитриевна.

Вот, вот именно. Все против меня. Разумеется, ты можешь сделать это, vous êtes majeur, [14] но ты погубишь меня.

Каренин.

Не узнаю вас. Это хуже, чем жестокость.

Князь Абрезков (к Виктору).

Перестань, Виктор. Мама говорит всегда хуже, чем делает.

Анна Дмитриевна.

Я скажу, что думаю и чувствую, и скажу, не оскорбляя ее.

Князь Абрезков.

Это наверно.

ЯВЛЕНИЕ V

Анна Дмитриевна, князь Абрезков, Каренин и лакей входит.

Князь Абрезков.

Вот и она.

Каренин.

Я уйду.

Лакей.

Лизавета Андреевна Протасова.

Каренин.

Я ухожу, мама. Пожалуйста...

Князь Абрезков тоже встает.

Анна Дмитриевна.

Просите. (К князю Абрезкову.) Нет, вы останьтесь.

ЯВЛЕНИЕ VI

Анна Дмитриевна и князь Абрезков.

Князь Абрезков.

Я думал вам легче en tête-à-tête.[15]

Анна Дмитриевна.

Нет, я боюсь. (Суетится.) Если я захочу остаться с ней tête-à-tête, я кивну вам. Ça dépendra... [16] А то мне остаться одной с ней, это свяжет меня. Я тогда так сделаю вам.

Князь Абрезков.

Я пойму. Я уверен, что она понравится вам. Только будьте справедливы.

Анна Дмитриевна.

Как вы все против меня.

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же. Входит Лиза в шляпе, в визитном платье.

Анна Дмитриевна (приподнимаясь).

Я жалела, что не застала вас, но вот вы так добры, что сами приехали.

Лиза.

Я никак не ожидала. Я так благодарна вам, что вы пожелали меня видеть.

Анна Дмитриевна.

Вы знакомы? (Указывает на князя Абрезкова.)

Князь Абрезков.

Как же, я имел честь быть представленным. (Shake hands.[17] Садятся.) Моя племянница Нелли мне часто говорит про вас.

Лиза.

Да, мы дружны были очень. (Оглядываясь робко на Анну Дмитриевну.) И теперь дружны. (К Анне Дмитриевне.) Я никак не ожидала, что вы пожелаете меня видеть.

Анна Дмитриевна.

Я знала хорошо вашего мужа. Он был дружен с Виктором и бывал у нас до своего переезда в Тамбов. Кажется, там он женился на вас?

Лиза.

Да, мы там женились.

Анна Дмитриевна.

А потом, когда он опять переехал в Москву, он уже не бывал у меня.

Лиза.

Да он нигде почти не бывал.

Анна Дмитриевна.

И не познакомил меня с вами. (Неловкое молчание.)

Князь Абрезков.

Последний раз я встретил вас у Денисовых на спектакле. Вы помните? Очень было мило. И вы играли.

Лиза.

Нет... да... как же... помню. Я играла. (Опять молчание.) Анна Дмитриевна, простите меня, если вам неприятно то, что я скажу, но я не могу, не умею притворяться. Я приехала, потому что Виктор Михайлович сказал... потому что он, то есть потому что вы хотели меня видеть... но лучше всё сказать... (Всхлипывает.) Мне очень тяжело... а вы добры.

Князь Абрезков.

Да, я лучше уйду.

Анна Дмитриевна.

Да, уйдите.

Князь Абрезков.

До свиданья. (Прощается с обеими женщинами и уходит.)

ЯВЛЕНИЕ VIII

Анна Дмитриевна и Лиза.

Анна Дмитриевна.

Послушайте, Лиза, не знаю, да и не хочу знать, как вас по отчеству.

Лиза.

Андреевна.

Анна Дмитриевна.

Ну, всё равно – Лиза. Мне вас жаль, вы мне симпатичны. Но я люблю Виктора. Я одно существо на свете люблю. Я знаю его душу, как свою. Это гордая душа. Он был горд еще 7-летним мальчиком. Горд не именем, не богатством, но горд своей чистотой, своей нравственной высотой, и он соблюдал ее. Он чист, как девушка.

Лиза.

Я знаю.

Анна Дмитриевна.

Он никого женщин не любил. Вы первая. Не скажу, что я не ревную к вам. Я ревную. Но мы, матери, – у вас еще маленький, вам рано, – мы готовимся к этому. Я готовилась к тому, чтобы отдать его жене и не ревновать. Но отдать такой же чистой, как он.

Лиза.

Я... Разве я...

Анна Дмитриевна.

Простите, я знаю, вы не виноваты, но вы несчастны. И я его знаю. Теперь он готов всё перенести и перенесет и никогда не скажет, но будет страдать. Его оскорбленная гордость будет страдать, и он не будет счастлив.

Лиза.

Я думала об этом.

Анна Дмитриевна.

Лиза, милая. Вы умная, хорошая женщина. Если вы любите его, то вы хотите его счастья больше, чем своего. А если так, то вы не захотите связать его и заставить раскаиваться – хоть он не скажет, никогда не скажет.

Лиза.

Я знаю, что не скажет. Я думала об этом и задавала себе этот вопрос. Я думала и говорила ему. Но что ж я могу сделать, когда он говорит, что не хочет жить без меня? Я говорила: будем друзьями, но устройте себе свою жизнь, не связывайте свою чистую жизнь с моей несчастной. Он не хочет.

Анна Дмитриевна.

Да, теперь не хочет.

Лиза.

Уговорите его оставить меня. А я согласна. Я люблю его для его, а не для своего счастья. Только помогите мне, не ненавидьте меня. Будем вместе, любя, искать его блага.

Анна Дмитриевна.

Да, да, я полюбила вас. (Целует ее. Лиза плачет.) Но все-таки, все-таки это ужасно. Если бы он тогда, когда вы еще не выходили замуж, полюбил вас.

Лиза.

Он говорит, что полюбил тогда, но не хотел мешать счастью друга.

Анна Дмитриевна.

Ах, как это всё тяжело. Но всё [же] будем любить друг друга, и бог поможет нам найти то, что мы хотим.

ЯВЛЕНИЕ IX

Те же и Каренин.

Каренин (выходя).

Мама, милая. Я всё слышал. Я ожидал этого: вы полюбили ее. И всё будет хорошо.

Лиза.

Как мне жалко, что вы всё слышали. Я бы не говорила...

Анна Дмитриевна.

Все-таки ничего не решено. Я могу сказать одно, что если бы не все эти тяжелые обстоятельства, я бы рада была. (Целует ее.)

Каренин.

Пожалуйста, только не меняйтесь.

Занавес

.

КАРТИНА 2-я

Квартира скромная, постель, письменный стол, диван.

ЯВЛЕНИЕ I

Федя один.

В дверь стучат. Из-за двери женский голос: «Что ты заперся, Федор Васильич? Федя, отопри».

ЯВЛЕНИЕ II

Федя и Маша.

Федя (встает, [отпирает дверь]. Входит Маша.)

Вот спасибо, что пришла. Скучно. Ужасно скучно.

Маша.

Что же к нам не пришел? Опять пьешь? Эх ты, а обещал.

Федя.

Ты знаешь что [-] денег нет.

Маша.

И зачем я тебя полюбила?

Федя.

Маша!

Маша.

Что Маша, Маша. Если бы любил, давно бы развелся. И там тебя просили. И говоришь, что не любишь. А держишься за нее. Не хочешь, видно.

Федя.

Ведь ты знаешь, отчего не хочу.

Маша.

Пустяки всё. Правду говорят, что пустой ты человек.

Федя.

Что же мне тебе говорить? Сказать, что мне больно то, что ты говоришь, так ты это сама знаешь.

Маша.

Ничего тебе не больно...

Федя.

Сама знаешь, что мне одна радость в жизни твоя любовь.

Маша.

Моя-то моя. А твоей-то нет.

Федя.

Ну, я уверять не стану. Да и незачем – ты сама знаешь.

Маша.

Федя, за что ты меня мучишь?

Федя.

Кто кого.

Маша (плачет).

Недобрый ты.

Федя (подходит и обнимает ее).

Маша! О чем ты? Перестань. Жить надо, а не хныкать. Тебе-то уж не пристало. Красавица ты моя.

Маша.

Любишь?

Федя.

Кого же мне любить?

Маша.

Только меня? Ну читай, что ты написал.

Федя.

Да тебе скучно будет.

Маша.

Коли уж ты написал, так хорошо будет.

Федя.

Ну, слушай. (Читает.) «Поздней осенью мы сговорились с товарищем съехаться у Мурыгиной площадки. Площадка эта был крепкий остров с сильными выводками. Был темный, теплый, тихий день. Туман...»

ЯВЛЕНИЕ III

Федя и Маша.

В дверь входит старый цыган Иван Макарович и старая цыганка Настасья Ивановна – родители Маши.

Настасья Ивановна (подступая к дочери).

Тут проклятая овца беглая. Барину почтенье. (К дочери.) Что же ты с нами делаешь? А?

Иван Макарович (к Феде).

Нехорошо, барин, делаешь. Девку губишь. Ох, нехорошо, погано делаешь.

Настасья Ивановна.

Надевай платок, марш сейчас. Вишь, убежала. Что я хорю скажу? Путаешься с голышом. Что с него взять?

Маша.

Не путаюсь я. А люблю барина и больше ничего. Я хор не бросаю, петь буду, а что...

Иван Макарович.

Поговори еще, я тебе косу-то повыдеру. Шкура. Кто так делал? Ни отец, ни мать, ни тетка. Скверно, барин. Мы тебя любили, сколько тебе задаром пели, тебя жалели. А ты что сделал.

Настасья Ивановна.

Погубил ни за что дочку, кровную, единственную, ненаглядную, бриллиантовую, неоцененную, в навоз втоптал, вот что сделал. Бога в тебе нет.

Федя.

Ты, Настасья Ивановна, напрасно на меня думаешь. Твоя дочь мне как сестра. Я ее честь берегу. И ты не думай. А люблю ее. Что же делать.

Иван Макарович.

Да вот не любил, когда у вас деньги были. Заплатил бы тогда в хор тысяч 10 и взял бы честь-честью. А теперь промотал, крадучи увел. Стыдно, барин. Стыдно.

Маша.

Он не уводил. Я сама к нему пришла. И теперь уведете, опять приду. Люблю его и всё. Крепче всех ваших замков моя любовь... Не хочу.

Настасья Ивановна.

Ну, Машенька, сердечная, не бурчи. Нехорошо сделала, ну и пойдем.

Иван Макарович.

Ну, будет разговаривать. Марш (берет за руку). Простите, барин. (Все трое уходят.)

ЯВЛЕНИЕ IV

Федя. Входит князь Абрезков.

Князь Абрезков.

Простите меня. Я невольно был свидетелем неприятной сцены.

Федя.

С кем имею честь?.. (Узнает.) Ах, князь Сергей Дмитриевич.
(Здоровается.)

Князь Абрезков.

Невольным свидетелем неприятной сцены. Я бы желал не слышать. Но услышав, считаю долгом сказать, что слышал. Меня направили сюда, и у двери я должен был дожидаться выхода этих господ. Тем более, что мои постукивания в дверь были не слышны за голосами очень громкими.

Федя.

Да, да. Прошу покорно. Благодарю вас за то, что вы мне сказали это. Это дает мне право объяснить вам эту сцену. То, что вы подумаете обо мне, мне всё равно. Но мне хочется сказать вам, что упреки, которые вы слышали, этой девушке–цыганке, певице, – несправедливы. Эта девушка так же нравственно чиста, как голубь. И мои отношения с ней дружеские. Если, может быть, на них есть оттенок поэтичности, то это все–таки не уничтожает чистоты – чести этой девушки. Вот это мне хотелось вам сказать. Так что вам от меня угодно? Чем могу вам служить?

Князь Абрезков.

Я, во–первых...

Федя.

Простите меня, князь. Я стал в такое положение в обществе, что мое малое и давнишнее знакомство с вами не дает мне права на ваше посещение, если у вас нет до меня дела – в чем оно?

Князь Абрезков.

Не буду отрицать, вы угадали. У меня есть дело. Но все–таки прошу вас верить, что изменение вашего положения никак не может влиять на мое отношение к вам.

Федя.

Совершенно уверен.

Князь Абрезков.

Дело мое в том, что сын моего старого друга, Анны Дмитриевны Карениной, и она сама просили меня прямо непосредственно от вас узнать о ваших отношениях... Вы мне позволите говорить о ваших отношениях к вашей жене, Лизавете Андреевне Протасовой?

Федя.

Мои отношения с моей женой, могу сказать: моей бывшей женой –

совершенно прекращены.

Князь Абрезков.

Я так и понимал. И потому только взял на себя эту трудную миссию.

Федя.

Прекращены, спешу заявить, не по ее, а по моей или скорее, моим бесконечным винам. Она же, как была, так и осталась самой безупречною женщиной.

Князь Абрезков.

Так вот Виктор Каренин, в особенности его мать, просили меня узнать у вас о ваших намерениях.

Федя (горячась).

Какие намерения? Никаких. Я предоставляю ей полную свободу. Мало того, никогда не нарушу ее спокойствия. Я знаю, что она любит Виктора Каренина. И пускай. Я считаю его очень скучным, но очень хорошим, честным человеком, и я думаю, что она будет с ним (как это говорится обыкновенно) счастлива. И que le bon dieu les bénisse.[18] Вот и всё.

Князь Абрезков.

Да, но мы бы...

Федя (перебивает).

И не думайте, чтобы у меня было малейшее чувство ревности. Если я сказал про Виктора, что он скучный, то я беру это слово назад. Он прекрасный, честный, нравственный человек, почти что противоположность мне. И он любил ее с детства. Может быть, и она его любила, когда вышла за меня. Это бывает. Самая лучшая любовь бывает такая, про которую не знаешь. Она, я думаю, всегда любила. Но как честная женщина даже себе не признавалась в этом, но это какая-то тень лежала на нашей семейной жизни... впрочем, что я делаю вам признание.

Князь Абрезков.

Пожалуйста, сделайте. Верьте, что для меня важнее моей миссии определенные к вам <мои человеческие отношения>, мое желание понять вполне эти отношения. Я понимаю вас. Понимаю, что эта тень, как вы прекрасно выразились, могла быть...

Федя.

Да и была, и может быть, от этого я не мог удовольствоваться той семейной жизнью, которую она мне давала, и чего-то искал и увлекался. Да, впрочем, я как будто оправдываюсь. Я не хочу, да мне

и нельзя оправдываться. Я был, смело говорю был, дурной муж, был, потому что теперь я в сознании своем давно не муж и считаю ее совершенно свободной. Стало быть, вот вам и ответ на вашу миссию.

Князь Абрезков.

Да, но вы знаете семью Виктора и его самого. Его отношения к Лизавете Андреевне всё время были и остаются самыми почтительными и далекими. Он помогал ей, когда ей было трудно.

Федя.

Да, я своим распутством помогал их сближению. Что же делать, так должно было быть.

Князь Абрезков.

Вы знаете его и его семьи строгие православные убеждения. Я не разделяю их. Я шире смотрю на вещи. Но уважаю их и понимаю. Понимаю, что для него и в особенности для матери немислимо сближение с женщиной без церковного брака.

Федя.

Да, я знаю его туп... прямолинейность, консерватизм в этом отношении. Но что же им нужно? Развод? Я давно сказал им, что готов дать, но условия принятия вины на себя, всей лжи, связанной с этим, очень тяжелы.

Князь Абрезков.

Я понимаю вполне вас и разделяю. Но как же быть? Я думаю, можно так устроить. Впрочем, вы правы. Это ужасно, и я понимаю вас.

Федя (жмет руку).

Благодарствуйте, милый князь. Я всегда знал вас за честного, доброго человека. Ну, скажите, как мне быть? Что мне делать? Войдите во всё мое положение. Я не стараюсь сделаться лучше. Я негодяй. Но есть вещи, которые я не могу спокойно делать. Не могу спокойно лгать.

Князь Абрезков.

Я вас тоже не понимаю. Вы, способный, умный человек, с такой чуткостью к добру, как это вы можете увлекаться, можете забывать то, что сами от себя требуете? Как вы дошли до этого, как вы погубили свою жизнь?

Федя (пересиливает слезы волнения).

Вот уж десять лет я живу своей беспутной жизнью. И в первый раз такой человек, как вы, пожалел меня. Меня жалели товарищи, кутилы, женщины, но разумный, добрый человек, как вы... Спасибо вам. Как я дошел до своей гибели? Во-первых, вино. Вино ведь не то что вкусно.

А что я ни делаю, я всегда чувствую, что не то, что надо, и мне стыдно. Я сейчас говорю с вами, и мне стыдно. А уж быть предводителем, сидеть в банке – так стыдно, так стыдно... И только, когда выпьешь, перестанет быть стыдно. А музыка, – не оперы и Бетховен, а цыгане... Это такая жизнь, энергия вливается в тебя. А тут еще милые черные глаза и улыбка. И чем это увлекательнее, тем после еще стыднее.

Князь Абрезков.

Ну, а труд?

Федя.

Пробовал. Всё нехорошо. Всем я недоволен. Ну, да что о себе говорить. Спасибо вам.

Князь Абрезков.

Так что же мне сказать?

Федя.

Скажите, что сделаю то, что они хотят. Ведь они хотят жениться – чтобы ничто не мешало им жениться?

Князь Абрезков.

Разумеется.

Федя.

Сделаю. Скажите, что наверное сделаю.

Князь Абрезков.

Когда же?

Федя.

Постойте. Ну, скажем две недели. Довольно?

Князь Абрезков (вставая).

Так и могу сказать?

Федя.

Можете. Прощайте, князь, еще раз благодарю вас.

Князь Абрезков уходит.

ЯВЛЕНИЕ V

Федя один.

Федя (сидит долго, молча улыбается).

Хорошо. Очень хорошо. Так и надо. Так и надо. Так и надо. Чудесно.

Занавес

.

ДЕЙСТВИЕ IV

КАРТИНА 1-я

В трактире. Отдельный кабинет. Половой вводит Федю и Ивана Петровича Александрова.

ЯВЛЕНИЕ I

Федя, Иван Петрович и половой.

Половой.

Сюда пожалуйста. Здесь никто не беспокоит, а бумагу сейчас подам.

Иван Петрович.

Протасов! Я войду.

Федя (серьезный).

Пожалуй, войди, но я занят и... Хочешь – войди.

Иван Петрович.

Ты хочешь ответить на их требования. Я тебе скажу, как? Я бы не стал так. Я всегда говорю прямо и действую решительно.

Федя (половому).

Бутылку шампанского.

Половой уходит.

ЯВЛЕНИЕ II

Федя и Иван Петрович.

Федя (вынимает револьвер и кладет).

Подожди немножко.

Иван Петрович.

Что ж? что ты застрелиться хочешь. Можно, можно. Я тебя понимаю. Они хотят тебя унижить. А ты им покажешь, кто ты. Себя убьешь револьвером, а их великодушием. Я понимаю тебя. Я всё понимаю, потому что я гений.

Федя.

Ну да, ну да. Только...

Входит половой с бумагой и чернильницей.

ЯВЛЕНИЕ III

Те же и половой.

Федя (прикрывает пистолет салфеткой).

Откупори. Давай выпьем. (Пьют. Федя пишет.) Погоди немного.

Иван Петрович.

За твое... большое путешествие. Я ведь стою выше этого. Я не стану удерживать тебя. И жизнь и смерть для гения безразличны. Я умираю в жизни и живу в смерти. Ты убьешь себя, чтобы они, два человека, жалели тебя. А я – я убью себя затем, чтобы весь мир понял, что он потерял. И я не стану колебаться, думать. Взял (хватает револьвер) – раз и готово. Но еще рано (кладет револьвер). И мне писать нечего, они сами должны понять... Ах вы...

Федя (пишет).

Немножко подожди.

Иван Петрович.

Жалкие люди. Копшатся, хлопчут. И не понимают – ничего не понимают... Я не тебе. Я так, высказываю свои мысли. А что нужно для человечества? Очень мало: ценить своих гениев, а они всегда казнили их, гнали, мучали. Нет. Я не буду вашей игрушкой. Я выведу вас на чистую воду. Не-е-е-т. Лицемеры!

Федя (кончил писать, выпивает и читает).

Уйди, пожалуйста.

Иван Петрович.

Уйти? Ну, прощай. Я не стану удерживать тебя. Я то же сделаю. Но еще рано. Я только хочу сказать тебе...

Федя.

Хорошо. Ты скажешь, но после, а теперь вот что, дружок. Пожалуйста, отдай вот это хозяину (подает ему деньги) и спроси на мое имя письмо и посылку. Пожалуйста.

Иван Петрович.

Хорошо. Так ты меня подождешь? Я еще важное скажу тебе. Такое, чего ты не услышишь не только на этом свете, но и в будущем, по крайней мере до тех пор, пока я не приду туда. Так всё отдать?

Федя.

Сколько нужно.

Иван Петрович уходит.

ЯВЛЕНИЕ IV

Федя один.

Федя (вздыхает облегченно, запирает за Иваном Петровичем дверь, берет револьвер, взводит, прикладывает к виску вздрагивает и осторожно опускает. Мычит).

Нет, не могу, не могу, не могу.

Стучат в дверь.

Кто там?

Из-за двери голос Маши: Я.

Федя.

Кто я? Ах, Маша... (Отворяет дверь.)

ЯВЛЕНИЕ V

Федя и Маша.

Маша.

Была у тебя, у Попова, у Афремова и догадалась, что здесь. (Видит револьвер.) Вот хорошо-то. Вот дурак. Право, дурак. Да неужели ты в самом деле?

Федя.

Нет, не мог.

Маша.

А меня–то нет разве? Безбожник. Меня–то не пожалел. Ах, Федор Васильевич, грех, грех. За мою любовь...

Федя.

Хотел их отпустить, обещал. А лгать не могу.

Маша.

А я–то?

Федя.

Что ты? И тебя бы развязал. Разве тебе лучше со мной мучаться.

Маша.

Стало быть, лучше. Не могу я без тебя жить.

Федя.

Какая со мной жизнь? Поплакала бы, да и прожила бы.

Маша.

И совсем не плакала бы, черт с тобой, коли ты меня не жалеешь.
(Плачет.)

Федя.

Маша! Дружок. Ведь я хотел лучше сделать.

Маша.

Себе лучше.

Федя (улыбаясь).

Да как же себе лучше, коли бы я себя убил?

Маша.

Разумеется, лучше. Да что тебе нужно? Ты скажи.

Федя.

Как что нужно? Много нужно.

Маша.

Ну что? Что?

Федя.

Нужно, во-первых, сдержать обещание. Это первое, и этого довольно. Лгать и делать все эти гадости, что нужно для развода, не могу.

Маша.

Положим, что гадко. Я сама...

Федя.

Потом нужно точно их освободить, и жену и его. Что же, они хорошие люди. Зачем им мучаться? Это два.

Маша.

Ну уж хорошего в ней мало, коли она тебя бросила.

Федя.

Не она бросила – я бросил.

Маша.

Ну, хорошо, хорошо. Всё ты. Она ангел. Еще что ж?

Федя.

А еще то, что ты хорошая, милая девочка – люблю тебя и, коли останусь жить, то погублю тебя.

Маша.

Это уж не твое дело. Я сама про себя знаю, где погибну...

Федя (вздыхает).

А главное, главное... Что моя жизнь? Разве я не вижу, что я пропал, не гоюсь никуда. Всем и себе в тягость, как говорил твой отец. Негодящий я...

Маша.

Вот вздор. Я от тебя не отлеплюсь. Прилепилась я, да и всё. А что ты плохо живешь, пьешь да кутишь... А ты живой человек – брось. Вот и всё.

Федя.

Легко сказать.

Маша.

И сделай так.

Федя.

Да вот как смотрю на тебя, так, кажется, всё сделаю.

Маша.

И сделаешь. Всё сделаешь. (Видит письмо.) Это что же? Ты им писал? Что же писал?

Федя.

Что писал? (Берет письмо и хочет разорвать.) Теперь уже не нужно.

Маша (вырывает письмо).

Писал, что убил себя, да? Не писал про пистолет? Писал, что убил?

Федя.

Да, что меня не будет.

Маша.

Давай, давай, давай. Читал ты «Что делать?»?

Федя.

Читал, кажется.

Маша.

Скучный это роман, а одно очень, очень хорошо. Он, этот, как его, Рахманов взял да и сделал вид, что он утопился. И ты вот не умеешь плавать?

Федя.

Нет.

Маша.

Ну вот. Давай сюда свое платье. Всё, и бумажник.

Федя.

Да как же?

Маша.

Стой, стой, стой. Поедем домой. Там переоденешься.

Федя.

Да ведь это обман.

Маша.

И прекрасно. Пошел купаться, платье осталось на берегу. В кармане бумажник и это письмо.

Федя.

Ну, а потом?

Маша.

А потом, потом уедем и будем жить во славу.

ЯВЛЕНИЕ VI

Те же. Входит Иван Петрович.

Иван Петрович.

Вот те на. А револьвер? Я себе возьму.

Маша.

Бери, бери. А мы едем.

Занавес

.

КАРТИНА 2-я

Гостиная у Протасовой.

ЯВЛЕНИЕ I

Каренин и Лиза.

Каренин.

Он так определенно обещал, что я уверен, что он исполнит обещание.

Лиза.

Мне совестно, но я должна сказать, что то, что я узнала про эту цыганку, совсем освободило меня. Не думай, что это была ревность. Это не ревность, а знаешь, освобождение. Ну как вам сказать...

Каренин.

Опять: вам.

Лиза (улыбаясь).

Тебе. Да не мешайте, не мешай мне сказать, что я чувствую. Главное, что мучало меня, это то, что я чувствовала, что люблю двух. А это значит, что я безнравственная женщина.

Каренин.

Ты безнравственная женщина?

Лиза.

Но с тех пор как я узнала, что у него есть другая женщина, что я, стало быть, не нужна ему, я освободилась и почувствовала, что я могу, не солгав, сказать, что люблю вас – тебя. Теперь в душе у меня ясно, и меня мучает только мое положение. Этот развод. Это всё так мучительно. Это ожидание.

Каренин.

Сейчас, сейчас решится. Кроме того, что он обещал, я просил секретаря съездить к нему с прошением и не уезжать, пока он не подпишет. Если бы я не знал его, как знаю, я подумал бы, что он нарочно делает это.

Лиза.

Он? Нет, это всё та же его и слабость и честность. Не хочет говорить неправду. А только напрасно послал ему деньги.

Каренин.

Нельзя же. Это могло быть причиной остановки.

Лиза.

Нет, деньги что-то нехорошее.

Каренин.

Ну, ему бы уж можно было быть менее pointilleux.[19]

Лиза.

Какие мы делаемся эгоисты.

Каренин.

Да, каюсь. Ты сама виновата. После этого ожидания, этой безнадежности, я теперь так счастлив. А счастье делает эгоистом. Ты виновата.

Лиза.

Ты думаешь, что ты один. Я тоже. Я чувствую, что вся полна, купаюсь в своем счастье. Всё: и Мика поправился, и твоя мать меня любит, и ты, и, главное, я, я люблю.

Каренин.

Да? Без раскаяния? Без возврата?

Лиза.

С того дня всё вдруг переменялось во мне.

Каренин.

И не может вернуться?

Лиза.

Никогда. Я только одного желаю, чтобы в тебе это было так же совсем кончено, как во мне.

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и няня с ребенком.

Входит няня с мальчиком. Мальчик идет к матери. Она берет его на колени.

Каренин.

Какие мы несчастные люди.

Лиза.

А что? (Целует ребенка.)

Каренин.

Когда ты вышла замуж и, вернувшись из-за границы, [я] узнал это и почувствовал, что потерял тебя, я был несчастлив, и мне было радостно узнать, что ты помнила меня. Мне этого было довольно. Потом, когда установились наши дружеские отношения и я чувствовал, что ты ласкова ко мне, что есть в нашей дружбе маленькая искра чего-

то большего, чем дружба, я был уже почти счастлив. Меня мучал только страх за то, что я нечестен относительно Феди. Но, впрочем, у меня всегда было такое твердое сознание невозможности других отношений, кроме самой чистой дружбы к жене моего друга, – да и тебя я знал – так что это не мучало меня, и я был доволен. Потом, когда Федя стал мучать тебя и я чувствовал, что я поддержка тебе и что ты боишься моей дружбы, я был уже совсем счастлив, и у меня начиналась какая-то неопределенная надежда. Потом... когда он уж стал невозможен, ты решила оставить его, и я в первый раз сказал всё и ты не сказала нет, но в слезах ушла от меня, я был уже вполне счастлив, и если бы у меня спросили, чего я еще хочу, я бы сказал: ничего. Но потом явилась возможность соединить с тобой жизнь; мама полюбила тебя, возможность эта стала осуществляться, ты сказала мне, что любила и любишь меня, потом сказала мне, как теперь, что его нет для тебя, что ты любишь меня одного, – чего бы, казалось, мне желать? Но нет, теперь, теперь я мучаюсь прошедшим, хотелось бы, чтобы не было этого прошедшего, не было того, что напоминает о нем.

Лиза (с упреком).

Виктор.

Каренин.

Лиза, ты прости меня. То, что я говорю, я говорю потому, что не хочу, чтобы во мне была мысль о тебе и от тебя скрытая. Всё это я сказал нарочно затем, чтобы показать, как я дурен и как я знаю, что идти дальше некуда, что я должен бороться с собой и побороть себя. И я поборол. Я люблю его.

Лиза.

Так и надо. Я сделала всё, что могла. Не я, а в моем сердце сделалось всё, чего ты мог желать: из него всё исчезло, кроме тебя.

Каренин.

Всё?

Лиза.

Всё, всё. Я бы не стала говорить.

ЯВЛЕНИЕ III

Те же и лакей.

Лакей.

Господин Вознесенский.

Каренин.

Это он от Феди с ответом.

Лиза (Каренину).

Зовите сюда.

Каренин (встает и идет к двери).

Ну вот и ответ.

Лиза (отдает ребенка няне).

Неужели всё решится Виктор! (Целует его.)

ЯВЛЕНИЕ IV

Каренин, Лиза и Вознесенский входит.

Каренин.

Ну что?

Вознесенский.

Их нет.

Каренин.

Как нет? И не подписал прошение?

Вознесенский.

Простение не подписано, а оставлено письмо вам и Лизавете Андреевне. (Подает из кармана письмо.) Я приехал на квартиру. Мне сказали, что в ресторане. Я пошел. Тогда Федор Васильевич сказали, чтобы я пришел через час и найду ответ. Я пришел и вот...

Каренин.

Неужели опять откладывание, отговорки? Нет, это прямо нехорошо. Как он упал.

Лиза.

Да прочти, что?

Каренин открывает письмо.

Вознесенский.

Я не нужен вам?

Каренин.

Да нет, прощайте, благодарю... (Останавливается, удивленно читая.)

[Вознесенский уходит.]

ЯВЛЕНИЕ V

Каренин и Лиза.

Лиза.

Что? что?

Каренин.

Это ужасно.

Лиза (хватает письмо).

Читай.

Каренин (читает).

«Лиза и Виктор, обращаюсь к вам обоим. Не буду лгать, называя вас милыми или дорогими. Не могу совладать с чувством горечи и упрека – упрека себе, но все-таки мучительного, когда думаю о вас, о вашей любви, о вашем счастье. Всё знаю. Знаю, что, несмотря на то, что я муж, я рядом случайностей помешал вам. *C'est moi qui suis l'intrus.* [20] Но все-таки не могу удержаться от чувства горечи и холодности к вам. Теоретически люблю вас обоих, особенно Лизу, Лизаньку, но в действительности больше, чем холоден. Знаю, что я неправ и не могу измениться».

Лиза

Как это он...

Каренин (продолжая читать).

«Но к делу. Это самое раздваивающее меня чувство и заставляет меня иначе, чем как вы хотели, исполнить ваше желание. Лгать, играть гнусную комедию, давая взятки в консистории, и вся эта гадость невыносима, противна мне. Как я ни гадок, но гадок в другом роде, а в этой гадости не могу принять участия, просто не могу. Другой выход, к которому я прихожу – самый простой: вам надо жениться, чтобы быть счастливыми. Я мешаю этому, следовательно, я должен уничтожиться...»

Лиза (хватает за руку Каренина).

Виктор!

Каренин (читает).

«Должен уничтожиться. Я и уничтожаюсь. Когда вы получите это письмо, меня не будет.

Р. С. Очень жаль, что вы прислали мне деньги на ведение дела развода. Это неприятно и непохоже на вас. Ну, что же делать. Я столько раз ошибался. Можно и вам раз ошибиться. Деньги возвращаются. Мой исход короче, дешевле и вернее. Об одном прошу: не сердитесь на меня и добром поминайте меня. А еще, тут есть часовщик Евгеньев, не можете ли вы помочь ему и устроить его? Он слабый, но хороший. Прощайте. Федя».

Лиза.

Он убил себя. Да?

Каренин (звонит, бежит в переднюю).

Верните господина Вознесенского.

Лиза.

Я знала, я знала. Федя, милый Федя.

Каренин.

Лиза!

Лиза.

Неправда, неправда, что я не любила, не люблю его. Люблю его одного, люблю. И его я погубила. Оставь меня.

Входит Вознесенский.

ЯВЛЕНИЕ VI

Те же и Вознесенский.

Каренин.

Где же Федор Васильевич? Что вам сказали?

Вознесенский.

Сказали, что они вышли поутру, оставили это письмо и больше не возвращались.

Каренин.

Это надо узнать. Лиза, я оставляю тебя.

Лиза.

Прости меня, но я тоже не могу лгать. Оставь меня теперь. Иди, узн[ай] всё...

Занавес

.

ДЕЙСТВИЕ V

КАРТИНА 1–я

Грязная комната трактира. Стол с пьющими чай и водку. На первом плане столик, у которого сидит опустившийся, оборванный Федя и с ним Петушков, внимательный, нежный человек, с длинными волосами, духовного вида. Оба слегка выпивши.

ЯВЛЕНИЕ I

Федя и Петушков.

Петушков.

Я понимаю, понимаю. Вот это настоящая любовь. Ну и что ж?

Федя.

Да, знаете, если бы эти чувства проявились у девушки нашего круга, чтоб она пожертвовала всем для любимого человека, а тут цыганка, вся воспитанная на корысти, и эта чистая самоотверженная любовь – отдает всё, а сама ничего не требует. Особенно этот контраст.

Петушков.

Да, это у нас в живописи валёр называется. Только тогда можно сделать вполне ярkokрасный, когда кругом... Ну, да не в том дело. Я понимаю, понимаю...

Федя.

Да, и это, кажется, один добрый поступок у меня за душой, – то, что я не воспользовался ее любовью. А знаете отчего?

Петушков.

Жалость...

Федя.

Ох, нет. У меня к ней жалости не было. У меня перед ней всегда был восторг, и когда она пела – ах, как пела, да и теперь, пожалуй, поет, – и всегда я на нее смотрел снизу вверх. Не погубил я ее просто потому, что любил. Истинно любил. И теперь это хорошее, хорошее воспоминание. (Пьет.)

Петушков.

Вот понимаю, понимаю. Идеально.

Федя.

Я вам что скажу: были у меня увлечения. И один раз я был влюблен, такая была дама – красивая, и я был влюблен, скверно, по-собачьи, и она мне дала rendez-vous.[21] И я пропустил его, потому что счел, что подло перед мужем. И до сих пор, удивительно, когда вспоминаю, то хочу радоваться и хвалить себя за то, что поступил честно, а... раскаиваюсь, как в грехе. А тут с Машей – напротив. Всегда радуюсь, радуюсь, что ничем не осквернил это свое чувство... Могу падать еще, весь упасть, всё с себя продам, весь во вшах буду, в коросте, а этот бриллиант, не брильянт, а луч солнца, да, – во мне, со мной.

Петушков.

Понимаю, понимаю. Где же она теперь?

Федя.

Не знаю. И не хотел бы знать. Это всё было из другой жизни. И не хочу мешать с этой.

За столом сзади слышен крик женщины. Хозяин приходит и городской, уводят. Федя и Петушков глядят, слушают и молчат.

Петушков (после того, как там затихло).

Да, ваша жизнь удивительная.

Федя.

Нет, самая простая. Всем ведь нам в нашем круге, в том, в котором я родился, три выбора – только три: служить, наживать деньги, увеличивать ту пакость, в которой живешь. Это мне было противно, может быть не умел, но, главное, было противно. Второй – разрушать эту пакость; для этого надо быть героем, а я не герой. Или третье: забиться – пить, гулять, петь. Это самое я и делал. И вот допелся. (Пьет.)

Петушков.

Ну, а семейная жизнь? Я бы был счастлив, если бы у меня была жена. Меня жена погубила.

Федя.

Семейная жизнь? Да. Моя жена идеальная женщина была. Она и теперь жива. Но что тебе сказать? Не было изюминки, – знаешь в квасе изюминка? – не было игры в нашей жизни. А мне нужно было забываться. А без игры не забудешься. А потом я стал делать гадости. А ведь ты знаешь, мы любим людей за то добро, которое мы им сделали, и не любим за то зло, которое мы им делали. А я ей наделал зла. Она как будто любила меня.

Петушков.

Отчего вы говорите: как будто?

Федя.

А оттого говорю, что никогда не было в ней того, чтоб она в душу мне влезла, как Маша. Ну, да не про то. Она беременная, кормящая, а я пропаду и вернусь пьяный. Разумеется, за это самое всё меньше и меньше любил ее. Да, да (приходит в восторг), вот сейчас пришло в голову: оттого-то я люблю Машу, что я ей добро сделал, а не зло. Оттого люблю. А ту мучал, за то... не то что не люблю... Да нет, просто не люблю. Ревновал – да, но и то прошло.

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и Артемьев.

Подходит Артемьев с кокардой, крашеными усами, [в] подправленной древней одежде.

Артемьев.

Приятного аппетита. (Кланяется Феде.) Познакомились с артистом художником?

Федя (холодно).

Да, мы знакомы.

Артемьев (Петушкову).

Что ж, портрет кончил?

Петушков.

Нет, расстроилось.

Артемьев (садится).

Я не мешаю вам?

Федя и Петушков молчат.

Петушков.

Федор Васильевич рассказывал про свою жизнь.

Артемьев.

Тайны? Так я не мешаю, продолжайте. Я-то уж в вас не нуждаюсь.
Свиньи. (Отходит к соседнему столу и требует себе пива. Всё время слушает разговор Феде с Петушковым, перегибаясь к ним.)

Федя.

Не люблю этого господина.

Петушков.

Обиделся.

Федя.

Ну, бог с ним. Не могу. Как такой человек, у меня слова не идут. Вот с вами мне легко, приятно. Так что я говорил?

Петушков.

Говорили, что ревновали. Ну, а как же вы разошлись с вашей женой?

Федя.

Ах. (Задумывается.) Это удивительная история. Жена моя замужем.

Петушков.

Как же? Развод?

Федя.

Нет. (Улыбается.) Она от меня осталась вдовой.

Петушков.

То есть как же?

Федя.

А так же: вдовой. Меня ведь нет.

Петушков.

Как нет?

Федя.

Нет. Я труп. Да. (Артемьев перегибается, прислушивается.) Видите ли... Вам я могу сказать. Да это давно, и фамилию мою настоящую вы не знаете. Дело было так. Когда я уже совсем измучал жену, прокутил всё, что мог, и стал невыносим, явился покровитель ей. Не думайте, что что-нибудь грязное, нехорошее – нет – мой же приятель и хороший, хороший человек, только прямая во всем противоположность мне. А так как у меня гораздо больше дурного, чем хорошего, то это и был и есть хороший, очень хороший человек: честный, твердый, воздержный и просто добродетельный. Он знал жену с детства, любил ее и потом, когда она вышла за меня, примирился с своей участью. Но потом, когда я стал гадок, стал мучать ее, он стал чаще бывать у нас. Я сам желал этого. И они полюбили друг друга, а я к этому времени совсем свихнулся и сам бросил жену. А тут еще Маша. Я сам предложил им жениться. Они не хотели. Но я всё делался невозможнее и невозможнее и кончилось тем, что...

Петушков.

Как всегда...

Федя.

Нет. Я уверен и знаю, что они оставались чисты. Он, религиозный человек, считал грехом брак без благословенья. Ну, стали требовать развод, чтоб я согласился. Надо было взять на себя вину. Надо было всю эту ложь... И я не мог. Поверите ли, мне легче было покончить с собой, чем лгать. И я уже хотел покончить. А тут добрый человек говорит: зачем? И всё устроили. Прощальное письмо я послал, а на другой день нашли на берегу одежду и мой бумажник, письма. Плавать я не умею.

Петушков.

Ну, а как же тело-то не нашли же?

Федя.

Нашли. Представьте. Через неделю нашли тело какое-то. Позвали жену смотреть. Разложившееся тело. Она взглянула. – Он? – Он. Так и осталось. Меня похоронили, а они женились и живут здесь и благоденствуют. А я – вот он. И живу и пью. Вчера ходил мимо их дома. Свет в окнах, тень чья-то прошла по сторе. И иногда скверно, а иногда ничего. Скверно, когда денег нет... (Пьет.)

Артемьев (подходит).

Ну, уж простите, слышал вашу историю. История очень хорошая и, главное, полезная. Вы говорите – скверно, когда денег нет. Это нет сквернее. А вам в вашем положении надо всегда иметь деньги. Ведь вы труп. Хорошо.

Федя.

Позвольте. Я не вам рассказывал и не желаю ваших советов.

Артемьев.

А я желаю их вам подать. Вы труп, а если оживете, то что они-то – ваша супруга с господином, которые благоденствуют, – они двоеженцы и в лучшем случае проследуют в не столь отдаленные. Так зачем же вам без денег быть?

Федя.

Прошу вас оставить меня.

Артемьев.

Просто пишите письмо. Хотите я напишу, только дайте адрес, а вы меня поблагодарите.

Федя.

Убирайтесь. Я вам говорю. Я вам ничего не говорил.

Артемьев.

Нет, говорили. Вот он свидетель. Половой слышал, что вы говорили, что труп.

Половой.

Мы ничего не знаем.

Федя.

Негодяй.

Артемьев.

Я негодяй? Ей, городской. Акт составить.

Федя встает и уходит. Артемьев держит его. Приходит городской.

Занавес

.

КАРТИНА 2-я

Действие в деревне на террасе, обросшей плющом.

ЯВЛЕНИЕ I

Анна Дмитриевна Каренина, Лиза беременная, нянька с ребенком.

Лиза.

Теперь уж едет со станции.

Мальчик.

Кто едет?

Лиза.

Папа.

Мальчик.

Папа едет со станции?

Лиза.

C'est étonnant comme il l'aime tout-à-fait comme son père.[22]

Анна Дмитриевна.

Tant mieux. Se souvient-il de son père véritable?[23]

Лиза (вздыхает).

Я не говорю ему. Думаю, зачем его путать? А потом думаю, что надо сказать ему. Вы как думаете, papa?

Две страницы рукописи драмы «Живой труп» (действие V, картина 2)

Уменьшено

Анна Дмитриевна.

Я думаю, Лиза, что это дело чувства, и если ты отдашься своему чувству, твое сердце подскажет тебе, что и когда надо сказать. Как удивительно умиротворяет смерть. Признаюсь, было время, когда он, Федя, – ведь я его знала ребенком, – был мне неприятен, но теперь я только помню его милым юношей, другом Виктора и тем страстным человеком, который хоть и незаконно, нерелигиозно, но пожертвовал собой для тех, кого любил. On aura beau dire, l'action est belle... [24] Надеюсь, Виктор не забудет привезти шерсти, сейчас вся выйдет.

(Вяжет.)

Лиза.

Вот он и едет. (Слышны колеса и бубенчик. Лиза встает и подходит к краю террасы.) Кто-то с ним, дама. Маша! Я ее сто лет не видала. (Идет к двери.)

ЯВЛЕНИЕ II

Те же. Входят Каренин и [Марья Васильевна].

Марья Васильевна[25] (целуется с Лизой и Анной Дмитриевной).

Виктòр меня встретил и увез.

Анна Дмитриевна.

Прекрасно сделал.

Марья Васильевна.

Да, разумеется. Думаю, когда еще увижу и опять отложу, вот и приехала, если не прогоните, – до вечернего поезда.

Каренин (целует жену, и мать, и мальчика).

А я как счастлив, поздравьте меня. Два дня дома. Завтра всё без меня сделают.

Лиза.

Прекрасно. Два дня. Давно не бы[вало]. Съездим в пустынь. Да?

Марья Васильевна.

Как похож! Какой молодец! Только бы не всё наследовал: сердце отцовское.

Анна Дмитриевна.

Но не слабость.

Лиза.

Всё, всё. Виктòр согласен со мной, что если бы только с молодца он[о] б[ыло] направлено...

Марья Васильевна.

Ну, я этого ничего не понимаю. Я только не могу подумать о нем без слез.

Лиза.

И мы тоже. Как он вырос в нашей памяти.

Марья Васильевна.

Да, я думаю.

Лиза.

Как казалось неразрешимо одно время. И как вдруг всё разрешилось.

Анна Дмитриевна.

Ну, Виктор, привез шерсть?

Каренин.

Привез, привез. (Берет мешок и выбирает.) Вот шерсть, вот одеколон, и вот письма, и вот конверт казенный на твое имя. (Подает жене.) Ну-с, Марья Васильевна, если вам угодно помыться, то я проведу вас. Мне и самому нужно почиститься, а то сейчас обедать. Лиза! Ведь в нижнюю угловую Марью Васильевну?

Лиза бледная трясущимися руками держит бумагу и читает.

Что с тобой? Лиза! Что там?

Лиза.

Он жив. Боже мой! Когда он освободит меня! Виктор! Что это?
(Рыдает.)

Каренин (берет бумагу и читает).

Это ужасно.

Анна Дмитриевна.

Что, да скажи же.

Каренин.

Это ужасно. Он жив. И она двоемужница, и я преступник. Это бумага от судебного следователя, который требует к себе Лизу.

Анна Дмитриевна.

Какой ужасный человек... Зачем он это сделал?

Каренин.

Всё ложь, ложь.

Лиза.

О, как я ненавижу его. Я не знаю, что я говорю. (Уходит в слезах. Каренин за нею.)

ЯВЛЕНИЕ III

Анна Дмитриевна и Марья Васильевна.

Марья Васильевна.

Как же он остался жив?

Анна Дмитриевна.

Знаю только, что как только Виктор прикоснулся к этому миру грязи, они затают его. Вот и затанули. Всё обман, всё ложь.

Занавес

.

ДЕЙСТВИЕ VI

КАРТИНА 1-я

Камера судебного следователя.

ЯВЛЕНИЕ I

Судебный следователь, Мельников и письмоводитель.

Судебный следователь (сидит за столом и разговаривает с Мельниковым. Сбоку письмоводитель. Перебирает бумаги).

Да я ей никогда этого не говорил. Она выдумала, а потом меня упрекает.

Мельников.

Она не упрекает, а огорчается.

[Судебный следователь.]

Ну хорошо, я приду обедать. А теперь дело очень интересное.
[(Письмоводителю)] Просите.

Письмоводитель.

Обоих?

Судебный следователь (кончая курить и пряча папиросу).

Нет, одну г-жу Каренину, или правильнее, по первому мужу – Протасову.

Мельников (уходя).

А, это Каренина.

Судебный следователь.

Да. Грязное дело. Положим, я еще только начинаю расследование, но нехорошо. Ну, прощай.

Мельников уходит.

ЯВЛЕНИЕ II

Судебный следователь, письмоводитель и Лиза под вуалью в черном входит.

Судебный следователь.

Прошу покорно (указывая на стул). Поверьте, что очень сожалею о необходимости делать вам вопросы, но мы поставлены в необходимость... Пожалуйста, успокойтесь и знайте, что вы можете не отвечать на вопросы. Только мое мнение, что вам, да и для всех, лучше – правда. Всегда лучше и даже практичнее.

Лиза.

Мне нечего скрывать.

Судебный следователь.

Так вот. (Смотрит в бумаги.) Ваше имя, звание, исповедание – это всё я записал – так?

Лиза.

Да.

Судебный следователь.

Вы обвиняетесь в том, что вы, зная о том, что ваш муж жив, вышли замуж за другого.

Лиза.

Я не знала.

Судебный следователь.

И еще в том, что уговорили своего мужа, подкупив его деньгами, совершить обман – подобие самоубийства, с тем чтобы освободиться от него.

Лиза.

Всё это неправда.

Судебный следователь.

Так вот позвольте несколько вопросов. Переслали вы ему в июле прошлого года деньги 1200 рублей?

Лиза.

Деньги эти были его деньги. Они были выручены за его вещи. И в то время как я рассталась с ним и ждала от него развода, я послала их ему.

Судебный следователь.

Так-с. Очень хорошо. Деньги эти посланы 17 июля, то есть за 2 дня до его исчезновения.

Лиза.

Кажется, что 17 июля. Я не помню.

Судебный следователь.

А почему прекращены были ходатайства в консистории в то же время и было отказано адвокату?

Лиза.

Не знаю.

Судебный следователь.

Ну-с, а когда полиция пригласила вас свидетельствовать труп, каким образом признали вы в нем своего супруга?

Лиза.

Я была так взволнована тогда, что не смотрела на тело. И так была уверена, что это он, что когда меня спросили, я ответила, кажется, что он.

Судебный следователь.

Да, вы не рассмотрели от весьма понятного волнения. Хорошо-с. Ну-с, а почему, позвольте узнать, от вас ежемесячно была посылка денег в Саратов, в тот самый город, в котором проживал ваш первый муж?

Лиза.

Деньги эти посылал мой муж. И я не могу сказать про их назначение, так как это не моя тайна. Но только они не посылались Федору Васильевичу. Мы были твердо уверены, что его нет. Это я могу вам верно сказать.

Судебный следователь.

Очень хорошо. Одно позвольте вам заметить, милостивая государыня, мы слуги закона, но это не мешает нам быть людьми. И поверьте, что я понимаю вполне ваше положение и принимаю участие в нем. Вы были связаны с человеком, который тратил имущество, делал неверности, ну, одним словом, делал несчастье в[ам].

Лиза.

Я любила его.

Судебный следователь.

Да, но все-таки вам естественно желание освободиться, и вы избрали этот более простой путь, не подумав о том, что это приведет вас к тому, что считается преступлением двоебрачия – это понятно и мне. И присяжные поймут это. И потому я бы советовал вам открыть всё.

Лиза.

Мне нечего открывать. Я никогда не лгала. (Плачет.) Я не нужна больше?

Судебный следователь.

Я бы попросил вас побыть еще здесь. Я не буду, не буду больше беспокоить вас вопросами. Только извольте прочесть и подписать вот допрос. Так ли выражены ваши ответы? Прошу покорно сюда. (Указывает кресло у окна. К письмоводителю.) Попросите г-на Каренина.

ЯВЛЕНИЕ III

Те же. Входит Каренин строго, торжественно.

Судебный следователь.

Прошу покорно.

Каренин.

Благодарю. (Стоит.) Что вам угодно?

Судебный следователь.

Я обязан снять допрос.

Каренин.

В качестве чего?

Судебный следователь (улыбаясь).

Я в качестве судебного следователя. С вас же я должен снять допрос в качестве обвиняемого.

Каренин.

Вот как? В чем же?

Судебный следователь.

[В женитьбе на замужней женщине.] [26] Впрочем, позвольте сделать вопросы по порядку. Присядьте.

Каренин.

Благодарю.

Судебный следователь.

Ваше имя?

Каренин.

Виктор Каренин.

Судебный следователь.

Звание?

Каренин.

Камергер, действительный статский советник.

Судебный следователь.

Возраст?

[Каренин.]

38 лет.

Судебный следователь.

Веры?

Каренин.

Православной, под судом и следствием не бывал. Ну-с?

Судебный следователь.

Известно ли вам было, что Федор Васильевич Протасов жив, когда вы вступали в брак с его женою?

Каренин.

Не было известно. Мы оба были убеждены, что он утонул.

Судебный следователь.

Куда вы посылали ежемесячно деньги в Саратов после ложного известия о смерти Протасова?

Каренин.

Я не желаю отвечать на этот вопрос.

Судебный следователь.

Очень хорошо. С какою целью были посланы вами деньги 1200 рублей господину Протасову перед самой симуляцией его смерти 17 июля?

Каренин.

Деньги эти были переданы мне моею женою.

Судебный следователь.

Госпожою Протасовой?

Каренин.

Моею женою для отправки ее мужу. Деньги эти она считала его собственностью и, разорвав связи с ним, считала несправедливым удержать эти деньги.

Судебный следователь.

Теперь еще один вопрос: почему вы прекратили ходатайство о разводе?

Каренин.

Потому что Федор Васильевич взял на себя это ходатайство и писал мне об этом.

Судебный следователь.

Есть у вас это письмо?

Каренин.

Письмо затеряно.

Судебный следователь.

Как странно, что затеряно и отсутствует всё то, что могло бы убедить правосудие в справедливости ваших показаний.

Каренин.

Нужно вам еще что-нибудь?

Судебный следователь.

Мне ничего не нужно, кроме исполнения моего долга, а вам нужно оправдаться, и я сейчас советовал госпоже Протасовой и тоже посоветовал бы вам: не скрывать того, что всем очевидно, а рассказать всё, как было дело. Тем более, что господин Протасов в таком положении, что он уже показывал всё, как было и, вероятно, и на суде всё так же покажет. Я бы советовал...

Каренин.

Я бы просил вас оставаться в рамках исполнения своих обязанностей. А советы свои оставить. Можем мы уйти? (Подходит к Лизе. Она встает и берет его за руку.)

Судебный следователь.

Очень сожалею, что должен задержать вас...

Каренин удивленно оборачивается.

О, нет, не в том смысле, чтобы арестовать вас. Хотя это и было бы удобнее для расследования истины, я не прибегну к этой мере. Я только желал бы при вас сделать допрос Протасову и дать вам с ним очную ставку, при которой вам удобнее будет уличить его в неправде. Прошу присесть. Позовите господина Протасова.

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же. Входит грязный, опустившийся Федя.

Федя (обращается к Лизе и Каренину).

Лиза, Лизавета Андреевна, Виктор. Я не виноват. Я хотел сделать лучше. А если виноват... Простите, простите... (Кланяется им в ноги.)

Судебный следователь.

Прошу вас отвечать на вопросы.

Федя.

Спрашивайте.

Судебный следователь.

Ваше имя?

Федя.

Ведь вы знаете.

Судебный следователь.

Прошу вас отвечать.

Федя.

Ну, Федор Протасов.

Судебный следователь.

Ваше звание, года, вера?

Федя (молчит).

Как вам не совестно спрашивать эти глупости? Спрашивайте, что нужно, а не пустяки.

Судебный следователь.

Я прошу вас быть осторожнее в ваших выражениях и отвечать на мои вопросы.

Федя.

Ну, коли не совестно, извольте. Звание – кандидат, года – 40, веры – православной. Ну-с, дальше?

Судебный следователь.

Было ли известно господину Каренину и вашей жене, что вы живы, когда вы оставили свою одежду на берегу реки и сами скрылись?

Федя.

Наверно нет. Я хотел точно убить себя, но потом... Ну, да это не нужно рассказывать. Дело в том, что они ничего не знали.

Судебный следователь.

Как же вы полицейскому чиновнику показывали [по-]другому?

Федя.

Какому полицейскому чиновнику? А, это когда он ко мне пришел в Ржанов дом? Я был пьян и врал ему, что – не помню. Всё это вздор. Теперь я не пьян и говорю всю правду. Они ничего не знали. Они верили, что меня нет. И я рад был этому. И это бы так и осталось, если б не негодяй Артемьев. И если кто виноват, то я один.

Судебный следователь.

Я понимаю, что вы хотите быть великодушны, но закон требует истины. Почему вам посланы были деньги?

Федя молчит.

Судебный следователь.

Вы получали через Симоно[ва] посылаемые вам в Саратов деньги?

Федя молчит.

Судебный следователь.

Почему же вы не отвечаете? В протоколе будет записано, что на эти вопросы обвиняемый не отвечал, и это может очень повредить и вам и им. Так как же?

Федя (молчит и потом).

Ах, господин следователь, как вам не стыдно. Ну, что вы лезете в чужую жизнь? Рады, что имеете власть и, чтоб показать ее, мучаете не физически, а нравственно людей, которые в тысячи раз лучше вас.

Судебный следователь.

Прошу вас...

Федя.

Нечего просить. Я скажу всё, что думаю. (Письмоводителю.) А вы пишите. По крайней мере, в первый раз будут в протоколе разумные человеческие речи. (Возвышает голос.) Живут три человека: я, он, она. Между ними сложные отношения, борьба добра со злом, такая духовная борьба, о которой вы понятия не имеете. Борьба эта кончается известным положением, которое всё развязывает. Все успокоены. Они счастливы – любят память обо мне. Я в своем падении счастлив тем, что я сделал, что должно, что я, негодный, ушел из жизни, чтобы не мешать тем, кто полон жизни и хороши. И мы все живем. Вдруг является негодяй, шантажист, который требует от меня участия в шантаже. Я прогоняю его. Он идет к вам, к борцу за правосудие, к охранителю нравственности. И вы, получая 20 числа по двугривенному за пакость, надеваете мундир и с легким духом куражитесь над ними, над людьми, которых вы мизинца не стоите,

которые вас к себе в переднюю не пустят. Но вы добрались и рады...

Судебный следователь.

Я вас выведу.

Федя.

Я не боюсь никого, потому что я труп и со мной ничего не сделаете; нет того положения, которое было бы хуже моего. Ну и ведите.

Каренин.

Мы можем уйти?

Судебный следователь.

Сейчас, подписать протокол.

Федя.

И как бы смешны вы были, если бы не были так гадки.

Судебный следователь.

Уведите его. Я арестую вас.

Федя (к Каренину и Лизе).

Так простите.

Каренин (подходит и подает руку).

Так, видно, должно было быть.

Лиза проходит, Федя низко кланяется.

Занавес

.

КАРТИНА 2-я

Коридор в здании окружного суда. На заднем плане стеклянная дверь, у которой стоит курьер. Правее другая дверь, в которую вводят подсудимых. К первой двери подходит Иван Петрович, оборванный, хочет пройти.

ЯВЛЕНИЕ I

Курьер и Иван Петрович.

Курьер.

Куда? Нельзя. Вишь лезет.

Иван Петрович.

Отчего нельзя? Закон гласит: заседания публичны.

Раздаются аплодисменты.

Курьер.

А вот нельзя, да и всё. Не велено.

Иван Петрович.

Невежа. Не знаешь, с кем говоришь.

Выходит молодой адвокат во фраке.

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и молодой адвокат.

Молодой адвокат.

Что вы, по делу?

Иван Петрович.

Нет, я публика. А вот невежда, цербер. Не пускает.

Молодой адвокат.

Да ведь здесь не для публики?

Иван Петрович.

Знаю. Там не пускают. Меня-то можно пустить.

Молодой адвокат.

Погодите, перерыв будет сейчас. (Хочет уходить, встречает князя Абрезкова.)

ЯВЛЕНИЕ III

Те же и князь Абрезков.

Князь Абрезков.

Позвольте узнать, в каком положении дело?

Молодой адвокат.

Речи адвокатов. Петрушин говорит.

Опять аплодисменты.

Князь Абрезков.

Что же, как подсудимые несут свое положение?

Молодой адвокат.

С большим достоинством, особенно Каренин и Лизавета Андреевна. Не их судят, а они судят общество. Это чувствуется. На эту тему и говорит Петрушин.

Князь Абрезков.

Ну, а Протасов?

Молодой адвокат.

Ужасно взволнован. Весь трясется как-то. Ну, это понятно по его жизни. Но как-то особенно раздражен: перебивал несколько раз и прокурора и адвоката. В како[м-то] особенном возбуждении.

Князь Абрезков.

Какой же результат полагаете?

Молодой адвокат.

Трудно сказать. Состав присяжных смешанный. Во всяком случае предумышленности не признают, но все-таки...

Выходит господин, князь Абрезков двигается к двери.

Вы хотите пройти?

Князь Абрезков.

Да, хотел бы.

Молодой адвокат.

Вы князь Абрезков?

Князь Абрезков.

Я.

Молодой адвокат (к курьеру).

Пропустите. Тут сейчас налево стул свободный. (Пропускает князя Абрезкова.)

Дверь отворяется и виден говорящий адвокат.

ЯВЛЕНИЕ IV

Курьер, молодой адвокат и Иван Петрович.

Иван Петрович.

Аристократы! Я аристократ духа. А это выше.

Молодой адвокат.

Ну, уж извините. (Проходит.)

ЯВЛЕНИЕ V

Курьер, Иван Петрович и Петушков поспешно идет.

Петушков.

А, здравствуй, Иван Петрович. Что дело?

Иван Петрович.

Да еще речи адвокатов. Да вот не пускают.

Курьер.

А вы не шумите тут. Тут не кабак.

Опять аплодисменты, отворяются двери, выходят адвокаты, зрители: мужчины и дамы.

ЯВЛЕНИЕ VI

Те же, дама и офицер.

Дама.

Прекрасно. Прямо до слез довел.

Офицер.

Лучше всякого романа. Только непонятно, как она могла так любить его. Ужасная фигура.

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же. Отворяется другая дверь, выходят подсудимые, сначала Лиза и Каренин, и проходят по коридору, за ними Федя, один.

Те же и Петрушин, адвокат, толстый, румяный, оживленный подходит.

Дама.

Тише. Вот он. Посмотрите, как он взволнован.

Дама и офицер проходят.

Федя (подходит к Ивану Петровичу).

Принес?

Иван Петрович.

Вот он. (Подает что-то.)

Федя (прячет в карман и хочет идти; видит Петушкова).

Глупо, пошло. Скучно. Скучно. Бессмысленно. (Хочет уходить.)

ЯВЛЕНИЕ VIII

Петрушин.

Ну, батюшка, дела наши хороши, только вы в последней речи не напортите мне.

Федя.

Да я не буду говорить. Что им говорить? Я не буду.

Петрушин.

Нет, сказать надо. Да вы не тревожьтесь. Теперь уж всё дело в шляпе. Вы только скажите то, что вы мне говорили, что если вас судят, так только за то, что вы не совершили самоубийства, то есть того, что считается преступлением по закону и гражданскому и церковному.

Федя.

Я ничего не скажу.

Петрушин.

Отчего?

Федя.

Не хочу и не скажу. Вы только мне скажите: в худшем случае что может быть?

Петрушин.

Я уже говорил вам: в худшем случае ссылка в Сибирь.

Федя.

То есть кого ссылка?

Петрушин.

И вас и вашей жены.

Федя.

А в лучшем?

Петрушин.

Церковное покаяние и, разумеется, расторжение второго брака.

Федя.

То есть они опять меня свяжут с ней, то есть ее со мной?

Петрушин.

Да, уж это как должно быть. Да вы не волнуйтесь. И, пожалуйста, скажите, как я вам говорю. И только. Главное, ничего лишнего. Ну, впрочем... (Замечая, что их окружили и слушают.) Я устал, пойду посижу, и вы отдохните, пока присяжные совещаются. Главное, не робеть.

Федя.

И другого не может быть решения?

Петрушин (уходя).

Никакого другого.

ЯВЛЕНИЕ IX

Те же, кроме Петрушина, и судейский.

Судейский.

Проходите, проходите, нечего в коридоре стоять.

Федя.

Сейчас. (Вынимает пистолет и стреляет себе в сердце. Падает. Все бросаются к нему.) Ничего, кажется, хорошо. Лизу...

ЯВЛЕНИЕ X

Выбегают из всех дверей зрители, судьи, подсудимые, свидетели. Впереди всех Лиза. Сзади Маша и Каренин и Иван Петрович, князь Абрезков.

Лиза.

Что ты сделал, Федя? Зачем?

Федя.

Прости меня, что не мог... иначе распутать тебя... Не для тебя... мне этак лучше. Ведь я уж давно... готов...

Лиза.

Ты будешь жив.

Доктор нагибается. Слушает.

Федя.

Я без доктора знаю... Виктор, прощай. А, Маша, опоздала... (Плачет.)
Как хорошо... Как хорошо... (Кончается.)

Занавес.

ПЛАНЫ И ВАРИАНТЫ

«ЖИВОЙ ТРУП»

ПЛАНЫ, ЗАМЕТКИ

* № 1 (рук. № 1).

1 акт

1 карт[ина]

1 я[вление]. Лиза с М[арьей] В[асильевной] говорят о муже и о Карен[ине].

2 я[вление]. Каренин. Лиза уходит. Разговор с М[арьей] В[асильевной]. Она намекает на любовь.

3 я[вление]. Приход[ит] Лиза. Всё рассказывает, Кар[енин] вызывается ехать. Уходит.

4 я[вление]. М[арья] В[асильевна] с Лизой. Говорит ей о любви Кар[енина].

2 карт[ина]

Цыгане.

1) Федя пляшет. 2) Каренин. Слушает. Запивает вином – веселье. Стыд. Обещает приехать. Цыганка уложит его спать.

2 акт

1 карт[ина]

1) Карен[ина] мать с добрым Бут. обсуживают судьбу сына.

Его желание жениться на развед[енной], рассказывает, что муж дал развод. Подозрения, что жена замешан[а?] Б. защищает. –

2) Приходит сын. Горячится, защищает. Мать говорит – ты можешь сделать это, но погубишь меня. Если бы это б[ыла] вдова.

2 карт[ина]

1) Федя в трактире с Афр[осимовым] пьют. Денег нет. Не говорит о жене.

2) Приходит Лиза. Уговаривает его не давать развод, вернуться. Мать не согласится на разведенной. Я все-таки дам, чтобы ты б[ыла] свободна. Напивается. Признается, что любит.

3 акт

1 к[артина]

Кар[енин]. Лиза.[27] Идут смотреть труп, т[ак] к[ак] муж утонул. Она просит не говорить.

2 к[артина]

Федя[28] сидит в номерах. Ходит ночью смотреть свой дом.

Они счастливы. Ему хорошо. Он ревновал и победил. Пьет.

4 акт

1 к[артина]

После свадьбы. Они счастливы, мать примирилась. Она говорит, что любит память. Он тоже.

2 карт[ина]

Трактир. Федя пьет с гением и рассказывает всю историю. Полицейский вмешивается.

5 акт

1 к[артина]

Суд. Чтение приговора. Ссылка. Он приходит выпивший и говорит, что он свой суд сделал и теперь сам убьет себя. [29] Вы играете, а тут жизнь – убивает себя.

* № 2 (рук. № 2).

1) У Лизы.

2) У цыган.

3) У Лизы. Больн[ой] реб[енок].

4) У Афре[мова]. Саша.

5) У Каренин[а].

6) В гостинице. Федя, Ма[ша].

7) В ресторане.

8) На берегу.

9) На железн[ой] дороге.

Конспект драмы «Живой труп»

Уменьшено

- 10) <На свидетель[ствовании]>.
- 10) На даче. Извести[е].
- 11) Свидетельств[ование трупа].
- 12) В трактирах пье[т]. Труп.
- 13) Счастливые супр[уги] в деревне. Извести[е].
- 14) Судебн[ое] сл[едствие].
- 15) Суд.

* № 3 (рук. № 3).

- 1) У <Назаров> Лизы.
- 2) У цыган.
- 3) У <Назар> Лизы. Больн[ой] реб[енок].
- 4) У Афр[имова].
- 5) У Карен[ина].
- 6) В гостинице.
- 7) На даче ждут.
- 8) Ресторан.
- 9) На берегу.
- 10) На жел[езной] дор[оге].
- 11) Свидетельство в полиции.
- 12) В трактире. Труп.
- 13) В деревне.
- 14) Судеб[ное] след[ствие].
- 15) Окр[ужной] суд.

* № 4 (рук. № 3).

1 действие. 1-я картина. Теща и сестра – говорят о совершенном разрыве. Приезжает Кар[енин]. Она посылает его с письмом. Ссора дочери с матерью.

2-я карт[ина] (2). Ф[едя] у цыган. Приезжает Кар[енин]. Он отказывается. Пляска.

2 действие. 1 картина (3). Больной ребенок выздоров[ел]. Сближение с Кар[ениным]. Саша недовольна. Мать рада.

2 карт[ина]. (4). <В гостинице.> У Афр[имова] после скачек. Саша. Отказ.

3 действие. 1 карт[ина] (5). Ан[на] Дм[итриевна] Кар[енина] и Абр[езков]. Приезжает Лиза...

2 карт[ина] (6). Номер. Нужда. Долги. Маша. Ее родители. Абр[езков] – отказ.

4 действие. 1 карт[ина]. (7). В ресторане. Гений. Готовится убить. Маша. Придумывает обман.

2 картина. (8). На даче. Кар[енин] с Лизой жених и невеста. Саша возмущена.

5 действие. 1 к[артина]. (9). Маша уведомляет город. Толпа. Ищут тело.

2 к[артина]. (10). М[аша] плачет. Л[иза] ревнует и признает.

5 действие. 1 карт[ина]. (11). Трактир. Петушков. Я труп. Городовой.

2 карт[ина]. (12). В деревне ребенок. Приезд Кар[енина]. Его мать. Саша признает, что она любит.

6 действие. 1 карт[ина]. (13). У следователя.

2 к[артина]. (14). Комната свидет[елей]. [30]

* № 5 (рук. № 4).

Ф[едя] говорит:

Какая странная вещь жизнь! Зачем всё это так? Зачем я на ней женат? Зачем Маша? Зачем эта трещина в штукатурке. Всё это могло бы быть

иначе, совсем иначе: и это солнце и это мое тело. Почему именно так? А на сколько разных манеров всё это могло бы быть! Удивительно. Странно! Там совсем по-иному. И вот узнаю. Да, узнаю...

.....
.....
.....

.....
.....
.....

Фу, как напрасно перемучался. Как перед дуэлью. Жалко. Всё даром пропал[о].

«ЖИВОЙ ТРУП»

ВАРИАНТЫ

* № 1 (рук. № 5).

ТРУП

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Марья Васильевна Крюкова – девушка за 30 лет, недурная, молодящаяся, быстрая в движениях и речах, сторонница свободной любви, весь интерес жизни всех людей полагающая в влюбленьи.

Няня – 50-летняя свежая, умная старуха, вынянчившая Лизу и оставшаяся при детях. Бойко говорит хорошим русским володимирским языком.

Лиза – изящно скромная в приемах и одежде 30-летняя женщина, слабая, нежная, впечатлительная и наивная.

В[иктор] И[ванович] Каренин – сильный, красивый, свежий лицом, корректный 30-летн[ий] человек, говорящий нескоро и вдумчиво.

Действие происходит в столице.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ.

Уютная богатая гостиная. Две двери.

ЯВЛЕНИЕ I.

Входит Марья Васильевна.

Марья Васильевна (оглядывается).

Лиза. (Ждет. Идет к другой двери.) Это я, Лиза! (Пожимает плечами.) Няня! Кто у вас дома?

[ЯВЛЕНИЕ II.]

Выходит няня.

Няня.

Лизавета Александровна вышли. Здравствуйте, Марья Васильевна. Вышли, вышли.

Марья Васильевна.

Как же мне сказали, что она дома?

Няня.

Лакей не знает, они задним ходом пошли.

Марья Васильевна.

Куда же она пошла ночью?

Няня (вздыхает).

Так, прогуляться вышли.

Марья Васильевна (вглядывается в лицо няни).

А Федор Васильич?

Няня.

Федор Васильич? Где же ему быть (вздыхает). Третью ночь не ночевали.

Марья Васильевна.

Опять?

Няня.

Не глядели бы глаза, измучал ее.

Марья Васильевна.

Куда же она пошла?

Няня.

Его ли искать, или так. Уж это всегда. Как его нет, он закатится, и она всё ходит.

Марья Васильевна.

Как же я ее не встретила?

Няня.

Да она уж с часок как вышла, должно скоро вернется. Посидите. Она рада будет, а то всё одна сердечная. Изболелось сердце на нее глядя. Плохо жене за беспутным мужем.

Марья Васильевна.

Разве он беспутный?

Няня.

А то какой же? Как попали деньги, так и закатился к своим цыганкам.

Марья Васильевна.

Что же у них ничего не было, ссоры?..

Няня.

Какая же от Лизаньки ссора. От нее кроме добра он, кажется, ничего не видал.

Марья Васильевна.

Да ведь он добрый.

Няня.

Это какая же доброта. Обещался, клялся. А теперь вот... (Слышен звонок. Няня проходит к той двери, из которой вышла.) Должно она.

ЯВЛЕНИЕ III.

Входит Лиза в кофточке, шляпе, калошах и усталая бросается на кресло.

Лиза.

Нет, это невозможно. Я не могу больше. (Замечает Марью Васильевну.)
А, Маша. Я ходила погулять. Я рада, что ты зашла. (Раздевается,
отдает няне.) Возьмите, няня голубушка. Ну что, ты была вчера у
Зверевых?

[ЯВЛЕНИЕ IV.]

Лиза, Марья Васильевна.]

Марья Васильевна.

Лиза, ведь *c'est le secret de la comedie*. [31] Я всё знаю. Я знаю,
что тебе не до этого, и знаю, то что тебя мучает, то и меня мучает.
Зачем ты скрываешь. Он опять увлекся?

Лиза.

Увлекся. (Сразу начинает рыдать.)

Марья Васильевна.

Лиза! полно. Ведь нет никакой причины... отчаиваться...

Лиза, не отвечая, отрицательно качает головой.

Если бы он тебя не любил. А то ведь ты знаешь, что он весь твой, что
это только временно *un entrainement passager*. [32] Ведь наверно его
завлек[ли], и он не мог удержаться. Верно опять [33] Афросимов.

Лиза утвердительно кивает головой.

Всё это вино. Как? А он такой мягкий, добрый.

Лиза (успокоившись).

Зачем же вино, это ужасное вино. Зачем лишать себя человеческого
образа...

Марья Васильевна.

Да, но ведь ты сама говорила, что он особенно мил, когда выпьет.

[Лиза.]

Я знаю это. И, что ужасно, я знаю, что он мучает [1 неразобр.] и
напрасно и только когда выпьет, забывает всё. Но зато потом он
забывает и меня и всё. Я не знаю, что он может сделать. Я почти
уверена, что он изменяет мне.

Марья Васильевна.

Вот уж ни за что. И потом мне Миша рассказывал, цыганка только заманивает.

Лиза.

Да, но знать, что мой муж обнимает чужих женщин...

Марья Васильевна.

Они все та[кие]. Да зачем думать того, чего может быть нет. Дело в том, что надо бы теперь найти его.

Лиза.

Ах, есть ли, нет ли... Мне его ужасно жалко. Знаю я, как он будет раскаиваться, мучаться.

Марья Васильевна.

Да что, сердце у него золотое.

Лиза.

И теперь я бог знает что дала бы, чтобы найти его и напомнить о себе. Я хотела ехать к цыганам, но ведь это ужасно оскорбительно.

Марья Васильевна.

Кому?

Лиза.

И мне, и ему, и всем. Ах, это ужасно.

Марья Васильевна.

Знаешь что? Ведь я нынче дала rendez-vous[34] у тебя Каренину Виктору Ивановичу. Он сейчас придет. Скажи ему и пошли его.

Лиза.

Во-первых, я не могу принять его, а во-вторых, зачем я ему, чужому человеку, открою[35] всё свое унижение.

Марья Васильевна.

Он тебе меньше чужой, чем кто бы то ни было. Он любит тебя.

Лиза.

Перестань глупости. Если бы это и было, то raison de plus[36] не говорить ему.

Марья Васильевна.

Говори, не говори, он знает. И он один из тех людей твердых, даже холодных, но таких, которые раз полюбили, и полюбили той чистой...

Лиза.

Я прошу тебя не говорить мне про это. Муж мой может... одним словом: мне, больше чем когда-нибудь, хочется, нужно быть безупречной перед мужем, а говорить про то, про что ты говоришь, слушать это, мне стыдно, и я чувствую, что это дурно.

Марья Васильевна.

Ну, я очень жалею, что сказала тебе про это. Envisagez mes paroles comme non avenues, [37] а я просто предлагаю тебе обратиться к Каренину, как к вашему общему хорошему знакомому, товарищу и другу Федора Васильевича.

Лиза.

Обратиться в чем?

Марья Васильевна.

Просить его съездить сыскать Федю и повлиять на него.

Лиза.

Почему он?

Марья Васильевна.

А, во-первых, потому, что он имеет больше всех на него влияние (звонок), и, во-вторых, потому, что он тут.

Лиза.

Ты думаешь, что он может найти и привезти его?

Марья Васильевна.

Я уверена.

[ЯВЛЕНИЕ V.]

Горничная (входит и докладывает).

Каренин, Виктор Иванович.

Марья Васильевна (к Лизе).

Просить?

Лиза.

Проси. (К Марье Васильевне.) Ты проси его, а я сейчас пройду к себе. Я растрепана и глаза заплаканы.

Марья Васильевна.

Я поговорю с ним.

Лиза.

Не знаю, хорошо ли это.

(Уходит.)

[ЯВЛЕНИЕ VI.]

Марья Васильевна одна. Потом входит Каренин.

Каренин (оглядывается, здоровается).

А Лизавета Петровна?

Марья Васильевна.

Она дома, не совсем здорова.

Каренин.

Что же с Лизаветой Петровной? Что-нибудь серьезное?

Марья Васильевна.

И да, и нет. Я вам, как другу дома, скажу всё. *J'y suis autorisée.*
[38] Она расстроена и почти больна от Феде.

Каренин.

А что? Неужели опять?

Марья Васильевна.

Да, вторые сутки его нет и, что хуже всего, деньги, которые он взял для выкупа серебра, 700 р., с ним — были, по крайней мере.

Каренин.

Ах, боже мой, боже мой! Ну и что же теперь?

Марья Васильевна. [39]

Лиза думает, что он у цыган, и думает, что если бы ему напомнить, остановить, он бы вернулся. Она, главное, хочет избавить его от раскаяния [?].

Каренин.

Как это на нее похоже. Среди страданий, причиняемых ей другим человеком, видеть только его страдания.

Марья Васильевна.

Я подала ей мысль просить вас поехать. Она несогласна на это.

Каренин.

Я, разумеется, буду только счастлив... (в это время входит Лиза) буду только счастлив, если могу служить вам. (Подходит и целует ее руку.)

ЯВЛЕНИЕ [VII.]

Лиза, Марья Васильевна, Каренин.

Лиза.

Я не хотела этого, но мне очень тяжело, а вы так добры.

Каренин.

Повторяю, что я счастлив, истинно был бы счастлив, если бы дело не было такое тяжелое для вас... что могу быть чем-нибудь и показать мою преданность. Дело же это, как мне сказала Марья Васильевна, близко и мне. Он мне тоже дорог, и я никогда не переставал любить его, а потому помочь ему для меня лично радость. Но простите меня. Это дело и для дела нужно знать все его условия. Что он? Где он? Что вы знаете. Скажите мне. И сейчас лечу и je tournerai ciel et terre[40] и сделаю всё, всё, что могу.

Лиза.

Ах, как это больно! Как трудно.

Каренин.

Не торопитесь. (Берет альбом, смотрит.) Я слушаю.

Лиза.

Ну вот. Вы ведь знаете его. Это было еще до праздников, был такой период, и он так много истратил денег, что надо было занять, и мы заложили разные вещи.

Марья Васильевна.

То есть твои бриллианты.

Лиза.

Всё равно, что заложили. Но только на днях получили деньги, и он третьего дня поехал выкупать. Только что он выходит, навстречу этот ужасный Паша Афросимов.

Каренин.

Для меня вечная загадка, как такой тонкий, умный, поэтический человек, как Федя, может водиться с такими людьми, как этот Паша.

Лиза.

А вот водится, и этот ужасный Паша имеет на него влияние.

Каренин.

Удивительно.

Лиза.

Когда они встретились, я подумала, но что же я могла сделать. И так и вышло. К обеду нет, вечером нет. Наконец привозит извозчик записку – пишет, чтоб я не беспокоилась, что он может быть поедет за город. И другой день, и третий, и его нет. Следы, которые мы имеем, это то, что няня узнала от извозчика, что он у цыган.

Каренин.

А много было денег?

Лиза.

Тысяча триста рублей. Но деньги – бог с ними. Я всего боюсь. Неужели вы поедете?

Каренин.

Сейчас, сию минуту. (Встает.) Если бы вы знали, как вы, ваше семейство близко мне. Прощайте. Во всяком случае извещу вас, нынче до которого часа?

Марья Васильевна.

Я буду у нее до часа. И до часа мы ждем вас.

Каренин.

Или завтра. (Целует руку, уходит.)

ЯВЛЕНИЕ [VIII.]

Лиза, Марья Васильевна.

Марья Васильевна.

Не понимаю, не понимаю, как страдать от человека, который меняет тебя на цыганок, и знать, что есть такой человек, как Анатолий Каренин – честный, благородный 30-летний ребенок, умный, твердый и весь отдавшийся тебе душой и телом, и отталкивать его. Ведь он любит тебя первой и единственной любовью.

Лиза.

Что же мне за дело.

Марья Васильевна.

Лиза, ты ведь любишь его.

Лиза (озлобленно).

Как ты можешь говорить этикие глупости, гадости. Я люблю Федю, и для меня нет других, как же я могу любить его.

Марья Васильевна.

Всё равно что сказать, что я люблю апельсины, как же я могу любить атлас. Я люблю и апельсины и атлас. Ты любишь его.

Лиза.

Маша, мы поссоримся, если ты будешь говорить это.

Марья Васильевна.

А я говорю, что любишь и хорошо делаешь.

Лиза (озлобленно).

Как ты можешь говорить такие гадости и пакости. И за что ты мучаешь меня. Мне и так тяжело. (Убегает в слезах.)

Марья Васильевна пожимает плечами и улыбается.

Занавес

.

КАРТИНА 2-я

[ЯВЛЕНИЕ I.]

Комната у цыган. Хор поет цыганскую песню (Романс). Федя сидит у стола (на столе шампанское и стаканы). Паша на полу, два офицера и музыкант у стола записывают.

Федя (к музыканту).

Не запишешь, нельзя. Это степь, это десятый век, это не свобода, а воля. Живо, чавалы! (Вскакивает и делает выходку.)

Цыгане и одобрительно улыбаются и, продолжая петь, хлопают. Садится. Песня кончается.

Цыган.

Ай да Федор Васильевич, настоящий цыган.

Федя.

Матреша! Ночку. Хочу Ночку, хочу плакать. (Махает руками, плачет.) Ну что ваш Бетховен.

Паша (берет гитару).

Теперь мою. (Поет в два голоса.)

Федя (подсаживается к Маше, облакачивает ей о плечо голову).

Это глупости – только портит впечатление.

Маша.

Что же, пускай поют. Что же, купите цветочков, а то дайте.

Федя.

И это отлично! Прямо, грубо, честно. (Вынимая из кармана штанов.) На, на. (Песня кончается.) Ну отдохните.

Цыгане, цыганки уходят, остаются парочки. Паша с Матрешой, офицер с Гашей, музыкант пишет, цыган перебирает вальс на гитаре.

И зачем может доходить человек до этого восторга, а не может продолжать его. Ах, хорошо! Хорошо тебе? Ну поцелуй.

[ЯВЛЕНИЕ II.]

Те же. Входит цыган.

Цыган (к Феде).

Вас барин спрашивает.

Федя.

Какой барин?

Цыган.

Барин хороший (барорай).

Федя.

Ну что же, зови.

Цыган.

Просит вас одних. Чтоб вы вышли.

Федя.

Ладно. Да вы здесь оставайтесь. А наши уйдут.

Говор по-цыгански. Все уходят.

Ну и прекрасно. Передохните и потом всю пляску сначала, а потом спать. Зови.

[ЯВЛЕНИЕ III.]

Входит Каренин в шубе (оглядывается строго).

Федя.

А, Анатолий! Вот кого не ждал. Вот ты говоришь цыгане не музыка, спроси Кроля. Нет, вы спойте ему[41] Ночку.

Каренин.

J'ai à vous parler sans témoins.[42]

Федя.

О чем? Говори. Это всё друзья. Снимай, снимай.

Каренин.

Je viens de chez vous. Votre femme m'a chargé.[43]

Федя.

Ну, уйдите, уйдите... (хмурится). Почему ты? И что ты?

Каренин.

Я ни за что бы не позволил себе вмешиваться в твое семейное дело.

Федя.

Я думаю – именно.

Каренин.

Да, да, но я приехал вечером и застал Лизавету Петровну больную,

несчастную, а Марья Васильевна была там и она сделала, может быть, нескромность, сказав мне, но она сказала, и Лизавета Петровна просила меня. Я не мог отказать.

Федя (слушает молча, глядя ему в лицо).

Я все-таки не понимаю...

Каренин.

Послушай, Федя, тут дело не во мне и в тебе. Меня ты знаешь, я весь отдаюсь тебе. Если тебе неприятно мое вмешательство, прости меня (дрожащим голосом), дело не во мне и в тебе, а в ней. Она ужасно страдает. А ты любишь ее, ты добр – Федя, поедем.

Федя.

Ты лучше меня. Какой вздор. Лучше меня не трудно быть. Я негодяй, а ты хороший, хороший человек. Но что же делать? Что же делать? Ты видишь меня, какой я теперь. Как мне ехать к ней.

Каренин.

Так поедем ко мне. Заснешь.

Федя.

А завтра что? Как я приду к ней. Ах, какой я негодяй.

Каренин.

Все-таки поедем со мной.

Федя.

Сейчас не могу. Побудь здесь полчаса и потом поедем. Я обещал тут.

Каренин.

Как ты можешь что-нибудь ставить наравне с тем, что там, что она страдает.

Федя.

Ну, довольно. Не могу. Теперь. Если бы я тебя слушал, я бы у тебя же повесился. Теперь мне надо забыться. Я приеду, даю честное слово, через два часа я буду у тебя. Маша! (Входит цыганка.) Через два часа живого или мертвого отправьте меня к нему, Каренину, Тверской бульвар.

Маша.

Мы знаем.

Федя.

А теперь Лён (пьет). Ты послушай.

Цыгане сходятся и начинают петь, во время песни Каренин уходит.

[ЯВЛЕНИЕ IV.

Те же без Каренина.]

Федя.

Чудесно. Обходи с гитарой. (Оглядывается.) Удрал Каренин. Ну, чорт с ним. Обходи нас. (Кидает деньги.)

Цыгане разбредаются.

(Садится с Машей.)

Ты знаешь, кто это?

Маша.

Слышала фамилию.

Федя.

Это превосходный человек. Он приезжал звать меня домой к жене. Она мучается. Она меня, дурака, всё любит, а я вот что делаю.

Маша.

Что же, это нехорошо. Надо к ней ехать. Надо ее пожалеть.

Федя.

Маша, ты пойми, как это бывает. Этот Каренин ее любил девушкой, и он лучше меня в сто раз, а она меня, дурака, полюбила.

Маша.

Любовь не спрашивается.

Федя.

А ты почему знаешь?

Маша.

Должно знаю.

Федя.

Ну, поцелуй меня. Чавалы. Еще «Лён» и тогда шабаш.

Начинают петь.

Ах, хорошо. Кабы только не просыпаться, так бы помереть.

Занавес

.

ДЕЙСТВИЕ 2.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА.

Кн. Абрезков – 60–летний элегантный холостяк. Бритый с усами. Старый военный, с большим достоинством и грустью.

Ан[на] Дм[итриевна] Каренина – мать Виктора, молодящаяся 50–летняя *grande dame*. Перебивает речь французскими словами.

Лиза.

Федя.

Лакей.

[КАРТИНА 1.]

Кабинет Анны Дмитриевны. Роскошно скромный, полон сувениров.

ЯВЛЕНИЕ I.

Анна Дмитриевна пишет письмо. [Входит] лакей.

Лакей.

Князь Сергей Дмитриевич.

Анна Дмитриевна.

Ну, разумеется. (Оборачивается и поправляется перед зеркалом).

ЯВЛЕНИЕ II.

Князь Абрезков (входя).

J'espère que je ne force pas la consigne.[44] (Целует руку.)

Анна Дмитриевна.

Вы знаете, что vous êtes toujours le bienvenu.[45] А теперь, нынче особенно.

Князь Абрезков.

Всё Виктор?

Анна Дмитриевна.

Ах, я начинаю отчаиваться. Il est ensorcelé, positivement ensorcelé. [46] Я никогда не встречала в нем такой настойчивости, такого упрямства, такой безжалостности, равнодушия ко мне.

Князь Абрезков.

Но что же именно, как стоит дело?

Анна Дмитриевна.

Хочет жениться, муж дает развод, он идет на это, и вся эта грязь, адвокаты, вину на себя. Tout ça est dégoûtant.[47] И это он, Виктор, который так чуток на всё грязное. Это не отталкивает его. Я не понимаю.

Князь Абрезков.

Любит. Ах, если человек точно любит, тогда...

Анна Дмитриевна.

Да, но отчего же в наше время любовь могла быть любовью чистой, любовью дружбой, которая идет через всю жизнь. Такую любовь я понимаю, ценю.

Князь Абрезков.

Благодарствуйте, Анна (целует ее руку). Что делать? Теперь новое поколение уж не может довольствоваться идеальными отношениями, la possession de l'âme ne leur suffit plus. Ils veulent posséder.[48] Что делать. Но в чем же теперь дело?

Анна Дмитриевна.

Он настоял на том, чтобы я приняла ее и нынче (смотрит на часы) во 2-м часу, стало быть, сейчас, должна приехать. Я обещала Виктору принять, но понимаете, что уже это ее посещение связывает меня, укрепляет его.

Князь Абрезков.

Вы совсем не знаете ее?

Анна Дмитриевна.

Никогда не видала. Но боюсь ее. Не может хорошая женщина согласиться оставить мужа. И говорят, очень хорошего человека. И войти в семью против воли, нарушить всё счастье. Чего я не понимаю, так это как может Виктор с своими убеждениями согласиться на женитьбу на разведенной. Сколько раз – недавно он при мне горячо спорил с Спицыным, доказывая, что развод несогласен с истинным христианством, и теперь сам идет на это. Если она могла его так charmer à un tel point, [49] я боюсь ее. Но, впрочем, я вас позвала, чтобы слышать вас, и всё только сама говорю. Что вы думаете? скажите. Что по-вашему? Как надо? Вы говорили с Виктором?

Князь Абрезков.

Я говорил с ним. И я думаю, что он любит ее, привык любить так, любовь эта взяла такую власть над ним – а он человек медленно, но твердо принимающий. Что вошло ему в сердце, то уже не выйдет. И он никого, кроме ее, любить не будет и без нее и с другой счастлив быть не может.

Анна Дмитриевна.

А как Маша Казанцева пошла бы за него. И какая девушка и как любит...

Князь Абрезков (улыбаясь).

C'est compter sans son hôte. [50] Это теперь совсем несбыточно. И я думаю, лучше покориться и помочь ему жениться.

Анна Дмитриевна.

На разведенной, чтобы он встречал мужа своей жены. Я не понимаю, как вы можете спокойно говорить про это. Разве это та женщина, которую мать может желать женой своего единственного сына и такого сына?

Князь Абрезков.

Женщина она несчастная, но очень хорошая. Я и встречал ее, и знаю ее по племяннице Нелли. Она дружна с ней. Кроткая, добрая, любящая и нравственная женщина.

Анна Дмитриевна.

Нравственная женщина, которая решает [ся] бросить мужа.

Князь Абрезков.

Я не узнаю вас. Вы недобры, вы жестоки. Муж ее один из тех людей, про которых говорят, что он только сам себе враг. Но он еще больше жене враг. Это слабый, совершенно падший, пьяный человек. Он

промотал всё свое состояние, всё ее состояние – у нее ребенок – человек просто несчастный. Он возьмет деньги, чтоб заплатить в банк, кидает и прокучивает их где-то с приятелями. Мало того, как только он напьется, так он делает ей неверно[сти].

Анна Дмитриевна.

Ах, какая грязь, какая грязь. И я должна пачкаться в ней.

Князь Абрезков.

Анна! А ваша религия?

Анна Дмитриевна.

Да, да, прощение. «Как и мы оставляем должн[икам] нашим». Mais c'est plus fort que moi.[51]

Князь Абрезков.

Ну как же ей жить с таким человеком. Если бы она и не любила другого, она должна бы была это сделать. Для ребенка должна. Он сам, муж, умный и добрый человек, когда он в своем уме, советует ей это сделать...

[ЯВЛЕНИЕ III.]

Те же и лакей.

Лакей.

Лизавета Андреевна Протасова.

Марья Дмитриевна.

Просите. (К кн. Абрезкову.) Нет, вы останьтесь.

[Лакей уходит.]

[ЯВЛЕНИЕ IV.]

Марья Дмитриевна, Абрезков.

Князь Абрезков.

Я думал вам легче en tête-à-tête.[52]

Марья Дмитриевна.

Нет, я боюсь. (Суетится.) Если я захочу остаться с ней tête-à-tête, я кивну вам. Ça dépendra...[53] <Я мигну вам.> А то мне остаться одной с ней, это свяжет меня. Я тогда так сделаю вам.

Князь Абрезков.

Я пойму. Я уверен, что она понравится вам. Только будьте справедливы.

Марья Дмитриевна.

Как вы все против меня.

ЯВЛЕНИЕ [V.]

Входит Лиза в шляпе, в визитном платье.

Марья Дмитриевна (приподнимаясь).

Я жалела, что не застала вас, но вот вы так добры, что сами приехали.

Лиза.

Я никак не ожидала. Я так благодарна вам, что вы пожелали меня видеть.

Марья Дмитриевна.

Вы знакомы? (указывает на князя Абрезкова).

Князь Абрезков.

Как же, я имел честь быть представлен. (Shake hands. [54] Садятся.)
Моя племянница Нелли мне часто говорит про вас.

Лиза.

Да, мы дружны были очень. (Оглядывается робко на Марью Дмитриевну.)
И теперь дружим. (К Марье Дмитриевне.) Я никак не ожидала, что вы пожелаете меня видеть.

Анна Дмитриевна.

Я знала хорошо вашего мужа. Он [55] был дружен с Виктором и бывал у нас до своего переезда в Тамбов. Кажется, там он женился на вас.

Лиза.

Да, мы там женились.

Анна Дмитриевна.

А потом, когда он опять переехал в Москву, он уже не бывал у меня.

Лиза.

Да он нигде почти не бывает.

Анна Дмитриевна.

И не познакомил меня с вами.

Неловкое молчание.

Князь Абрезков.

Последний раз я встретил вас у Денисовых на спектакле. <Вы помните.> Очень было мило. И вы играли.

Лиза.

Нет... да... как же, помню. Я играла. (Опять молчание.) Марья Дмитриевна, простите меня, если вам неприятно то, что я скажу, но я не могу, не умею притворяться. Я приехала потому, что Виктор Александрович сказал... потому, что он, т. е. потому что вы хотели меня видеть... Но лучше всё сказать... (Всхлипывает.) Мне очень тяжело... а вы добры.

Князь Абрезков.

Да, я лучше уйду.

Анна Дмитриевна.

Да, уйдите. До свиданья.

[Князь Абрезков] прощается с обеими женщинами и уходит.

[ЯВЛЕНИЕ VI.

Анна Дмитриевна, Лиза.]

Анна Дмитриевна.

Послушайте, Лиза, не знаю да и не хочу знать, как вас по отчеству.

Лиза.

Андреевна.

Анна Дмитриевна.

Ну, всё равно – Лиза. Мне вас жаль, вы мне симпатичны. Но я люблю Виктора. Я одно существо на свете люблю. Я знаю его душу как свою. Это гордая душа. Он был горд еще 7-летним мальчиком. Горд не именем, не богатством, но горд своей чистотой, своей нравственной высотой, и он соблюдал ее. Он чист, как девушка.

Лиза.

Я знаю.

Анна Дмитриевна.

Он никого женщин не любил. Вы первая. Не скажу, что я не ревную к вам. Я ревную. Но мы, матери – у вас еще маленький, вам рано – мы готовимся к этому. Я готовилась к тому, чтобы отдать его жене и не ревновать. Но отдать такой же чистой, как он...

Лиза.

Я... Разве я.

Анна Дмитриевна.

Простите, я знаю, вы не виноваты, но вы несчастны. И я его знаю. Теперь он готов всё перенести и перенесет и никогда не скажет, но будет страдать. Его оскорбленная гордость будет страдать, и он не будет счастлив.

Лиза.

Я думала об этом.

Анна Дмитриевна.

Лиза милая. Вы умная, хорошая женщина, если вы любите его, то вы хотите его счастья больше, чем своего. А если так, то вы не захотите связать его и заставить раскаиваться – хотя он не скажет, никогда не скажет.

Лиза.

Я знаю, что не скажет. Я думала об этом и задавала себе этот вопрос. Я думала и говорила ему. Но что ж я могу сделать, когда он говорит, что не хочет жить без меня. Я говорила: будем друзьями, но устройте себе свою жизнь, не связывая свою чистую жизнь с моей несчастной. Он не хочет.

Анна Дмитриевна.

Да, теперь не хочет.

Лиза.

Уговорите его оставить меня. А я согласна. Я любила его для его, а не для своего счастья. Только помогите мне, не ненавидьте меня. Будем вместе любя искать его блага.

Анна Дмитриевна.

Да, да, я полюбила вас. (Целует ее. Лиза плачет). Но все-таки, все-таки это ужасно. Если бы он тогда, когда вы еще не выходили замуж, полюбил вас.

Лиза.

Он говорит, что полюбил тогда, но не хотел мешать счастью друга.

Анна Дмитриевна.

Ах, как это всё тяжело. Но всё будем любить друг друга и бог поможет нам найти то, что мы хотим.

[ЯВЛЕНИЕ VII.]

Виктор (входя).

Мама милая. Я всё слышал. Я ожидал это, вы полюбили ее. И всё будет хорошо.

Лиза.

Как мне жалко, что вы всё слышали. Я бы не говорила...

Анна Дмитриевна.

Все-таки ничего не решено. Я могу сказать одно, что если бы не все эти тяжелые обстоятельства, я бы рада была (целует ее).

Виктор.

Пожалуйста только не меняйтесь.

Занавес. [56]

КАРТИНА 2-я.

Номер в гостинице.

[ЯВЛЕНИЕ I.]

Федя [57] (один лежит на диване, читает и курит. Останавливается и смотрит, изредка проговаривает:) Скверно! Очень скверно! Ну что же можно... Скверно.

За дверью раздается фортепьяно и пение.

[ЯВЛЕНИЕ II.]

Входит Афросимов.

Афросимов.

Искал, искал тебя как иголку в стогу. Какая тебя нелегкая сюда занесла. Спасибо чавалы сказали, где ты, а то бы в жизнь не нашел.

Федя.

Незачем искать было. Я нарочно ушел.

Афросимов.

Вот вздор. От приятеля ушел. От меня не уйдешь. Везде с тобой, в огонь и в воду.

Федя.

Да ты уже выпил?

Афросимов.

Чего же дожидаться. Сейчас и ты выпьешь. Эй. (Звонит.) Если только тут достать. Ну нашел местечко. Это только пьяные актеры тут могут жить. (Входит лакей.) Коньячку финьяшампань, сыру и еще чего-нибудь. Да не здешнего, а возьми извозчика моего и поезжай к Генералову, слышишь? На, и марш. [(Лакей уходит.)] Ну теперь рассказывай.

Федя.

Да что рассказывать. Скверно. Совсем ослаб.

Афросимов.

Ведь мы с тобой не видались с тех пор, как за тобой тогда Каренин приезжал.

Федя.

С тех пор и пошло скверно. Приехал домой. Опять каяться, опять сознание своей пакости и ее достоинств. Деньги все тогда ухлопал, потом, не прошло недели, приехал Демин, поехали обедать, ввечеру опять у цыган. Продал часы, портсигар и не поехал домой, не могу. Скверно.

Афросимов.

А Маша что, бегала к тебе?

Федя.

Машка удивительная натура, как петь стала.

Афросимов.

Еще бы, превосходно.

Федя.

Нет, ты не слыхал, что она теперь делает. Это удивленье. И как меня такого, каким я есть, любит. От своих цыган бегаёт, понимаешь? Готова сейчас на всё. Говорит убегу из хора, ничего мне не нужно. И пить мне не даёт. Поддерживает меня, настоящим манером любит.

Афросимов.

Ну, а хор что?

Федя.

Ругаются. Денег у меня ведь нет...

Афросимов.

Да что же ты будешь делать?

Федя.

Я? Да ничего. Что выйдет, то и будет. Одно знаю, что к жене не пойду и ее губить не буду.

[ЯВЛЕНИЕ III.]

Лакей входит.

Лакей.

Дама [58] к вам, барин.

Федя. [59]

Не цыганка?

Лакей.

Нет, настоящая дама.

Федя.

Ну веди (прибирает номер). Кто бы это мог быть.

Афросимов.

Сердцеед. Какая-нибудь Паша.

Федя.

Нет, брат, этим я не грешен. Кроме Маши никого.

[ЯВЛЕНИЕ IV.]

Входит Лиза.

Афросимов (уходит).

Лиз[авете] Андр[еевне] мое почтение. Вот и я его только нашел.

Лиза (холодно).

Нашли? (К мужу.) Федя! Я последний раз к тебе. Я не могу так расстаться с тобой. Федя, не думай, что нет возврата. Забудем всё, пойдем.

Федя.

Лиза, [б0] не искушай меня, ты свободна. Мало того, что свободна. Я знаю, он любит тебя. Выходи за него. Зачем мне томить тебя. Я не пойду. Это верно, верно, верно.

Лиза.

Федя.

Федя.

Не Федя, а Федор Михайлович, а вы Лизавета Андреевна. Прощайте. И дай бог вам всего хорошего, искренно любо[вной] жи[зни], прощайте. (Отворяет ей дверь.)

Она уходит.

Федя (один).

Так и надо. Вот это так.

[ЯВЛЕНИЕ V.]

Входит лакей с бутылкою и закуской.

Федя.

Конец отрезал и запечатал. Ну, давай – выпьем.

Лакей.

Теперь не дама, а цыганочка.

Федя.

Зови, зови.

[ЯВЛЕНИЕ VI.]

Федя, Афросимов, Маша.

Маша.

Опять. А обещал! Что же это, Федя, нехорошо.

Федя (целует ее).

Ну, после будет хорошо. Садись. Пей.

Маша.

Ты знаешь, не пью. А вы что М. Ф. всё его сбиваете, грех вам.
(Садится и качает головой.)

Федя (поет).

Маша, споем.

Маша.

Некогда, я за делом зашла.

Федя.

Ну какое же дело?

Маша.

Да вот вы выдьте, М. Ф. (Афросимов уходит.) Знаю, что у тебя денег нет, так вот возьми пока (подает ему деньги).

Федя.

Ах дура. Да я издохну, у тебя не возьму, а тебя зацелую. И божилась и клялась побывать к нему на час. Мишка. Иди. Что она выдумала, денег мне принесла. А, какова?

Маша.

Я пойду.

Федя.

Ну, не обижайся. (Целует ее.)

Афросимов.

Эка девка милая.

Федя.

Да что говорить.

Афросимов.

Счастливчик ты.

Федя.

Всё хорошо. Одна пакость. Обещал ей развод дать.

Афросимов.

Кому?

Федя.

Известно жене, а надо на себя вину взять. А пакость лгать, чорт. Ох, не люблю. А надо будет. Маша. Зови ее. [б1] Ушла чортова кукла. Милая девочка, милая. Ну, выпьем. И поедem к ним.

Афросимов.

Айда!

Федя одевается.

Занавес

.

ДЕЙСТВИЕ 3.

Квартира скромная, постель, письменный стол, диван. Федя сидит один за столом и пишет. Откидывается. Думает. Опять пишет. Перечитывает. Улыбается.

Федя.

Верно. Да. (Опять пишет.)

В дверь стучат.

Женский голос (из-за двери).

Что ты заперся, Федор Иванович. Федя. Отопри.

Федя встает, [открывает]. Входит Маша.

Маша.

Что же не пошел на службу?

Федя (удивленно).

Да, на службу. Я и забыл.

Маша.

Ах, голубчик ты мой, что ж ты делаешь это? Ведь они сказали посмотрят, как ты будешь акуратен.

Федя.

Ну, ничего разок. Ну, поцелуй меня.

Маша (целует).

И не стоишь ты того. (Федя хочет обнять. Маша отталкивает.) Ну, знаешь что, только по сих пор (показывает на рот). Ну, отчего же ты не пошел?

Федя (идет к столу, берет тетрадь).

А вот видишь ли. Я хочу службу бросить.

Маша.

Ну вот. Они и говорят, что не будет.

Федя.

Кто они? Да кто бы они ни были, все они врут. Я, видишь ли, давно уже начал рассказ. Тот, как бишь его, читал. Говорит, немножко поправьте, dokonчите. Я с радостью 200 р. дам. Ну что ж. На кой чорт служба, когда я могу этим добыть. Вот я и засел. И хорошо выходит. Хочешь прочту.

Маша (щелкает языком и качает головой).

Ходил бы на службу, а это само собой.

Федя.

Не могу. Не могу глупости писать, считать деньги чужие. Да еще нечестные. Не могу.

Маша.

Всё меняется. Ну как же от меня денег брать не хотите, а сами не зарабатываете. Как же нам быть? Разойтись видно.

Федя.

Вздор говоришь. Перестань. Слушай лучше, как я травил лисицу.

Маша.

Очень мне нужна твоя лисица. Чорт с ней. Если бы ты меня любил, ты бы не бросал место. Сто рублей в месяц всё жить можно. А то что, лисицу какую-то. И зачем я тебя полюбила.

* № 2 (рук. № 7).

ТРУП.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА.

Марья Васильевна Крюкова – девушка за 30 лет, недурная, молодящаяся, быстрая в движениях и речах, сторонница свободной любви, весь интерес жизни всех людей полагающая в влюбленьи.

Няня – 50-летняя свежая, умная старуха, вынянчившая Лизу и оставшаяся при детях. Бойко говорит хорошим русским володимирским языком.

Лиза – изящно скромная в приемах и одежде 30-летняя женщина, слабая, нежная, впечатлительная и наивная.

В. И. Каренин – сильный, красивый, свежий лицом, корректный 30-летний человек, говорящий нескоро и вдумчиво.

ДЕЙСТВИЕ 1.

<Сцена перегорожена: маленькая комната, спальня, кроватка детская с ребенком, горит ночник. Другая часть: гостиная, кабинет дамский, диван, ширмочки, письменный стол, шифоньер, много портретов. В спальне сидит Лиза и вяжет. В кабинет входит М[арья] В[асильевна].>

<Уютная гостиная. Две двери – одна отворена.>

ЯВЛЕНИЕ I.

Входит Марья Васильевна, оглядывается, за ней горничная.

Горничная.

Верно, в спальне.

Марья Васильевна.

Лиза. (Ждет. Идет к другой двери.)

[ЯВЛЕНИЕ II.]

Няня (выходит из затворенной двери).

Лизавета Александровна вышли. Здравствуйте, матушка Марья Васильевна. Вышли, вышли.

Марья Васильевна.

Как же мне сказали, что она дома?

Няня.

Горничная не знает, они задним ходом пошли. Ох-ох-о!

Марья Васильевна.

Как, теперь, ночью?

Няня (вздыхает).

Так прогуляться вышли.

Марья Васильевна (вглядывается в лицо няни).

А что же, разве Федор Васильич опять?..

Няня (вздыхает).

Что же ему делается. Только и знает, что гулять – проматывать денежки, да еще и не свои.

Марья Васильевна.

Да неужели?

Няня.

Не глядели бы глаза, измучал он ее.

Марья Васильевна.

Куда же она пошла?

Няня.

Его ли искать, или так, уж не знаю. Да легко ли, увез деньги, да и прощай, второй день нету... Должно поехала его разыскивать.

Марья Васильевна.

Как же я ее не встретила.

Няня.

Да она уж с часок как вышла. Посидите. Может и вернется скоро. Хоть разговорите ее.

Марья Васильевна.

А здоровье ее как?

Няня.

Хорошего мало от такой жизни. Изболело сердце, на нее глядя.

Марья Васильевна.

Что же у них ничего не было – ссоры...

Няня.

Какая же от Лизаньки ссора? От нее кроме добра никто не видал. Ох, беспутный он человек.

Марья Васильевна.

Но разве он беспутный?

Няня.

А то какой же.

Марья Васильевна.

Да ведь он добрый.

Няня.

Это какая же доброта? Обещался, клялся. А теперь вот вторые сутки крутит где-то да еще с чужими деньгами.

Марья Васильевна.

Да не может быть.

Няня.

Вот те и не может быть. Деньги присланы от брата – проценты. Ох, непутевый человек!

[ЯВЛЕНИЕ III].

Входит Лиза в кофточке, шляпе, теплых ботинках и усталая бросается на кресло.

Лиза (не видит Марьи Васильевны. К няне).

Ох, голова болит.

Няня.

Да вы ложитесь.

Лиза.

Я не могу. (Замечает Марью Васильевну.) Ах, Маша, это ужасно (плачет).

Марья Васильевна.

Да, я слышала. Няня говорила. Где же он?

Лиза.

Никто не знает (рыдает).

Марья Васильевна.

Лиза! полно. Ведь нет никакой причины... отчаиваться...

Лиза, не отвечая, отрицательно качает головой.

Если бы он тебя не любил. А то ведь ты знаешь, что он весь твой, что это только увлечение. Верно, опять Афросимов.

Лиза утвердительно кивает головой.

Верно, опять цыгане?

Лиза.

Да. Я узнала через извозчика. Они обедали с Афросимовым, а потом уехали к цыганам.

Марья Васильевна.

Ну, что же так отчаиваться. Ну, увлекся.

Лиза.

Но тут хуже. Тут деньги, которые дядя прислал. И я всего боюсь.

Марья Васильевна.

Да, но ведь он знает, что деньги будут отданы.

Лиза.

Главное вино. Это ужасное вино. Зачем лишать себя человеческого образа...

Марья Васильевна.

Да, но ведь ты сама говорила, что теперь это стало реже.

Лиза.

Да, но если ему это нужно. Вот это–то и ужасно. Я вижу, что он не удовлетворен жизнью. Это–то и ужасно. Я не могу дать ему того, что он хочет. Он вечно страдает. Я вижу это. И это страдание проходит только, когда он выпьет, и только тогда он забывает то, что его мучает, но зато забывает и меня и всё. А когда он всё забывает, я не знаю, что он может сделать. Я всего боюсь.

Марья Васильевна.

Нет, этого не может быть.

Лиза.

Ах, с ним всё может быть. Если бы я не любила его. А то мне и себя жалко, и его жалко, и... обидно. За что?

Марья Васильевна.

Что делать?

Лиза.

Вот это–то я и думаю. Найти его. Я хотела ехать к цыганам, но потом испугалась.

Марья Васильевна.

Да, разумеется, нельзя.

Лиза.

А так оставаться тоже ужасно.

Марья Васильевна.

Знаешь что? Ведь я нынче дала rendez-vous у тебя Каренину – Виктору Ивановичу. Он сейчас придет.

Лиза.

Ах, зачем ты позвала его нынче. Мне не до гостей, а сказать всё свое унижение ему, чужому человеку...

Марья Васильевна.

Он тебе меньше чужой, чем кто бы то ни было. Может быть, он тебе чужой, но ты–то ему не чужая...

Лиза.

Перестань, глупости. Если бы это и было, то *raison de plus*[62] не говорить ему.

Марья Васильевна.

Говори, не говори, он знает. И он один из тех людей твердых, даже холодных, но таких, которые раз полюбили и полюбили той чистой...

Лиза.

Я прошу тебя не говорить мне про это. Мой муж может... одним словом: мне больше, чем когда-нибудь хочется, нужно быть безупречной перед мужем, а говорить про то, про что ты говоришь, слушать это мне стыдно, и я чувствую, что это дурно.

Марья Васильевна.

Ну, ты знаешь, что у меня на этот счет другое убеждение, что любовь и чистая никогда не может быть веч[ная], но envisagez ce dont j'ai parlé comme non avenu, [63] я просто предлагаю тебе обратиться к Каренину, как к вашему общему хорошему знакомому, товарищу и другу твоего мужа.

Лиза.

Обратиться в чем?

Марья Васильевна.

Просить его съездить сыскать Федю и привезти, если можно.

Лиза.

Почему он?

Марья Васильевна.

А, во-первых, потому, что он имеет больше всех на него влияние (звонок), и, во-вторых, потому, что он тут.

Лиза.

Ты думаешь, что он может найти и привезти его?

Марья Васильевна.

Я уверена.

[ЯВЛЕНИЕ IV.]

Горничная (входит и докладывает).

Каренин, Виктор Иванович.

Марья Васильевна (к Лизе).

Просить?

Лиза.

Проси. (К Марье Васильевне) Ты прими его, а я сейчас пройду к себе. Я растрепана и глаза заплаканы.

Марья Васильевна.

Я поговорю с ним.

Лиза.

Не знаю, хорошо ли это? (Уходит.)

[ЯВЛЕНИЕ V.]

Марья Васильевна одна, потом входит Каренин.

Каренин (оглядывается, здоровается).

А Лизавета Алекс[андровна?]

Марья Васильевна.

Она дома, не совсем здорова.

Каренин.

Что же с Лизаветой Алекс[андровной?] Что-нибудь серьезное?

Марья Васильевна.

И да, и нет. Вы знаете, она всегда слаба. А теперь... Ну, да я вам, как другу дома, скажу всё. Je vous prie de croire que je suis autorisée. [64] Она расстроена и почти больна от Феи.

Каренин.

А что? Неужели?

Марья Васильевна.

Да, и, главное, он уехал с деньгами, довольно большими и не своими.

Каренин.

Да неужели?

Марья Васильевна.

И очень. Ну, что же делать. Лиза думает, что он у цыган, и думает, что если бы ему напомнить, остановить, он бы вернулся. Деньги, разумеется, будут заплачены, но ее мучает это его падение – его

душевное состояние.

Каренин.

Как это на нее похоже: видеть только чужие страдания, а не свои. Да.

Марья Васильевна.

Я подала ей мысль просить вас поехать. Она не соглашалась на это.

Каренин.

Меня? Да, разумеется, буду только счастлив... (в это время входит Лиза). Буду только счастлив, если могу служить вам (подходит и целует ее руку).

[ЯВЛЕНИЕ VI.]

Лиза.

Я не хотела этого, но мне очень тяжело, но ведь вы можете найти его. И он наверное вас послушает.

Каренин (берет шляпу).

Где вы думаете, что я найду его?

Лиза.

Извозчик сказал няне, что он остался в Грузинах с Петровым. Только мне ужасно совестно.

Каренин.

Только бы я мог сделать. Ведь он мне тоже дорог, и я никогда не переставал любить его. Но простите меня. Это дело, и для дела нужно знать все его условия. Что он? Где он? Что вы знаете. Скажите мне. И сейчас лечу и делаю всё, всё, что могу.

Лиза.

Ах, как это больно! Как трудно.

Каренин.

Не торопитесь. (Берет альбом, смотрит.) Я слушаю...

Лиза.

Ну, вот. Вы ведь знаете его. Это было еще до праздников, был такой период, и он так много истратил денег, что надо было занять, и мы заложили разные вещи.

Марья Васильевна.

То есть твои бриллианты.

Лиза.

Всё равно, что заложили. Но только на днях получили деньги, и он взял эти деньги, поехал выкупать. Только что он выходит, навстречу этот ужасный Паша Афросимов. Вы знаете?

Каренин.

Знаю и для меня вечная загадка, как такой тонкий, умный, поэтический человек, как Федя, может водиться с такими людьми, как этот Паша?

Лиза.

А вот водится, и этот ужасный Паша имеет на него влияние.

Каренин.

Удивительно, но еще более удивительно, как вы не имеете влияния.

Лиза.

Когда они встретились, я подумала, но что же я могла сделать? И так и вышло. К обеду нет, вечером нет. Наконец привозит извозчик записку – пишет, чтоб я не беспокоилась, что он, может быть, поедет за город. Следы, которые мы имели, это то, что няня узнала от извозчика, что он у цыган.

Каренин.

А много было денег?

Лиза.

Тысяча триста рублей. Но деньги – бог с ними. Я всего боюсь. Неужели вы поедете?

Каренин.

Сейчас, сию минуту. (Встает.) Если бы вы знали, как вы, ваше семейство близко мне. Прощайте. Во всяком случае извещу вас, нынче до какого часа?

Марья Васильевна.

Я буду у нее до часа. И до часа мы ждем вас.

Каренин.

Или завтра. (Целует руку, уходит.)

[ЯВЛЕНИЕ VII.]

Лиза, Марья Васильевна.

Марья Васильевна.

Не понимаю, не понимаю. Знать, что есть такой человек, как Анатолий Каренин, благородный, 30-летний ребенок, умный, твердый, отдавшийся тебе душой и телом и отталкивать его. Ведь он любит тебя первой и единственной любовью.

Лиза.

Во-первых, это неправда, а, во-вторых, если бы это и была правда, что мне за дело?

Марья Васильевна.

А то дело, что он тебе близок.

Лиза.

Для меня никого нет, кроме Феде.

Марья Васильевна.

Всё равно, что сказать, что я люблю апельсины, как же мне любить атлас. Я люблю и апельсины, и атлас. Ты любить его.

Лиза.

Маша, мы поссоримся, если ты будешь говорить это.

Марья Васильевна.

А я говорю, что любишь и хорошо делаешь.

Лиза (озлобленно).

Как ты можешь говорить такие гадости и глупости? И за что ты мучаешь меня? Мне и так тяжело (убегает в слезах).

Марья Васильевна пожимает плечами и улыбается.

Занавес

.

<КАРТИНА> 2-я.

Комната у цыган. Хор поет цыганскую песню. Федя сидит у стола (на столе шампанское и стаканы). Афремов сидит на полу, офицер у стола и музыкант записывает.

Федя (к музыканту).

Не запишешь, нельзя. Это степь, это десятый век, это не свобода, а воля. (Песня кончается.) Ну, теперь «Час роковой». Маша! Бери гитару. (Садится перед ней и смотрит ей в глаза. Маша поет.) А, какова! Прелесть.

Афремов (вскакивает).

Ну, мою!

Цыгане запевают веселую плясовую. Афремов делает выходку. Цыгане и одобрительно улыбаются и, продолжая петь, хлопают. Садится. Песня кончается.

1-й цыган.

Ай, да М. А., настоящий цыган.

Федя.

Матреша, старинную Ночку. Хочу Ночку, хочу плакать. (Матреша поет хриплым голосом. Федя махает руками, плачет.) Ну, что ваш Бетховен.

Афремов.

А «Слышишь». Разве плохо? (Берет гитару. Поет в два голоса с Катей.)

Федя (подсаживается к Маше, облакачивает ей о плечо голову).

Это глупости, только портит впечатление.

Маша.

Что же, пускай поют. Они хорошо делают. А что я вас просила...

Федя.

Что? Денег? (Вынимая из кармана штанов.) На, на!

Маша смеется, берет деньги и показывает цыганам. Песня кончается.

Ну, отдохните.

Цыгане, цыганки уходят. Остаются парочки: Афремов с Катей, офицер с Гашей, музыкант пишет, цыган перебирает вальс на гитаре.

И зачем может доходить человек до этого восторга, а не может продолжать его. Ах, хорошо! Хорошо тебе? Ну поцелуй. (Маша целует его.)

Входит цыган.

Цыган (к Феде).

Вас барин спрашивает.

Федя.

Какой барин?

Цыган.

Барин значительный (барорай).

Федя.

Ну что же, зови.

Цыган.

Просит вас одних. Чтобы вы вышли.

Федя (встает, шатаясь).

Ну, ладно. (Цыганам.) Да вы здесь оставайтесь. А наши уйдут.

Говор по-цыгански. Все уходят.

Ну и прекрасно. Передохните и потом еще раз «Лён», а потом спать. Зови.

Входит Каренин в шубе. Оглядывается строго.

А, Виктор! Вот кого не ждал. Раздевайся. Вот ты говоришь цыгане не музыка, спроси Кроля. Они сначала тебе споют. (Кричит.) Чавалы!

Каренин.

Je voudrais vous parler sans témoins.[65]

Входит цыган.

Цыган.

Вы чего?

Федя.

Ничего, ничего, пойте. (К Каренину.) Снимай, снимай!

Каренин (снимает шубу, подходит близко).

Je viens de chez vous. Votre femme m'a charger de cette lettre et puis...[66]

Федя (берет письмо, читает. Хмурится, потом ласково улыбается).

Послушай, Каренин. Ты ведь знаешь, что в этом письме.

Каренин.

Знаю. И хочу сказать...

Федя.

Постой, постой. Ты, пожалуйста, не думай, что я пьян и мои слова невременяемы, т. е. я невменяем. Я пьян, но в этом деле вижу всё ясно, ясно. Ну что же тебе поручено сказать?

Каренин.

Мне поручено найти тебя и сказать тебе, что она... ждёт тебя. Просит тебя всё забыть и вернуться.

Федя (слушает молча, глядя ему в лицо).

Я все-таки не понимаю, почему ты?

Каренин.

Л. А. прислала за мной и просила меня...

Федя.

Так...

Каренин.

Но я не столько от имени твоей жены, сколько сам от себя прошу тебя: поедем домой.

Федя

Ты лучше меня. Какой вздор. Лучше меня не трудно быть. Я негодяй, а ты хороший, хороший человек. И от этого самого я не изменю своего решения. И не от этого. Я просто не могу и не хочу.

Каренин.

Федя, поедем ко мне. Заснешь. А завтра...

Федя.

А завтра что? Всё буду я – я, а она – она. Нет. <А потом деньги.

Каренин.

Что ж, по крайней мере то, что осталось, привезешь.

Федя.

Что осталось? Мало осталось. (Вынимает из кармана бумажки.) Нет, Виктор, нельзя мне ехать. Нельзя. Теперь, сейчас нельзя.

Каренин.

Всякая минута неизвестности для нее ужасна.

Федя.

Теперь? Не могу. Да и вообще не могу (подходит к столу и пьет).> Зуб лучше сразу выдернуть. Я ведь говорил, что если я опять не сдержу слова, то чтобы она бросила меня. Я не сдержал, и кончено.

Каренин.

Для тебя, но не для нее.

Федя.

Удивительно, что ты заботаешься о том, чтобы наш брак был не нарушен. (Каренин хочет что-то сказать. Федя перебивает его.) Ты послушай, как она поет Лён. Маша! Ты послушай.

Цыгане сходятся.

Маша (шопотом).

Повеличать бы.

Федя (смеется).

Величать: Виктор, сударь Михайлович. (Каренин сконфуженно слушает, потом спрашивает, сколько дать.)

Федя.

Дай 25. (Каренин дает.) Чудесно! Теперь Лён (оглядывается). Удрал Каренин. Ну, черт с ним. (Цыгане разбредаются. Федя садится с Машей.) Ты знаешь, кто это?

Маша.

Слышала фамилию.

Федя.

Это превосходный человек. Он приезжал звать меня домой к жене. Она меня, дурака, любит, а я вот что делаю.

Маша.

Что же, это нехорошо. Надо к ней ехать. Надо ее пожалеть.

Федя.

Ты думаешь надо?[67] А я думаю, не надо.

Маша.

Известно, коли не любишь, так и не надо. Только любовь дорога.

Федя.

А ты почему знаешь?

Маша.

Должно знаю.

Федя.

Ну поцелуй меня. Чавалы. Еще Лён, и тогда шабаш. (Начинают петь.)
Ах, хорошо. Кабы только не просыпаться, так и помереть.

Занавес

.

<ДЕЙСТВИЕ 3-ье.

Федя (один, лежит на диване – читает и курит. Останавливается и смотрит, изредка проговаривает).

Скверно! Очень скверно! Ну что же можно... Скверно.

За дверью раздаётся фортепьяно и пение.

Входит извозчик.

[Извозчик.]

Что ж, Ф. В., надо бы получить. 5-й день.

Федя.

Всё, получи...

Входит Афросимов.

Афросимов.

Ах ты злодей этакий. Лежит спокойно, поживает.

Федя.

А что?

Афросимов.

Да как же. Мы всю Москву обегали, тебя ищем, как иголку в стогу – ха-ха-ха, а он спрятался в каком-то Мадриде, ха-ха-ха. Кабы не цыган, ни за что бы не нашли.

Федя.

Да зачем я тебе нужен?

Афросимов.

Ну, полно, полно, разве так делают с друзьями? Я ведь всё знаю.

Федя.

Ну, а знаешь, так нечего меня и искать было. Я нарочно ушел, чтобы меня не нашли.

Афросимов.

Вот вздор. От меня не уйдешь. Ха-ха-ха. Везде с тобой, в огонь и в воду. Ха-ха-ха. Что ж, позавтракаем? [68]

Федя.

Я никуда не поеду.

Афросимов.

Ну так здесь... Эй... (Входит лакей.) Ну, принеси ты водки, селедки, красного. На – деньги, возьми моего извозчика. (К Феде.) Я к тебе по делу.

Федя.

Послушай, Паша, если это касается моих отношений с женой...

Афросимов.

Разумеется, касается. Ха-ха-ха.

Федя.

Так я прошу тебя. Ты это оставь. Мое решение неизменно.

Афросимов.

Ecoutez, mon cher.[69] Это всё ты не то говоришь. Зачем эти крайности. Ну, положим, ну что же тут такого. Смотри, как моя Марья Евгеньевна живет и ничего. Так живи, как хочешь, а decorum[70] дома надо блюсти pour les enfants.[71] А то что ж вдруг такой esclandre, [72] из-за чего бросаешь дом. Мое правило vivre et laisser vivre. [73] Ха-ха-ха.

Федя (сосредоточенно смотрит мимо).

Паша, я тебя очень прошу. Я тебя люблю, ты знаешь, и люблю не только как товарища, но люблю как хорошего доброго человека.

Афросимов.

Друга...

Федя.

Да и друга. Но именно как друга я прошу тебя. Оставь меня и не вмешивайся в это тяжелое и трудное, очень трудное дело.[74]

Афросимов.

Так и решил – не вернешься?

Федя.

Нет.

Пьют.

Афросимов.

Что ж будешь делать?

Федя.

Я? Да ничего; что выйдет, то и будет. Одно знаю, что к жене не пойду и ее губить не буду.

Афросимов.

По-моему напрасно, а, впрочем, твое дело. <Что же, позавтракать надо.>

Федя.

Да, пожалуй.

Пьют.

Афросимов.

А знаешь, я вчера заезжал к чавалам. Маша про тебя спрашивала всё. «Что, – я говорю, – влюблена?» «Да, – говорит, – очень влюблена». Ха-ха-ха. А знаешь, она вправду полюбила. Ведь эта женщина единственная.

Пьют.>

Федя.

Какая милая девочка – вот сердце...

* № 3 (рук. № 8).

<ДЕЙСТВИЕ 1-е.

Сцена представляет кабинет дамский: мягкая мебель, письменный стол, портреты и веера. Саша (сестра Лизы) читает. (Звонок.) Саша вскакивает и бежит к двери, в то же время Лиза быстро выходит из детской.

Саша.

Иду, иду.

Лиза.

Саша, посмотри кто и скажи мне. Верно, няня.

Саша (от двери).

Сейчас, сейчас. Няня не звонила бы. А это кто-то подъехал, верно, мама. Что же Коля?

Лиза.

Заснул теперь.

Саша уходит. Лиза остается, прислушивается. <Из детской голос ребенка: мама.>

Лиза.

Ах, боже мой, боже мой. Господи помилуй.

Саша (возвращается).

Это мама.

Лиза.

Ну, что?

Саша.

Не нашла нигде. Она была у Карениных. Там тоже не знают.

Лиза.

Ну что, мама?

Входит мать.

Анна Павловна.

Саша, отпусти, пожалуйста, извозчика, дай ему вот. (Дает деньги.)

Лиза.

Ну что, мама?

Анна Павловна.

Да хорошего мало, узнала, что они обедали вчера с Еремеевым и куда-то уехали. А куда, никто не знает. А няня не вернулась?

Лиза.

Нет еще.

Анна Павловна.

Потом была у Карениных.

Лиза.

Зачем же к Карениным?

Анна Павловна.

Да просила Виктора разыскать его.

Лиза.

Зачем его?

Анна Павловна (не отвечая).

Виктора дома нет. Я оставила записку.>

* № 4 (рук. №№ 9 и 5).

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ.

КАРТИНА 1-я.

Анна Павловна, полная энергичная дама под 50 лет, сидит в маленькой столовой за чаем и недовольно бормочет: Хорош, очень хорош. Саша, девушка 20 лет, красивая, живая, входит и ищет что-то.

Анна Павловна.

Чего тебе?

Саша.

Лиза слышала звонок, прислала спросить кто.

Анна Павловна.

Что же она?

Саша.

Лиза ужасно беспокоится.

Анна Павловна.

Вот уж не стала бы беспокоиться. Я скорее рада, по крайней мере, конец. Надо бросить.

Саша.

Ну что, мама, всё одно и то же повторять.

Анна Павловна.

Не могу я этого видеть. Отец семейства, как только попали в руки деньги, так прощай. Это такая гадость. (Звонок.)

Саша.

Ну зачем этак говорить?

Анна Павловна.

Это Миша Каренин.

Саша.

Отчего Миша Каренин?

Анна Павловна.

Оттого, что я писала ему, просила приехать.

Саша.

Ах, мама, ведь вы знаете, что Лизе это неприятно будет.

Анна Павловна.

Не понимаю и не хочу понимать ваших тонкостей. Но могу я спокойно сидеть, смотреть на ее страдания. Надо что-нибудь делать.

Горничная (входит).

Г[осподи]н Каренин.

Анна Павловна.

Проси сюда.

Саша.

Я боюсь, что Лизе это будет неприятно.

Анна Павловна.

Поверь, что я ее больше тебя люблю и что делаю, то для нее. Если бы я не любила...

Входит Каренин, корректный, свежий и сильный юноша [75] с медленными движениями, [76] робкий и нежный.

Каренин (здоровается, целует руку Анны Павловны).

Вы прислали мне записку, что желаете меня видеть, и я позволил себе, несмотря на поздний час, приехать. Чем могу служить?

Анна Павловна.

И прекрасно сделали. Благодарю вас. У нас очень, очень грустно.

Каренин.

Неужели опять?

Анна Павловна.

Да, опять уехал с деньгами и про[падает] второй день и не може[м] найти. Вот я и решилась просить вас.

Каренин.

Я весь к вашим услугам. Что могу...

Саша морщится, недовольно махает руками <и уходит>.

Анна Павловна.

Он б[ыл] ваш друг, но, простите меня, хоть он и мне зять, это простой негодяй...

Каренин.

Он слабый человек, но...

Анна Павловна.

Тут не слабость, а подлость...

Каренин.

Ну, я но думаю, вы сами не думаете это.

Анна Павловна.

Всё старая история, пьянство, цыганство, все гадости, которые в первый раз простительны, во второй раз становятся гадки, а когда они повторяются постоянно (всё более и более горячась), когда это сделалось не только привычкой, но самой жизнью, когда ни просьбы, ни слезы, ни страдания жены не могут удержать, тогда этому нет названия...

Каренин.

Но теперь, в настоящую минуту, что именно...

Анна Павловна.

А то, что он получил деньги и не свои, а деньги, присланные дядей для выкупа его же просроченного и заложенного имения и с этими деньгами со вчерашнего дня пропал, и мы искали везде, по всем и нигде не могли найти его. Только сейчас, вечером, няня наша догадалась разыскать извощиков каких-то. Какой-то Турецкий, который возил их, и мы узнали от этого Турецкого, что он у цыган и ночевал там. Должен быть там и теперь.

Каренин.

Так что же вы хотите, чтобы я съездил туда и привез его?

Анна Павловна.

Я собственно ничего не хочу. Я убедилась, что кроме мучений и всякого рода страданий для Лизы от этого человека ничего не будет.

Каренин.

Я думаю, что судья в этом деле одна Лизавета Александровна.

Анна Павловна.

Нет, она ослеплена. Мне же видно, как он равномерно и наверно губит ее и будущность ребенка... Вы друг семьи, и я могу сказать вам всё. Ведь эти эскапады повторялись десятки раз. После них раскаяния, тишина, обещания... и опять то же. Последний раз он сам сказал, что пусть она оставит его, если это повторится. [77]

Каренин.

То есть как же?

Анна Павловна.

Я поняла так, что он готов дать ей развод. И я прямо желала бы этого, любя свою дочь.

Каренин.

Да, но она не хочет этого.

Анна Павловна.

То-то и дело. И потому мое *demande* [78] к вам совершенно бескорыстно. Если я прошу вас съездить к нему и узнать, где он и что с ним, то я прошу не для себя, а для нее, зная ее бесконечную доброту.

Каренин.

Я думаю, главное, любовь к нему.

Анна Павловна.

Да, разумеется. Так вы согласны съездить увидеть его, узнать, что он и что он думает.

Каренин.

Разумеется, сейчас, сию минуту поеду. Только простите меня, я бы хотел знать, как Лиз[авета] Ал[ександровна] смотрит на это.

Анна Павловна.

Лиза? Разумеется, она будет рада. Я сейчас позову ее.

Каренин.

Но куда же ехать? Где он теперь? Ведь я не знаю, где живут и какие цыгане?

Анна Павловна.

А это вам скажет извозчик. Я нарочно оставила его здесь. Сама позову его сюда.

Каренин.

Я думаю, мне лучше сойти к нему.

Анна Павловна.

Нет, нет. Я сама еще поговорю с ним.

Саша (идет в дверь).

Я позову его.

Анна Павловна.

Да, да. А я позову Лизу. Пусть она сама вам скажет.

Каренин.

Но если Л[изавета] А[лександровна] нездоровы, то я бы был в отчаянии беспокоить ее.

Анна Павловна.

Нет, я думаю, что она сойдет к вам. Она ведь всего боится, так что для нее важно то, что вы увидите его, узнаете, что он жив, эта драгоценность. Это ее ослепление – любить такого человека! Его можно только презирать.

Каренин.

Я боюсь, что вы несправедливы к Феде. Я ведь с ним друг детства, и знаю, и высоко ценю его не только ум, чутко[сть], талантливость, но золотое сердце и потому никак не могу разделять вашего взгляда на него.

Анна Павловна.

Вот это его искусство – обойти, обворожить всех.

Каренин.

Только одного не понимаю, <как он может заставлять страдать такую женщ[ину]...>

Анна Павловна.

Как он может быть так жесток, так заставлять страдать. Это такое существо...

Входит извозчик–лихач, неся полы кафтана, в усах без боро[ды], с пуговицами на спине.

Анна Павловна.

Ты ведь Турецкий?

Извозчик.

Так точно.

Анна Павловна.

Так вот расскажи барину всё, что ты знаешь про Фед[ора] Вас[ильевича]. Ты ведь к нему поедешь.

Извозчик.

Так точно, я за ним теперь.

Каренин.

Так можешь свезти и меня?

Извозчик.

С нашим удовольствием.

Анна Павловна.

Так я пойду, Лизу позову, а вы расспросите его всё, что нуж[но].
(Уходит.)

Каренин.

Так вы знаете Фед[ора] Пав[ловича]?

Извозчик.

Как же нам не знать, самые знакомые господа, еще когда они не женаты были, езжали с нами.

Каренин.

Так вы знаете про него?

Извозчик.

Что зна[ем]? Вчерась взяли меня и поехали в банк. По дороге

встреч[аем] Мих[аила] Ан[дреевича].

Каренин.

Вы с ним и ездили?

Извозчик.

Так точно. Вчерашний день с выставки спервоначала в банк. Из банка встретили Мих[аила] Ан[дреевича] Еремеева. На бега поехали, а оттуда в Эрмитаж. Там они кушали. Я перепрег лошадь, чайку попил, в 8-м часу возил в Стрельну. Из Стрельны к Соколову. А оттуда отпустили, приказали утром к Мих[аилу] Андр[еевичу]. Нынче, значит, в 9-м часу выехали, кушали опять в Московском и в – Грузины. Оттуда послали за вином и отпустили до 12 часа.

Выходят Анна Павловна, Лиза.

Каренин (извозчику).

Хорошо, так вы подождите, я пойду сейчас.

Извозчик.

Слушаюсь. (Уходит.)

Каренин здороваётся за руку с Лизой.

Анна Павловна.

Ну что ж, расспросили?

Каренин.

Расспросил. Всё, как и вы говорили. (К Лизе.) Анна Павловна даёт мне поручение, которое я готов исполнить. Что мне сказать ему?

Лиза.

Ах, как это тяжело. Зачем вам ехать?

Анна Павловна.

Кто же поедет? Я не поеду по разным вертепам, где он находится. Тем более тебе нельзя ехать. Кто же поедет?

Каренин.

Если я поеду с поручением от вас, то мое влияние будет сильнее, но если бы я узнал про это – не от вас, – я все-таки поехал бы и постарался бы вырвать его, дать ему опомниться.

Анна Павловна (перебивая).

Как же, опомнится он. А если и опомнится, на две недели уж это.

Саша.

Мама, да дайте же Виктору Ивано[вичу] досказать.

Каренин.

Я только хотел сказать, что Федя мой друг и я, кроме того, что желал бы сделать вам приятное, для себя, для него сделал бы, что могу.

Лиза.

Да я, потому что вы его друг и он любит вас, я рада, что вы поедете, но...

Каренин.

Но почему вы не рады?

Лиза.

Я не сказала, что не рада, но, прост[ите], почему именно вы... Но все-таки я вам буду благодарна. И еще... скажите ему, чтобы он не думал о том, что было говорено. Это он говорил, а не я.

Анна Павловна.

То есть, что всё, что он делает, очень мило и пускай продолжает.

Лиза (укоризненно).

Мама! Я не говорю, что это хорошо, что это не больно, но я не могу...

Анна Павловна.

А я могу. И если бы он знал, что ты бросишь его, он бы задумался. А теперь всё равно, рано или поздно ты все-таки бросишь его.

Лиза.

Никогда.

Анна Павловна.

Ну, не ты, так он бросит. Du train que cela va.[79]

Саша.

Мама, да дайте Лизе сказать.

Анна Павловна.

Если бы ты была не ты, а на твоём месте другая жена, которая так же, как он, искала бы увеселений...

Саша.

Да ведь этого нет.

Анна Павловна.

Если бы он знал, что его жена, сейчас она брошена им, может полюбить другого человека...

Лиза (смущенная).

Мама, ради бога... (К Каренину.) Так, пожалуйста, скажите ему, что одно, о чем я прошу, это чтоб он вернулся.

Анна Павловна.

А от меня скажите, что его сечь мало. Да еще возьмите у него деньги, все, если остались.

Каренин смотрит вопросительно на Лизу.

Лиза.

Да я тоже боюсь, что пока будут деньги...

Каренин (встает).

Так я еду. И ответ вам дам или нынче же, если он приедет со мной. Или завтра, если я его не застану, или...

Анна Павловна.

Если он не в своем виде, не возите. Я боюсь пьяных. А отберите деньги. Вот мой совет и оставьте его там выспаться.

Лиза плачет.

Каренин.

Постараюсь сделать как можно лучше. До свиданья. (Прощается и уходит.)

Лиза.

Мама, зачем вы так говорите, и при нем. И зачем вы выписали Каренина.

Анна Павловна.

Затем, чтобы он привез его. Вот он поедет и привезет.

Лиза.

Вы знаете, что это последний человек, к к[оторому] бы я хотела обратиться, а вы именно Виктора Каренина выписали, его вводите в интимные, тяжелые стороны нашей жизни. Мне это ужасно, ужасно больно.

Анна Павловна.

Оттого, что он тебе делал предложение и влюблен в тебя?

Лиза.

Ах, мама. Не говорите этого. Ведь этого нет.

Анна Павловна.

Напротив. Пускай твой Федя видит, что есть люди, мизинца к[оторых] он не стоит, к[оторые] могли бы оценить.

Лиза.

Вы ведь знаете, что для меня никого не существует, кроме моего мужа.

Анна Павловна.

Вот это-то и жалко. Если бы он видел, что может тебя потерять, было бы другое. Ох, если бы я была на твоём месте, давно бы уже я бросила эту тряпку. Что он за муж? Каренин, вот это человек – нравственный, чистый, твердый. Раз полюбил и навсегда...

Лиза.

Как вам не жалко меня. Мне и так тяжело. А вы говорите мне всё, что только можно сказать мне самого тяжелого.

Анна Павловна.

Я говорю, что есть, что ты сама чувствуешь.

Лиза (плачет).

Мама, это безжалостно. Это гадко. Зачем вы меня мучаете. Я всё могу перенести, только не это. Зачем?

Анна Павловна.

Зачем я приехала к тебе, зачем живу с тобой? Что же, прогони меня, живи с своим негодяем-мужем.

Лиза (вскрикивает).

Он не негодяй, а самый лучший человек, к[оторого] я люблю больше всех в мире. Оставьте, оставьте меня. (Уходит в слезах.)

Анна Павловна.

Вот это хорошо! Я же виновата. Измучить меня, и я же виновата, за то, что люблю ее и не могу видеть ее страданий.

Саша.

Да зачем вы говорите Лизе про Каренина и про его чувства. Это самое болезненное место.

Анна Павловна.

Отчего болезненное? Оттого, что он любит ее?

Саша.

Она знает это, знает, что он дружен с Федей, и никогда не говорит, не позволяет себе думать об этом. И вдруг вы прямо говорите, что ей надо развестись и выйти за Кар[енина].

Анна Павловна.

Никогда я не говорила это.

Саша.

Ну да, почти что.

Анна Павловна.

Если бы и говорила, то, разумеется, самое лучшее, что она могла бы сделать. Конечно, в тысячу раз лучше, чем продолжать жить с этим пьяным негодяем.

Саша.

Разве можно так называть Федю? Это такая чистая душа, такой человек удивительный.

Анна Павловна.

В том-то и беда, что он чем-то обворожил вас всех. Все вы влюблены в этого пьяного мерзавца.

Лиза (выскакивает из-за двери).

Мама, я не могу допустить, чтобы так говори[ли] про моего мужа.

Анна Павловна.

А я не могу называть вещи по имени? И если так, то прощай. Наслаждайся.

Саша.

Мама, что вы?

Анна Павловна.

Нет, с вами я не могу жить. У меня удар сделается. (Уходит.)

Занавес

.

* № 5 (рук. № 10).

<Д[ЕЙСТВИЕ] 1.

Сидят за чаем А[нна] П[авловна], мать Лизы и Саши, Лиза, жена Феди, и Саша, девушка.

Лиза (взволнованно).

Мама, ради бога.

Анна Павловна.

Я только повторяю то, что ты сама же говорила.

Лиза (вставая).

Я ничего не говорила, а если говорила, то всердцах...

Анна Павловна.

Нет, ты спокойно говорила, что если будет то же самое, то между вами всё кончено, а теперь посылаешь искать его. Оставь его...

Лиза.

Мама, ведь он муж мне.

Анна Павловна.

Хорош муж. Как только деньги в руках, так пропали и деньги и сам.

Кажется, было решено, он сам говорил, что если это повторится, он не вернется.

Лиза.

А я вам говорю, что я не брошу его, потому что... потому что не могу я без него жить.

Анна Павловна.

Чтоб он разорил тебя и твоего ребенка. Делал неверности.

Лиза.

Он не делал неверности.

Анна Павловна.

Да это ты говоришь, а сама посылаешь искать его. Лиза, будь умн[ой], оставь его. Он обещал дать развод.

Лиза.

Мама, ради бога, не говорит[е] этого. Я не могу его оставить.
(Уходит.)

Саша.

Мама, это хуже так говорить ей.

Анна Павловна.

Не понимаю я ее. На ее месте я давно бы оставила его. Je l'aurai pris au mot.[80] Она гораздо была бы счастлив[ее] без него. Что ж она хочет делать?

Саша.

Она написала записку Виктору и хочет его просить разыскать Федю и передать ему письмо.

Анна Павловна.

Вот уж чего не понимаю. Человека, к[оторый] влюблен в нее.

Саша.

Кто влюблен?

Анна Павловна.

Разумеется, Виктор Каренин. И его-то посылать отыскивать загулявшего мужа? Я думаю, Виктор только того желает, чтоб он совсем пропал.

Саша.

А я понимаю Лизу. Виктор друг детства.

Анна Павловна.

Знаем мы этих друзей.

Саша.

А я знаю, что между ними кроме самой чистой дружбы ничего нет.

Анна Павловна.

Теперь, да. Я знаю, что моя дочь знает свои обязанности и не изменит им, как бы ни был противен и развратен муж.

Саша.

Зачем вы так говорите? (Звонок.) Верно, это он.

Лиза (выходит поспешно).

Кто это?

Саша.

Не знаю, только что позвонили.>

* № 6 (рук. № 11).

ДЕЙСТВИЕ 1.

ЯВЛЕНИЕ 1.

[81] Анна Павловна. Сидит одна за чайным столом и вяжет. Входит Саша.

Анна Павловна.

Ну что? Придет она?

Саша.

Нет, она пишет что-то и просила не мешать ей.

Анна Павловна.

Встревожена? Глаза красные?

Саша.

Да, очень.

Анна Павловна.

Ну, пускай поплачет. Не стоит он ее слез.

Саша (горячась).

Вы, мама, право, удивительны. Оставить мужа, отца своего ребенка, и вы хотите, чтоб она была спокойна.

Анна Павловна (сердито).

Ты тоже удивительна. Я мать и для меня, ты знаешь, кроме вас двух, ничего нет на свете. И потому, если я уже радуюсь тому, что моя дочь бросает мужа, значит он стоит того. Надо радоваться, а не печалиться, что можешь освободиться от такого золота.

Саша.

Мама. Зачем вы говорите так? Ведь вы знаете, что это неправда. А что он человек честный...

Анна Павловна.

Хороша честность. Как только деньги в руках, свои ли, чужие ли...

Саша.

Мама. Он никогда чужих не брал.

Анна Павловна.

Всё равно, женины.

Саша.

Да ведь он же отдал всё жене.

Анна Павловна.

Еще бы не отдать, когда он сам знает, что он всё промотает. [82]

Саша.

Я только знаю, что это ужасно. Ужасно.

Анна Павловна.

По-твоему, не надо было, а надо было ждать, чтоб он всё промотал и привел бы в дом своих цыганок-любовниц.

Саша.

Нету у него любовниц.

Анна Павловна.

Вот то и беда, что он всех вас чем-то обворожил. Только не меня. Нет, шалишь, я его вижу, и он знает это. На месте Лизы я бы не теперь, а уж год тому назад бросила бы его.

Саша.

Как вы это говорите легко.

Анна Павловна.

Нет, не легко. Мне, матери, видеть дочь разведенной – не легко. Поверь, что очень не легко. Но всё лучше, чем загубить молодую жизнь и ребенка оставить без ничего. Нет, я бога благодарю, что она теперь решилась, что всё кончено. Она молодая, умная, красивая женщина, найдет еще счастье с другим. Слава богу, есть люди получше вашего Федора Васильевича, которые сумеют оценить ее.

Саша (которая всё время хочет говорить, по мать перебивает ее).

Ах, мама, это ужасно, что вы говорите. Не может Лиза разорвать с человеком, которого она любила и любит, и быть спокойна. И уж никак не может полюбить другого.

Анна Павловна.

Поверь, что полюбит, особенно такого человека, которого она знает и который любит ее, и во всех отношениях в тысячу раз лучше.

Саша.

Мама. Это нехорошо. Вы ведь, я знаю, говорите про Виктора Каренина.

Анна Павловна.

Разумеется, он любит ее 10 лет.

[Саша].

Не думаю, чтобы Лиза когда-нибудь полюбила его как мужа. Это дружба с детства.

Анна Павловна.

Знаем мы эту дружбу. Только бы не было препятствий. [83]

ЯВЛЕНИЕ 2.

Входит горничная.

Анна Павловна.

Что вы?

Горничная.

Барыня посылали дворника с запиской к Виктору Михайловичу.

Анна Павловна.

Какая барыня?

Горничная.

Лизавета Александровна, барыня. Так Виктор Михайлович приказали сказать, что сейчас сами будут.

Анна Павловна (удивленно).

Вот [84] тебе раз. Не понимаю. Саша, поди скажи сестре. А самовар подогреть надо.

Горничная берет самовар и уходит.

Анна Павловна (к Саше, которая встала и хочет идти).

Как это странно, однако, что она сейчас же и послала за ним.

Саша.

Вероятно, дело какое-нибудь.

Анна Павловна.

Дело-то дело, но именно его. Я вижу в этом то, что [85] между ними уже есть что-то.

Саша.

Ах, мама. Как вы можете думать это? Именно теперь, в такие минуты Лиза уже никак не может думать ни о чем, кроме о своем горе.

Анна Павловна.

Это всё мы понимаем, а только все-таки она пригласила его. И я очень, очень рада.

Саша с досадой махает рукой и уходит.

ЯВЛЕНИЕ 3.

Анна Павловна (одна, покачивает головой и бормочет).

Странно, да, странно. А все-таки...

Горничная (входит).

Виктор Михайлович приехали.

Анна Павловна.

Как скоро! Удивительно. Проси же, да скажи барыне.

Горничная проходит в внутреннюю дверь.

[Анна Павловна.]

И прекрасно. И пускай. И прекрасно, и пускай. Да.

ЯВЛЕНИЕ 4-е.

Анна Павловна, В. Каренин и потом Лиза и Саша. Входит В. Каренин, здоровается с Анной Павловной.

Каренин (застенчиво, робко).

Лиза, Лизавета Александровна прислала мне записку, чтоб я приехал... Я, разумеется...

Анна Павловна.

Она у себя в комнате, или у маленького, не знаю. Сейчас придет. (Грустно.) Да, да, [86] тяжелое время. Вы ведь всё знаете [87].

Каренин.

Как же, вчера мне всё рассказали. Что ж, ничего не было после? [88]

Анна Павловна.

Ничего, только то, что он, кажется, понял, что всё кончено, и просил прислать ему белье и вещи.

Каренин.

Неужели?

Анна Павловна.

Ведь еще прежде было решено, и он сам клялся, что если с ним случится опять такое же, то он не вернется и даст полную свободу жене, – развод, как она хочет.

Каренин.

Как это ужасно и странно.

Анна Павловна.

Да ведь их брак был уже давно фиктивный, и всё держалось на ниточке. (Молчание.) Ну да, по крайней мере, теперь, слава богу, всё кончено, она[89] свободна, как это ни тяжело. Я все-таки рада, очень рада за нее, за ребенка.

Каренин.

Да, [90] но я думаю, что для Лизаветы Александровны это очень тяжело. Она так любила его...

Анна Павловна.

Ах, ее любовь подверглась таким испытаниям, что едва ли от нее останется что-нибудь. Тут и пьянство, и обманы, и неверности. Разве можно любить такого мужа?

Каренин.

Для любви всё можно.

Анна Павловна.

Вы говорите – любить, но как же любить такого человека – тряпку, на которого ни в чем нельзя положиться? Ведь теперь что было (оглядывается на дверь и торопится рассказать). Дела расстроены, всё заложено, платить нечем. Наконец, дядя присылает 2000, внести проценты. Он едет с этими деньгами и, что же вы думаете, пропадает день, два. [91] Жена сидит с больным ребенком, ждет, и, наконец, получается записка.

Входят Саша и Лиза с заплаканными глазами.

Анна Павловна.

Ну вот, Виктор Михайлович явился на твой зов.

Каренин.

Да, меня немного задержали (здоровается с сестрами).

Лиза (вынимает из кармана письмо).

Я вас хочу просить...

Каренин.

Всё, что могу...

Лиза.

Вы ведь всё знаете.

Каренин.

Да, Анна Павловна сейчас говорила мне.

Лиза.

Да, так он написал мне письмо. И я... (удерживает слезы) так была оскорблена, так... ну, одним словом, я согласилась разорвать.

Анна Павловна.

Надо было сделать это давно.

Лиза.

Мама, дайте мне сказать... Я согласилась, но потом, потом... почувствовала, что это дурно с моей стороны, что я не могу. Всё лучше, чем расстаться с ним. Ну, одним словом, одним словом отдайте ему это письмо. Пожалуйста, Виктор, найдите его и отдайте ему это письмо, и скажите... и привезите его...

Анна Павловна.

Это безумие. Это значит... Всё опять сначала.

Саша.

Мама. Да дайте же Лизе говорить.

Анна Павловна.

Вы все рады опять.

Лиза.

Скажите ему, чтоб он вернулся, что ничего не было, что всё забыто.
[92] Сделайте это из любви к нему и дружбы к нам.

Каренин.

Сделаю всё, что могу. [93]

Лиза.

Скажите, что я прошу его всё забыть, и всё забыть и вернуться... И я просила вас потому, что знаю, что вы любите его. Уговорите его.
(Жмет ему руку.)

Анна Павловна.

Лиза, ты с ума сошла. Только что спаслась, опять лезешь в гибель. (К Каренину.) Пойдите. Это невозможно.

Лиза.

Мама, вы только мучаете и себя и меня. Я не изменю своего намерения. Поезжайте, Виктор Михайлович, пожалуйста. Вы знаете, где он?

Каренин.

Я только хотел спросить. [94]

Лиза.

Здесь извозчик, который привез письмо. Он оставил его.

Каренин.

Очень хорошо.

Анна Павловна.

Я не позволю.

Лиза.

Мама, оставьте.

Анна Павловна.

Это нелепо.

Лиза [(к Каренину).]

Прощайте и поезжайте.

Каренин.

Сделаю, что могу, и если успею, то нынче же приеду с ним.

Анна Павловна.

Он наверное пьян, а я пьяных боюсь. Лиза!

Каренин выжидает, потом кланяется и уходит.

Анна Павловна.

Неужели ты серьезно хочешь опять пустить себе в дом эту гадину?

Лиза.

Мама, я прошу вас не говорить так про моего мужа.

Анна Павловна.

Он был муж...

Лиза.

Всё равно.

Анна Павловна.

Мот, пьяница, развратник, и ты не можешь с ним расстаться.

Лиза.

За что вы меня мучаете, мне и так тяжело, а вы точно нарочно хотите...

Анна Павловна.

Я мучаю, так я уеду. Не могу я видеть этого.

Лиза молчит.

Анна Павловна.

Я вижу, что вы этого хотите, что я вам мешаю. Не могу я жить. Ничего я в вас не понимаю. То развелась, решила, потом вдруг выписываешь человека, который в тебя влюблен.

Лиза.

Ничего этого нет.

Анна Павловна.

Каренин делал предложение, и посылаешь его за мужем. Что это, чтобы возбудить ревность?

Лиза.

Мама! это ужасно, что вы говорите. Оставьте меня.

Анна Павловна.

Так мать выгони из дома, а развратного мужа пусти. Да я не стану ждать. И прощайте, и бог с вами. Когда поезд? (Уходит, хлопая, дверью.)

Лиза (падает на стул).

Этого не доставало.

Саша.

Ничего. Ты прекрасно сделала, что послала за ним. Он, бог даст, вернется, и всё будет хорошо. А мама мы успокоим.

Анна Павловна (молча проходит).

Анна, мой чемодан!

Саша уходит за ней и подмигивает сестре.

*№ 7 (рук. № 5).

Лиза

Вот он и едет (Слышны колеса и бубенчик. Лиза встает и подходит к краю террасы.) Кто-то с ним в соломенной шляпе. А! Афр[осимов]. Вот нынче день воспоминаний. Я Афр[осимова] с тех пор видела только один раз. (Идет к двери.)

Входят Каренин и Афр[осимов].

Афр[осимов] (целует руки дам).

Приехал на минутку по делам...

Марья Дмитриевна.

...скачек...

Афр[осимов].

Да разумеется, горбатого могила [исправит], и вот встретил на улице. Думаю, когда еще увижу, и опять отложу, вот и приехал, если не прогоните до вечернего поезда.

Каренин (достает из карманов письма, покупки).

А я как счастлив, поздравьте меня. Два дня дома. Завтра всё без меня сделают.

Лиза.

Прекрасно. Вот мы и съездим к Лисиным [?].

Афр[осимов].

Браво! Как похож! Какой молодец. Только бы не всё наследовал, сердце отцовское.

Марья Дмитриевна.

Но не слабость.

Лиза.

Всё, всё. Виктор согласен со мной, что если бы только с молодая он[о] б[ыло] направлено.

Афр[осимов].

Ну, я этого ничего не понимаю.

[95]Каренин (разбирает письма).

Я возвраща[юсь] и жена, ты, и ребенок. Да, тот, который будет. И всё это после всех этих сомнений, опасений, страданий твоих. Это слишком хорошо.

Лиза.

И я боюсь иногда.

Каренин.

Ну, что будет, то будет, а то, что теперь уже есть, уж это навеки наше.

* № 8 (рук. № 14).

ЖИВОЙ ТРУП.

ДЕЙСТВ[ИЕ] 1.

Анна Павловна, полная, седая дама в корсете. Саша, энергичная, ласковая девушка, просто одетая. Анна Павловна сидит одна за чайным столом. Входит Саша (напевает).

Анна Павловна.

Что же Лиза? Придет она?

Саша.

Кажется, придет.

Анна Павловна.

Куда же она ездила?

Саша.

Не знаю, мама.

Анна Павловна.

Какие-то секреты.

Саша.

Что же делать, если и есть, так не мои секреты. (Напевая, уходит.)

Няня (с чайником).

Можно у вас водицы?

Анна Павловна.

Берите. Что же Митя?

Няня.

Беспокоен. Нет хуже, как сама кормит.

Анна Павловна.

Да, кажется, успокоилась?

Няня.

Хорошо спокойствие. Смотреть тошно.

Саша (входит).

Лиза сейчас придет.

Анна Павловна.

Удивительно, как это она не может успокоиться.

Саша (горячась).

Нет, вы, мама, удивительны. Оставить мужа, отца своего ребенка, и вы хотите, чтобы она была спокойна.

Анна Павловна.

Не спокойна, а что сделано, то сделано. А если я, мать, не только допустила, но радуюсь тому, что моя дочь бросает мужа, значит стоит

он того. Надо радоваться, а не печалиться, что можешь освободиться от такого золота.

Саша.

Мама. Зачем вы говорите так? Ведь вы знаете, что это неправда. Он не дурной, а напротив, удивительный, удивительный человек, несмотря на его слабости...

Анна Павловна.

Ну, именно удивительный человек. Как только деньги в руках, свои ли, чужие ли...

Саша.

Мама. Он никогда чужих не брал.

Анна Павловна.

Всё равно – женины.

Саша.

Да ведь он же отдал всё свое состояние жене.

Анна Павловна.

Еще бы не отдать, когда он знает, что он всё промотает.

Саша.

Промотает ли, не промотает, я только знаю, что нельзя разлучаться с мужем, особенно с таким, как Федя.

Анна Павловна.

По-твоему надо ждать, пока он всё промотает и приведет в дом своих цыганок-любовниц.

Саша.

Нет у него любовниц.

Анна Павловна.

Вот то и беда, что он всех вас чем-то обворожил. Только не меня, нет, шалишь. Я его вижу, и он знает это. На месте Лизы я бы не теперь, а уж год тому назад бросила его.

Саша.

Как вы это говорите легко.

Анна Павловна.

Нет, не легко. Мне, матери, видеть дочь разведенной – не легко. Поверь, что очень не легко. Но всё лучше, чем загубить молодую жизнь. Нет, я бога благодарю, что она теперь решилась, что всё кончено.

Саша.

Может быть, и не кончено.

Анна Павловна.

Надеюсь, что да. Только бы он дал развод.

Саша.

Что же будет хорошего?

Анна Павловна.

Будет то, что она молода и еще может быть счастлива.

Саша.

Ах, мама, это ужасно, что вы говорите; не может Лиза полюбить другого.

Анна Павловна.

Отчего же не может? если она будет свободна. Найдется много людей, в тысячу раз лучше вашего Феди, [96] и будут счастливы жениться на Лизе.

Саша.

Мама, это нехорошо. Вы ведь, я знаю, думаете про Виктора Каренина.

Анна Павловна.

Разумеется. Отчего же не думать про него? Он любит ее 10 лет, и она любит его.

Саша.

Любит, да не так, как мужа. Это дружба с детства.

Анна Павловна.

Знаем мы эту дружбу, только бы не было препятствий.

ЯВЛЕНИЕ.

Входит горничная.

Анна Павловна.

Что вы?

Горничная.

Барыня посылали дворника с запиской к Виктору Михайловичу.

Анна Павловна.

Какая барыня?

Горничная.

Лизавета Александровна, барыня.

Анна Павловна.

Ну так что ж?

Горничная.

Виктор Михайлович приказали сказать, что сейчас сами будут.

Анна Павловна (удивленно).

Только что о нем говорили. Не понимаю только, зачем? [(Саше.)] Ты не знаешь?

Саша.

Может быть, и знаю, а, может быть, не знаю.

Анна Павловна.

Всё секреты. А самовар подогреть надо. Возьми, Дуняша.

Горничная берет самовар и уходит.

Анна Павловна (к Саше, которая встала и хочет идти).

Вышло, как я говорила. Сейчас же и послала за ним.

Саша.

Послала, может быть, совсем не зтем.

Анна Павловна.

Да, но почему же именно его ей нужно? Ну, посмотрим.

Саша.

Теперь, в эту минуту Каренин для нее всё равно, что Трифонова.

Анна Павловна.

А вот увидишь. Ведь я ее знаю. Она зовет его, ищет утешения.

Саша.

Ах, мама, как вы мало ее знаете, [что] можете думать...

Анна Павловна.

Да вот увидишь. И я очень, очень рада.

Саша напевает и уходит.

ЯВЛЕНИЕ.

Анна Павловна (одна, покачивает головой и бормочет).

И прекрасно. И пускай... И прекрасно, и пускай... Да...

Горничная (входит).

Виктор Михайлович приехали.

Анна Павловна.

Ну что же, проси, да скажи барыне.

Горничная проходит во внутреннюю дверь.

ЯВЛЕНИЕ.

Анна Павловна, Виктор Каренин, потом Лиза и Саша.

В. Каренин (входит, здоровается с Анной Павловной застенчиво, робко).

Лиза, Лизавета Александровна прислала мне записку, чтобы я приехал... Я, разумеется...

Анна Павловна.

Она у себя в комнате, или у маленького, не знаю. Сейчас придет. (Грустно.) Да, да, тяжелое время. Вы ведь всё знаете.

Каренин.

Знаю. Лиза мне говорила. Но неужели это решено бесповоротно.

Анна Павловна.

Надеюсь. Она поплакала. Но теперь, кажется, начинает успокаиваться.

Каренин.

Все-таки это ужасно тяжело.

Анна Павловна.

Разумеется, тяжело и очень тяжело. Но что же делать? Ведь еще прежде было решено, и он сам клялся, что если с ним случится опять такое же, то он не вернется и даст полную свободу жене.

Каренин.

Ну и что же?

Анна Павловна.

И он понял, что после этой последней эскапады ему уже самому совестно вернуться.

Каренин.

Разве он решил это?

Анна Павловна.

И он и она. Это сделалось само собой. Их брак был ведь уже давно несчастный и всё держалось на ниточке.

Молчание.

Каренин.

Да, но Лизавета Александровна так любила его...

Анна Павловна.

Ах, ее любовь подверглась таким испытаниям, что едва ли от нее остается что-нибудь. Тут и пьянство, и обманы, и неверности. Разве можно любить такого мужа?

Каренин.

Для любви всё можно.

Анна Павловна.

Вы говорите – любить; но как же любить такого человека – тряпку, на которого ни в чем нельзя положиться. Ведь теперь что было (оглядывается на дверь и торопится рассказать). Дела расстроены, всё заложено, – платить нечем. Наконец, дядя присылает 2000, внести проценты. Он едет с этими деньгами, пропадает. Жена сидит с больным ребенком, ждет и, наконец, получается записка прислать ему белье и вещи...

Каренин.

Да, да, я знаю.

Входят Саша и Лиза.

ЯВЛЕНИЕ.

Анна Павловна.

Ну вот, Виктор Михайлович явился на твой зов.

Каренин.

Да, меня немного задержали. (Здоровается с сестрами.)

Лиза.

Благодарствуйте. У меня до вас дело – большая просьба. И мне не к кому обратиться, как к вам.

Каренин.

Всё, что могу.

Лиза.

Вы ведь всё знаете...

Каренин.

Да, я знаю.

Анна Павловна.

Так я вас оставлю.

Уходит с Сашей.

ЯВЛЕНИЕ.

Лиза.

Да, он написал мне письмо, что считает всё конченным. Я (удерживает слезы) так была оскорблена, так... ну, одним словом, я согласилась разорвать. И ответила ему, что принимаю его отказ.

Каренин.

[97]Но потом?..

Лиза.

Потом? потом почувствовала, что это дурно с моей стороны, что я не могу. Всё лучше, чем расстаться с ним. Ну, одним словом, отдайте ему это письмо. Пожалуйста, Виктор... найдите его и отдайте ему это письмо, и скажите... и привезите его.

Каренин.

Сделаю всё, что могу.

Лиза.

Скажите, что я прошу его всё забыть, всё забыть и вернуться. И я просила вас потому, что знаю, что вы любите его.

Каренин.

Разумеется, люблю. Но где он?

Лиза.

Я вам всё скажу. Я нынче ездила к Афремову узнать, где он. Мне сказали, что он у этих... цыган. Всё этот ужасный Афремов. Я знаю его. Ему не нужно этого. Это только, чтобы забыться. И я не могу это думать. Это так ужасно. (Плачет.) Поезжайте, Виктор, пожалуйста. Привезите, скажите, что всё забыто, только бы он приехал.

Анна Павловна (входит раньше и слышит).

Это безумие. Это значит опять сначала.

Саша.

Мама. Да дайте же Лизе говорить.

Анна Павловна.

Вы все рады опять.

Лиза.

Скажите ему, чтобы он вернулся, что ничего не было, что всё забыто. Сделайте это из любви к нему и дружбы к нам.

Анна Павловна.

Лиза! Что ты делаешь!

Лиза.

Мама, оставьте.

Анна Павловна.

Это значит всё сначала. Опять связать себя с этим ужасным человеком.

Лиза (к Каренину).

Прощайте и поезжайте.

Каренин.

Сделаю, что могу, и если успею, то нынче же приеду с ним.

Анна Павловна.

Он наверное пьян, а я пьяных боюсь. Я уеду.

Каренин выжидает, потом кланяется и уходит.

Анна Павловна.

Опять пустить к себе в дом эту гадину. [98]

Лиза.

Мама, я прошу вас не говорить так про моего мужа.

Анна Павловна.

Он был муж.

Лиза.

Нет, он теперь мой муж.

Анна Павловна.

Мот, пьяница, развратник, и ты не можешь с ним расстаться.

Лиза.

За что вы меня мучаете, мне и так тяжело, а вы точно нарочно хотите...

Анна Павловна.

Я мучаю, так я уеду. Не могу я видеть этого.

Лиза молчит.

Анна Павловна.

Я вижу, что вы это хотите, что я вам мешаю. Не могу я жить. Ничего в вас не понимаю. Всё это по-новому. То развелась, решила, потом вдруг выписываешь человека, который в тебя влюблен.

Лиза.

Ничего этого нет...

Анна Павловна.

Каренин делал предложение, и посылаешь его за мужем. Что это, чтобы возбудить ревность?

Лиза.

Мама! это ужасно, что вы говорите. Оставьте меня.

Анна Павловна.

Так мать выгони из дома, а развратного мужа пусти. Да я не стану ждать. И прощайте, и бог с вами, как хотите, так и делайте. (Уходит, хлопая дверью.)

Лиза (падает на стул).

Этого не доставало.

Саша.

Ничего. Всё будет хорошо. Мама мы успокоим.

Анна Павловна (молча проходит).

Дуняша, мой чемодан!

Саша.

Мама! Вы послушайте. (Уходит за ней и подмигивает сестре.)

Занавес.

Комментарии С. Д. Балухатого и В. С. Мишина

«ЖИВОЙ ТРУП»

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ

В основу сюжета драмы «Живой труп» положены обстоятельства судебного дела супругов Н. С. и Е. П. Гимер, сообщенные Толстому его близким знакомым, председателем Московского окружного суда Н. В. Давыдовым. [99]

Интерес к этому делу у Толстого был вызван, помимо содержания дела, еще и тем, что будучи лично знаком с Е. П. Гимер, ее матерью и братом (мать Е. П. Гимер, Е. А. Симон, в 1887–1889 гг. часто бывала у Толстых; брат ее, Ф. П. Симон, некоторое время жил в Ясной Поляне), Толстой знал многие подробности ее жизни задолго до сообщения о деле Гимер Н. В. Давыдовым. История жизни Е. П. Гимер, давшая Толстому материал для драмы «Живой труп», вкратце такова.

В 1881 г. Е. А. Симон выдала свою семнадцатилетнюю дочь замуж за Н. С. Гимера, служившего в то время по министерству юстиции. Н. С. Гимер страдал запоем и, по словам Е. А. Симон, был «ужасный человек». [100] После женитьбы он не только не переменял образ жизни, но пил всё больше и больше и, наконец, потерял должность, редко являлся домой, стал постоянным обитателем притонов и ночлежек.

В 1883 г., вскоре после рождения сына, Е. П. Гимер, по настоянию матери, оставила мужа и поселилась с ребенком в каком-то подвале, почти без средств к жизни, имея лишь случайные заработки.

Е. А. Симон, сознавая свою вину в сложившихся обстоятельствах, взялась вторично устроить судьбу своей дочери, способствуя ее знакомству, а затем и «гражданскому браку» с П. П. Акимовым, служащим Курско-Киевской железной дороги.

Но жизнь и с П. П. Акимовым была для Е. П. Гимер неудачной, так как он вел разгульный образ жизни и не только не мог содержать семью, но временами сам жил на скудный заработок Е. П. Гимер, в то время занимавшейся перепиской рукописей, которые ей давали Толстой и П. И. Бирюков.

Е. А. Симон прилагала все усилия, чтобы побудить дочь оставить П. П. Акимова, однако Е. П. Гимер не соглашалась на это. Такому решению Е. П. Гимер способствовал и совет Толстого не оставлять мужа, переданный им сначала в письме к П. И. Бирюкову от 11–12? октября 1887 г. (см. т. 64), а затем при личном свидании с Е. П. Гимер в Москве в конце 1887 или начале 1888 г.

Однако совместная жизнь Е. П. Гимер с П. П. Акимовым продолжалась недолго. В начале 1890-х годов она уехала из Москвы и поступила работать акушеркой на фабрике Л. Рабенек в Щелкове, под Москвой. Здесь она познакомилась со служившим на фабрике С. И. Чистовым, впоследствии владельцем мыловаренного завода. Вскоре они решили пожениться, однако для этого необходимо было юридически оформить развод Е. П. и Н. С. Гимер.

Хотя Н. С. Гимер дал согласие, консистория в разводе отказала, и тогда Е. П. Гимер придумала симулировать смерть мужа. Муж написал ей письмо, в котором сообщал, что, отчаявшись в возможности исправить свою жизнь, решил кончить ее самоубийством. Письмо мужа Е. П. Гимер

передала полиции; вскоре на льду Москвы–реки была найдена одежда с паспортом Н. С. Гимера, а затем из реки был извлечен чей–то труп, который приняли за тело Н. С. Гимера. В январе 1896 г. Е. П. Гимер вышла замуж за С. И. Чистова. Однако при попытке Н. С. Гимера в начале того же года получить новый паспорт он был опознан, супруги Гимер были отданы под суд и приговорены 8 декабря 1897 г. к ссылке в Енисейскую губернию. По ходатайству А. Ф. Кони перед министром юстиции ссылка в Сибирь была заменена тюремным заключением на один год, но благодаря связям и подкупам приговор в исполнение приведен не был.

В работе над драмой «Живой труп» Толстой использовал не только обстоятельства судебного дела супругов Гимер, но взял и некоторые черты характеров действительных героев этой драмы и даже в том соотношении и связи, в каких они были в жизни. Кроме Н. С. и Е. П. Гимер, послуживших прототипами Федора Васильевича и Елизаветы Андреевны Протасовых, следует упомянуть и Е. А. Симон, многие черты которой воплощены в образе матери Лизы Протасовой, Анны Павловны. Отношения Е. П. Гимер с Е. А. Симон и обстоятельства жизни Е. П. Гимер с П. П. Акимовым послужили Толстому канвой для описания жизни Феди и Лизы Протасовых и отношений Лизы с матерью – Анной Павловной.

Можно назвать еще несколько лиц, подсказавших Толстому образы его драмы. Первоначально в I действии (см. вариант № 4) был выведен лихач–извозчик Турецкий, действительно живший в Москве. А. Ф. Кони вспоминает, что в 1887 г. во время прогулки Толстой рассказывал, как в старые, «крепостные» годы помещики из медвежьих углов провинции ездили в Петербург. По дороге они застревали в Москве, кутили в трактирах, в увеселительных заведениях, среди цыган. Родные и близкие, разыскивая пропавших, обращались за содействием к полиции. Агенты полиции требовали к себе Турецкого – содержателя лихачей, и тот скоро доставлял все сведения (А. Ф. Кони, «Живой труп» в действительности» – «Ежегодник императорских театров», 1911, выпуск VI, стр. 22).

Переписчик Толстого Александр Петрович Иванов, больной, страдавший запоями человек, частый посетитель московского ночлежного дома «Хитровка», послужил прототипом Ивана Петровича Александрова.

В образе Афремова (в черновых редакциях – Афросимова) изображен Александр Павлович Афросимов (1846–1921) – богатый тульский помещик, сосед и знакомый Толстых, большой любитель цыганского пения.

Фамилия Стах., не раскрытая в рукописях Толстого полностью, может быть прочитана как Стахович. Толстой воспользовался фамилией своего старинного знакомого А. А. Стаховича, который был страстным любителем рысистого спорта и владельцем конного завода в Орловской губ.

Замысел написать драму «Живой труп» возник у Толстого в декабре 1897 г. (29 декабря Толстой записал в дневнике: «Вчера же целый день складывалась драма–комедия «Труп»), но работа над пьесой была начата лишь в январе 1900 г., после просмотра пьесы А. П. Чехова «Дядя Ваня» в Московском Художественно–общедоступном театре. 27 января

Толстой отметил в Дневнике, что «захотел написать драму «Труп», набросал конспект» (т. 54, стр. 10).

В этом первом «конспекте» записан полностью план драмы. Впоследствии сюжетные изменения в драме свелись лишь к замене отдельных картин и сцен, некоторому их расширению, что на характере сюжетной основы произведения не отразилось.

18 февраля 1900 г., надеясь получить материал для задуманной драмы, Толстой «ходил «под Девичье» в балаган и потом в какой-то грязный трактир, где особенно много пьянства и разгула, – для наблюдений» (А. Б. Гольденвейзер, «Вблизи Толстого», I, М. 1922, стр. 28). По всей вероятности, с работой над «Живым трупом» связано и упоминание в Записной книжке (март 1900 г., т. 54, стр. 216) об университетском анатомическом театре, где Толстой мог получить нужные ему сведения об освидетельствовании трупов утопленников.

В мае 1900 г. Толстой непосредственно приступил к работе над драмой. 17 мая в Дневнике записано: «Вчера написал 2-й акт Труса»; 19 мая: «Кончил «Рабство» и написал два акта». Работа над драмой продолжалась и в августе 1900 г. 7 августа в Дневнике отмечено: «Нынче написал сцену в «Труп». И, наконец, 15 августа: «Писал Труп – окончил. И втягиваюсь всё дальше и дальше» (т. 54, стр. 26–27, 32–33). Вероятно, эта последняя запись говорит об окончании первой редакции драмы и о тотчас же возникшем желании взяться за исправление ее. Следующие записи в Дневнике показывают, однако, что переработанная драма не удовлетворила Толстого. Так, последовательно 21, 26 августа и 7 сентября Толстой заносит в Дневник: «Писал драму и недоволен ею совсем»; «Переменял кое-что в драме, и к лучшему, но ничто не привлекает к работе, хотя и то и другое[101] нравится»; «Сейчас пытался писать драму – не идет» (т. 54, стр. 35, 37, 39). Тогда же Толстой заносит в Дневник и Записную книжку заметки к заключительной сцене драмы. В Дневнике 7 сентября записано: «К малой драме:[102] умирая, Федя говорит: а может быть, я ошибся. Ну да что сделано, то сделано. Несите» (т. 54, стр. 42)

К концу сентября 1900 г. относится набросок в Записной книжке второго плана драмы (т. 54, стр. 227). План этот представляет собою перечень картин с лаконичным обозначением места действия. В нем перемещены некоторые картины, некоторые добавлены, но ход действия тот же, что и в первом плане, и в написанной драме.

Вероятно, вскоре после второго плана Толстой набросал третий и затем четвертый планы драмы. Третий план почти в точности повторяет второй и еще более лаконичен. Четвертый план построен по образцу первого и подразделен на действия и картины. Как и в первом плане, Толстой здесь в каждой картине обозначает кратко содержание ее. Вся драма по этому плану делится на семь действий и каждое действие на две картины. Кроме того, последовательно пронумерованы все картины, начиная со второй картины первого действия, цифрами 2–14. В числе новых, введенных Толстым сцен, следует отметить 9-ю картину: «Маша уведомляет город. Толпа. Ищут тело» и 10-ю картину: «М[аша] плачет. Л[иза] ревнует и признает». 12-ю картину, «В деревне», Толстой заканчивает замечанием: «Саша признает, что она любит». Эти сцены не

были развиты Толстым в написанном варианте драмы.

Отдельные стадии работы Толстого над драмой не могут быть точно датированы, однако последовательность работы можно проследить по сохранившимся рукописям.

Непосредственно к писанию драмы Толстой приступил в начале мая 1900 г. Первоначально были написаны (в клеенчатой тетради) 1-я и 2-я картины I действия, 1-я и 2-я картины II действия и 1-я картина III действия. Судя по почерку и чернилам, работа производилась в четыре приема: сначала была написана 1-я картина I действия, потом 2-я картина I действия; затем 1-я и 2-я картина II действия и, наконец, 1-я картина III действия.

Запись в Дневнике 17 мая о написанном «2-м акте» и запись 19 мая о написанных «двух актах» (относящаяся к пребыванию Толстого в Пирогове, где он провел пятнадцать дней), позволяют почти точно датировать работу над первыми четырьмя картинами 5–16 мая 1900 г. Вскоре по приезде из Пирогова была, повидимому, написана 1-я картина III действия, после чего Толстой начал просмотр написанных пяти картин.

По содержанию 1-я картина I действия в первой редакции соответствует той же картине того же действия драмы в последней редакции. Место действия – гостиная в доме Протасовых. Действующие лица в основном те же; отсутствует лишь Саша, а вместо матери, Анны Павловны, фигурирует Марья Васильевна Крюкова, «девушка за 30 лет.... сторонница свободной любви», повидимому, близкий друг дома (см. вариант № 1).

2-я картина I действия соответствует той же картине того же действия драмы в последней редакции. Действие происходит в «комнате у цыган». Действующие лица те же; однако офицер и музыкант не имеют реплик (см. вариант № 1).

1-я картина II действия соответствует 1-й картине III действия в последней редакции. Место действия – кабинет Анны Дмитриевны Карениной. Действующие лица те же, что и в последней редакции. Меньшая роль отведена лишь В. Каренину. Явления четвертого последней редакции, с участием Каренина, в первой редакции нет, а явление, соответствующее пятому, – более кратко (см. вариант № 1).

2-я картина II действия была исключена при дальнейшей переработке драмы и в последней редакции не отражена. Место действия – «номер в гостинице». Действующие лица: Федя, Афросимов (в дальнейшем Афремов; в 1-й и 2-й картинах он называется Пашей, здесь – Мишкой), Лиза, Маша и лакей.

1-я картина III действия соответствует 2-й картине III действия последней редакции драмы. Место действия – «квартира скромная», где живет Федя. Действующие лица те же, что в последней редакции. Несколько иначе построено лишь начало картины, в дальнейшем исключенное (см. вариант № 1).

Просматривая и исправляя написанное, Толстой производит перестановку картин, начиная со II действия. Так, картину 1-ю («Кабинет Анны Дмитриевны») он помечает картиной 2-й того же действия; картину 2-ю («Номер в гостинице») – 1-й; картину 1-ю действия III («Квартира скромная») помечает картиной 2-й и вслед за ней в той же тетради пишет картину 1-ю действия III, соответствующую картине 2-й действия IV в последней редакции («Гостиная у Протасовой»).

При новом просмотре написанной части драмы Толстой называет все написанные картины действиями и соответственно нумерует их. Первые четыре картины помечаются в той же последовательности действиями 1–4; действием 5 помечается 2-я картина II действия, а действием 6 – 1-я картина III действия.

Вслед за этим Толстой пишет дополнительно на отдельных листах картину, соответствующую 1-й картине IV действия последней редакции («В трактире. Отдельный номер»), которая вначале помечается действием 4, а затем 6-м. Эта картина в дальнейшем подверглась лишь небольшим исправлениям. В связи с написанием этой картины, бывшее действие 6-е («Гостиная у Протасовой») помечается теперь 7-м.

Далее Толстой пишет действия 8–10, соответствующие 1-й и 2-й картинам V действия и 1-й картине действия VI последней редакции. По характеру почерка и чернилам можно предположить, что эти действия писались в один прием или же, во всяком случае, в очень короткий промежуток времени. В конце текста действия 10-го Толстой написал: «Действие 11. Комната подсудимых в здании окруж[ного] суда». Эта запись потом была зачеркнута, и Толстой написал последнее, 11-е, действие, соответствующее 2-й картине VI действия последней редакции драмы («Коридор в здании окружного суда»).

Таким образом, в этой стадии работы драма составлялась из одиннадцати действий, которые распределялись следующим образом: 1-е действие – «Уютная богатая гостиная» (см. вариант № 1); 2-е действие – «У цыган» (см. вариант № 1); 3-е действие – «Номер в гостинице» (см. вариант № 1); 4–11 действия – соответствовали последовательно восьми картинам III–VI действий последней редакции и в дальнейшем почти не исправлялись Толстым.

Окончание этой первой черновой редакции драмы Толстой отметил в Дневнике 15 августа 1900 г.

Повидимому, вскоре после окончания драмы Толстой отдал ее в переписку. Переписчик скопировал первые три действия, причем, 3-е действие он пометил как 2-ю картину II действия, ввиду того, что Толстой, перенумеровывая картины на действия, не зачеркнул обозначение картины.

Эта копия подверглась правке Толстого. Первое действие имеет сравнительно небольшое количество исправлений, лишь в первой своей части. Вторую часть 1-го действия Толстой не исправлял совсем, видимо, оставшись недоволен им и решив написать это действие заново. 2-е действие («Комната у цыган») правилось больше и в сцене Феди с Карениным уже близко подходит к последней редакции этого текста.

Действие 3-е («Номер в гостинице») правилось лишь в начале: Толстой вписал небольшую сцену Феде с извозчиком, пришедшим получить деньги, а также значительно изменил следующую за ней сцену Феде с Афросимовым (Афремовым), но потом, видимо неудовлетворенный этим действием, перечеркнул его (см. варианты №№ 1 и 2).

Как протекала работа Толстого над драмой в дальнейшем, установить трудно. Можно лишь предположить, что недовольный началом пьесы, Толстой стал заново писать первое действие и набросал его начало (вторая редакция I действия; см. вариант № 3). Подтверждением этому предположению служит то, что в этом варианте начала первого действия Толстой вводит в качестве действующего лица вместо Марьи Васильевны Крюковой мать Лизы и Саши, Анну Павловну, которая в следующем, дополнительно написанном (3-м) действии (об этом дальше), фигурирует уже как лицо известное, безо всякой характеристики и даже без упоминания о том, что она является матерью Лизы и Саши. Однако неудовлетворенный и этим началом, Толстой набрасывает целиком новую редакцию (третью) первого действия, помечая ее 1-й картиной первого действия (см. вариант № 4). Эта картина начинается непосредственно с характеристики Анны Павловны и ее разговора с вошедшей Сашей о Феде. В качестве нового действующего лица в этой картине вводится извозчик Турецкий, у которого Анна Павловна и Каренин пытаются узнать о месте пребывания Феде. В дальнейших редакциях этот персонаж отсутствует.

Но и эта, третья, редакция не удовлетворила Толстого, и он начал писать первое действие заново. Однако, было написано только начало – разговор за чаем между Анной Павловной, Лизой и Сашей о Феде. Это начало составило четвертую редакцию первого действия драмы (см. вариант № 5). Взамен ее Толстой написал новую (пятую) редакцию первого действия целиком, которую можно считать последней редакцией, так как Толстой принял ее за основу и вносил в нее в дальнейшем лишь стилистические исправления (см. вариант № 6). Среди действующих лиц, в сравнении с окончательным текстом этого действия, нет лишь няни, которую Толстой ввел при исправлении этого действия в копии (см. вариант № 8).

Вслед за окончанием работы над первым действием Толстой начал просмотр всей драмы, текст которой, за исключением первого, второго и шестого действий, был написан в клеенчатой тетради. Имея первое и второе действие в новых редакциях (см. рукописи №№ 7 и 11), Толстой оставляет первую редакцию этих действий в клеенчатой тетради нетронутой. 3-е действие («Номер в гостинице»), исключенное им в рукописи № 7, он вычеркивает в тетради и вместо него пишет на отдельных листах 3-е действие в новой редакции («У Лизы»), составившее, после исправления, последнюю редакцию 1-й картины II действия, и, вероятно вскоре, следующее, 4-е, действие («У Афремова в кабинете»), составившее 2-ю картину II действия в последней редакции (окончание 4-го действия написано на полях рукописи № 7 с зачеркнутым 3-м действием – «Номер в гостинице»).

Это четвертое действие было написано, очевидно, в конце сентября 1900 г., то есть в то же время, когда был составлен третий план. (В черновиках этого действия Федя носит фамилию Назарова; в третьем плане Толстой дважды упоминает эту фамилию.)

В связи с написанием четвертого действия в новой редакции, Толстой бывшее в тетради четвертое действие («Кабинет Анны Дмитриевны») перенумеровывает на пятое, а следующее («Квартира скромная»), по недосмотру, оставляет с прежним номером. Таким образом в конечном итоге получилось двенадцать действий под нумерацией 1–11.

Составившаяся, с дополнениями, рукопись всей драмы была в таком виде переписана целиком, и Толстой начал по копии исправлять ее с начала.

Значительные исправления Толстой внес в первые явления первого действия, начав его с диалога Анны Павловны с няней, и соответственно переделал последующие явления. Конец этого действия правился меньше (большинство исправлений носит стилистический характер).

Второе действие («Комната у цыган») перерабатывалось более существенно. Толстой, исправляя, произвел перестановку текста путем цифровых помет на полях. Соответственно новому построению во многом изменяется и текст. Большие изменения и местами уточнения Толстой вносит в названия цыганских песен, которые должны исполняться по ходу действия. Первую ремарку: «Хор поет цыганскую песню» он изменяет на: «Хор поет Канавелу»; вместо «Ночки» – ставит «Не вечернюю»; вместо «Слышишь» – «Шэл мэ верста»; вместо «веселой плясовой» – «Размолодчики мои», и т. д.

Большая правка этого действия, связанная с многочисленными перемещениями как отдельных реплик, так и целых явлений послужила одним из основных затруднений в правильном чтении текста. При первых публикациях драмы, вплоть до издания в т. 9 «Собрания сочинений» Л. Н. Толстого (приложение к журналу «Огонек»), М. 1948, цифровые указания, отчеркивания на полях и другие пометы Толстого учтены не были и текст этого действия печатался не в последней его редакции.

С окончанием переработки второго действия, непосредственная работа над драмой была прекращена, и следующие десять действий остались в копии неисправленными.

Последний просмотр драмы и исправления первых двух действий ее по времени может быть приурочен к концу октября или к началу ноября 1900 г. Основанием для такой датировки служит перечисление в Записной книжке Толстого под 28 октября 1900 г. (см. т. 54, стр. 231) приведенных выше названий цыганских песен и романсов, которыми в последней правке были заменены ранее указанные песни и романсы.

В октябре слух о создании Толстым новой пьесы «Живой труп» проник в печать, и к Толстому стали обращаться журналисты и театральные деятели с просьбами о напечатании и постановке пьесы. Считая свою драму далеко не оконченной, Толстой отвечал на эти предложения решительным отказом. 6 октября он писал редактору журнала «Жизнь» В. А. Поссе: «Я не только не обещал драмы, которой у меня нет, но и ничего не обещал. Очень сожалею, что это так, но я не могу иначе» (т. 72, стр. 482).

Отмечая приезд в Ясную Поляну руководителя Московского Художественно-общедоступного театра Вл. И. Немировича-Данченко, Толстой записал в Дневнике 16 октября: «Немир[ович]-Данч[енко] был о драме. А у меня к ней охота прошла» (т. 54, стр. 48). Немировичу-Данченко Толстой сказал, что пьесу он пишет «в часы досуга, в виде отдыха, для развлечения», считая более важным делом работу над своими публицистическими произведениями» («Неделя» 1900, № 43 от 22 октября). Тогда же Толстой говорил о том, что для постановки его новой пьесы была бы необходима вертящаяся сцена, так как он писал пьесу не актами, а картинами, что давало ему большую свободу в обработке материала, [103] а также о том, что обычно пьесы для театра пишут слишком правильным языком, а нужно их писать со всеми кажущимися неправильностями разговорной речи и в своем «Трупе» он заботился о такой «неправильной» речи (Н. Эфрос, «Живой труп» на сцене Художественного театра», журн. «Студия» 1911, № 1 от 1 октября).

Осенью 1900 г. к Толстому обратился также П. П. Гнедич с просьбой дать пьесу для императорских театров, но получил, как пишет Гнедич в своих воспоминаниях, следующий ответ Толстого: «Скажите чиновникам, что нет у меня «Трупа», он не кончен. Я стар для того, чтобы написать большую вещь. Ни сил нет, ни времени. Да, я задумал пьесу, но никогда ее не кончу. Между тем, что на бумаге, и тем, что на сцене – целая бездна.... Надо определить перспективу, а мне это не под силу. Я в «Плодах просвещения» был, как автор, на стороне мужиков, – а на сцене вдруг они оказались такими же мошенниками и плутами, как Гроссман, и плутами сознательными. При этом я не мог упрекнуть актеров, – они хорошо играли, хотя мужики были из разных губерний, а не из одной деревни: уж очень говор их отличался друг от друга. Вот я и понял, что одно написать, другое дать пьесу, – разница большая – текст и исполнение. Ну, словом, на «Труп» вы не рассчитывайте: скоро я его не напишу» (П. Гнедич, «Книга жизни. Воспоминания», изд. «Прибой», 1929, стр. 199–200).

Толстой прекратил работу над пьесой, записав 28 ноября 1900 г. в Дневнике: «Вчера читал статью Новикова и получил сильное впечатление: вспомнил то, что забыл жизнь народа: нужду, унижение и наши вины. Ах, если бы бог велел мне высказать всё то, что я чувствую об этом. Драму Труп надо бросить. А если писать, то ту драму [104] и продолжение «Воскресения» (т. 54, стр. 65). А 12 декабря он писал В. Г. Черткову: «Драму я шутя, или, вернее – балуясь, написал начерно; но не только не думаю ее теперь кончать и печатать, но очень сомневаюсь, чтобы я когда-нибудь это сделал». Тогда же, как свидетельствует П. А. Сергеенко, Толстой говорил о драме: «...До окончания еще далеко. Для этого необходимо особенно легкомысленное настроение, которого у меня нет теперь» (П. Сергеенко, «Как живет и работает гр. Л. Н. Толстой», изд. 2-е, М. 1903, стр. 77–78).

Однако Толстой не отказался совсем от мысли продолжить работу над «Живым трупом». В Дневнике 15 декабря 1900 г. он записал: «Прошел мимо лавчонки книг и вижу Крейцер[ову] Сон[ату]. И вспомнил: и Крейц[ерову] С[онату] и Вл[асть] Т[ьмы], и даже Воскр[есение], я писал без всякой думы о проповеди людям, о пользе, и между тем это,

особенно К[рейцерова] С[оната], много принесло пользы. Не то ли и с Труп[ом]?» (т. 54, стр. 72).

О намерении переделать драму говорит запись в Дневнике 31 декабря 1900 г.: «Думал нынче о том, что главная неестественность драматич[еских] произведений есть то, что говорят все лица одинаково долго и их слушают. В действительности это не так: каждое лицо имеет возможность говорить и выслушивает по свойствам своего характера и ораторского искусства. Хотел так переделать свою драму. Да, видно, мое сочинительство кончилось. Что ж, и то хорошо» (т. 54, стр. 79). В 1901 г. нет никаких упоминаний о «Живом трупе», а в июле 1902 г. Толстой говорил переводчику Р. Лёвенфельду: «Драма «Труп» только набросана мною вчерне, и я едва ли скоро или когда-нибудь возьмусь за нее, так как всё еще слаб от болезни, а сделать более важного, нужного хочется много» («Русское слово» 1911, № 232 от 9 октября).

В дальнейшем, однако, Толстой неоднократно возвращался к мысли о драме. В настольном календаре 30 сентября 1902 г. он записал: «Перечитал труп» (т. 54, стр. 318). В 1903 г. Толстой включил «Живой труп» в список художественных сюжетов, над которыми он намерен был начать или продолжать работу, а в списке 1904 г. «Труп» упомянут как рассказ, задуманный в качестве «недельного чтения» для «Круга чтения» (т. 55, стр. 302).^[105] Однако к писанию «Живого трупа» Толстой в эти годы не приступал. А. Ф. Кони вспоминает, что, будучи ранней весной 1904 г. в Ясной Поляне, он просил Толстого дать прочесть драму «Живой труп». Толстой сказал: «Нет, это читать не стоит: оно не кончено, да и вообще мне не нравится, и я его совсем бросил» (А. Ф. Кони, «Живой труп» в действительности» – «Ежегодник императорских театров», 1911, выпуск VI, стр. 23).

Прекращение работы над «Живым трупом» несомненно было связано также со следующими обстоятельствами. Сведения о сюжете новой драмы Толстого в ноябре 1900 г. стали достоянием газет, благодаря переписчику Толстого, А. П. Иванову, который как-то запил и на «Хитровке» рассказал репортеру «Новостей дня» о новом драматическом произведении Толстого. Репортер написал статью («Новости дня» 1900, № 6289 от 22 ноября), после чего к Толстому пришел сын Н. С. Гимера и просил от имени матери не публиковать драму, так как это могло возбудить интерес к «заглохнувшему было судебному процессу» и повести к тяжелым для его матери последствиям, то есть к отбыванию тюремного заключения (П. А. Буланже, «Как писалась драма «Живой труп» – «Русское слово» 1911, № 232 от 9 октября, и А. Б. Гольденвейзер, «Вблизи Толстого», I, стр. 53).

По словам Н. В. Давыдова, Толстого тогда же посетил и сам Н. С. Гимер, которого Толстой подробно расспрашивал о всей его жизни (Н. В. Давыдов, «Из прошлого», М. 1914, стр. 257). Н. С. Гимер бывал у Толстого и ранее, еще зимой 1899–1900 гг., а также писал Толстому (в архиве писателя сохранилось одно просительное письмо Н. С. Гимера от 16 марта 1900 г. – см. примечание к дневниковой записи 28 ноября 1900 г., т. 54, стр. 443–445).

«Живой труп» не был окончен Толстым и при жизни писателя опубликован не был. Впервые драма была опубликована в газете «Русское слово» 23 сентября 1911 г. и тогда же отдельным изданием под редакцией В. Г. Черткова (типография Сытина). При подготовке этого издания в распоряжении редакции были не все известные теперь рукописи. При следующем издании драмы («Посмертные художественные произведения Л. Н. Толстого», под ред. В. Г. Черткова, т. I, М. 1911, а также в издании «Свободного слова») были сделаны некоторые дополнительные исправления. В этом виде драма была издана в «Посреднике» (М. 1913, № 1113) и перепечатывалась во всех последующих изданиях, с незначительными изменениями.

В настоящем издании в основу окончательного текста положена рукопись № 14 (последняя авторизованная копия). Текст действия I проверен по автографам предыдущих рукописей; текст 1-й и 2-й картин действия II проверен по рукописи № 13 (автограф); текст действия III проверен по рукописи № 5 (автограф); текст 1-й картины действия IV – по рукописи № 6 (автограф); текст 2-й картины действия IV и текст действий V и VI – по рукописи № 5 (автограф).

В отличие от всех ранее опубликованных текстов «Живого трупа» в настоящем издании текст второй картины V действия печатается по рукописи, с участием Марьи Васильевны Крюковой, подруги Лизы, произвольно замененной во всех прежних изданиях матерью Лизы, Анной Павловной.

Начав писать девятое действие в первой редакции («В деревне, на террасе»), соответствующее 2-й картине V действия последней редакции, Толстой первоначально ввел в качестве действующего лица Афр[осимова], который приезжает с Карениным в деревню (см. вариант № 7); но потом в написанной части этого действия он заменил всюду фамилию Афросимова на имя Марьи Васильевны, которая в этой редакции является одним из главных действующих лиц первого действия (см. варианты №№ 1 и 2). В связи с такой заменой был изменен и текст реплик Афросимова. Исправления эти Толстой произвел в конце первого и во втором явлении, до слов Каренина: «уж это навеки наше» (см. вариант № 7), и затем стал продолжать действие, но с участием не Афросимова, а Марьи Васильевны.

Во второй и всех последующих редакциях первого действия Толстой исключил Марью Васильевну, введя, вместо нее, в качестве одного из главных действующих лиц мать Лизы и Саши Анну Павловну и существенно изменив весь текст этого действия. Однако после переработки первого действия Толстой не произвел никаких изменений в автографе девятого действия («В деревне, на террасе»). В копии всей драмы он довел свои исправления лишь до третьего действия («У Лизы»). Таким образом, девятое действие осталось в своем прежнем виде – с участием Марьи Васильевны, и нигде нет намека на намерение Толстого заменить ее в этом действии Анной Павловной. Следовательно, произвольные редакционные изменения толстовского текста, производившиеся до сих пор (например: «Мама!» вместо «Маша!» или «Анна Павловна целуется с Лизой» вместо «Маша целуется с Лизой») ничем нельзя оправдать, тем более, что реплики Марьи Васильевны не соответствуют характеру Анны Павловны, противоречат всему поведению и репликам Анны Павловны в

первом действии и таким образом нарушают реалистичность драмы.

В копии всей драмы, сделанной Т. Л. Сухотиной и А. П. Ивановым, во 2-й картине V действия Марья Васильевна участвует. Это имя оставлено и после унификации имен и фамилий в драме, произведенной в этой копии М. Л. Оболенской. Всё это подтверждает необходимость оставления Марьи Васильевны Крюковой в числе действующих лиц драмы.

В настоящем издании драма разделена на шесть действий и каждое действие на две картины, в соответствии с последним планом пьесы. Разбивка на явления сделана согласно общепринятому обозначению. Введены в квадратных скобках необходимые ремарки, иногда отсутствующие в рукописи; даны подзаголовки пьесы и перечень действующих лиц. Имена и фамилии действующих лиц исправлены, согласно произведенной в рукописи № 14 унификации их М. Л. Оболенской: действие III, картина 1-я, явления V-VII и действие V, картина 2-я – Анна Дмитриевна вместо: Марья Дмитриевна; действие III, картина 2-я, явление IV – князь Абрезков вместо князь Арб[енин]; действие VI – Протасов и Протасова вместо Корнильев и Корнильева; действие VI, картина 2-я – Иван Петрович вместо Александр Петрович и Василий Иванович и дама вместо 1-я дама. Унифицируются также разночтения в именах, не учтенные М. Л. Толстой: действие II, картина 1-я, явление II – Мика вместо: Петя; действие III, картина 2-я, явление I – Федор Васильич вместо: Федор Иваныч.

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ

1. Автограф, 1 л. F°. Первый план пьесы. Начало: «I акт, 1 кар[тина], 1 я[вление]. Лиза с М[арьей] В[асильевной] говорят о муже». Конец: «а тут жизнь – убивает себя».

Печатается в планах под № 1.

2. Автограф. Запись в Записной книжке Толстого 22 сентября 1900 г. (см. т. 54, стр. 227). Второй план пьесы. Начало: «1) У Лизы». Конец: «15) Суд».

Печатается в планах под № 2.

3. Автограф, 1 л. 16°. На одной странице адрес, записанный неизвестным лицом и зачеркнутый Толстым: «С. Петербург. До востребования. Михаилу Павловичу Толстому». На этой же странице написан третий план пьесы. Начало: «1) У <Назаров> Лизы». Конец: «15 Окр[ужной] суд». На другой странице – четвертый план. Начало: «I действие. 1-я картина. Теща и сестра». Конец: «Комната свидетелей».

Печатается в планах под №№ 3 и 4.

4. Автограф, 1 л. 32°. набросок предсмертных слов Феде Протасова.

Начало: «Ф[едя] говорит: какая странная вещь жизнь!» Конец: «Всё даром пропал[о]».

Печатается в планах под № 4.

5. Автограф. Тетрадь 4° в клеенчатой обложке. Заглавие: «Труп». Текст занимает 49 лл. 4° и 1 отрезок, нумерованных неизвестной рукой. Лист 3 рукописи вставлен позднее. Листы 44–49 были вырезаны и затем опять вложены в тетрадь (см. описание рук. № 11). На л. 13 отметка Толстого: «на листе», но этого листа в рукописи нет.

На первых 41 лл. и 1 отрезке этой тетради – текст пьесы в первой редакции. Начало: «Труп. Действующие лица. Марья Васильевна Крюкова». Конец: «Как хорошо. (Кончается)». В явлении IV действия III против слов Феди: «Ступай к ней и скажи, что я даю развод, беру вину и всё» (л. 17) на полях Толстым написано: «Колеблется поехать к ней и потом решает, что нет».

По этой рукописи печатается вариант № 1: текст первоначальной редакции (до поправок) картин 1-й и 2-й действия I, картины 1-й действия II, картины 2-й действия II и начало картины 1-й действия III (зачеркнутое начало разговора Феди и Маши); вариант № 7: первоначальный текст конца I и II явлений 2-й картины действия V.

На лл. 42–43 – запись конца действия I в третьей редакции с последующей правкой Толстого. Начало: «Саша. Мама, да дайте Лизе сказать». Конец: «У меня удар сделается (уходит). Занавес» (см. описание рук. № 9).

6. Автограф, 2 лл. F°. Содержит 6-е действие, соответствующее 1-й картине IV действия в последней редакции. Начало: «Действие <6> <4> 6. В трактире». Конец: «Бери, бери. А мы едем. Занавес».

7. Рукопись на 12 нумерованных листах линованной бумаги 4°. Копия первых трех действий в первой редакции рукою А. П. Иванова, с множеством исправлений Толстого. Заглавие рукою переписчика: «Труп». Первые два действия соответствуют картинам 1-й и 2-й действия I последней редакции; третье исключено в дальнейшей работе.

Печатается в вариантах под № 2.

8. Автограф, 1 л. 4°. Начало I действия во второй редакции, зачеркнутое Толстым. Начало: «Действие первое. Сцена <разделена> представляет» Конец: «Я оставила записку».

Печатается в вариантах под № 3.

9. Автограф, 1 л. почтового формата и 3 лл. 4°. Пагинация рукою Толстого по страницам 1–12 (стр. 3 – в рук. № 6: использована нижняя, оставшаяся чистой часть оборота этого листа; стр. 10–12 – в рук. № 5: в клеенчатой тетради, лл. 42–43). Третья редакция начала I действия.

Начало: «Действие первое. Картина 1-я. А. П. Полная энергичная

дама». Конец: «У меня удар делается (уходит). Занавес».

Печатается в вариантах под № 4.

10. Автограф, 1 л. 4°. Четвертая редакция начала I действия, исправленная и потом зачеркнутая Толстым. Последняя фраза написана на л. 44 рук. № 5. Начало: «Д[ействие] I. Сидят за чаем». Конец: «Только что позвонили».

Печатается в вариантах под № 5.

11. Автограф. 5 лл. 4°, вырезанных из клеенчатой тетради (рук. № 5). Пагинация 44–49. Запись I действия в пятой редакции с последующими исправлениями: Начало: «Д[ействие] 1. Яв. I. А[нн]а [Павловна]. Сидит». Конец: «Саша уходит за ней и подмигивает сестре. Занавес. II действие». Публикуется в вариантах под № 6.

12. Рукопись. 11 лл., из которых 8 лл. 4° и 3 обрезка. Копия рукой А. П. Иванова рук. № 11 с поправками Толстого. Заглавие рукой Толстого: «Живой труп». Начало: «Действ[ие] I. А. П. сидит одна». Конец: «Кланяется и уходит».

13. Автограф, 5 лл. почтового формата. На лл. 1 и 2 – текст 3-го действия, соответствующий тексту 1-й картины II действия последней редакции. На следующих листах – текст 4-го действия, соответствующий тексту 2-й картины II действия последней редакции.

14. Рукопись. 109 лл. 4°. Копия всего текста пьесы рукой Т. Л. Сухотиной и А. П. Иванова (с поправками рукой М. Л. Оболенской). Начало: «Живой труп. Действие I, Явление I. Анна Павловна». Конец: «Как хорошо. (Кончается.)» Вся драма разбита на 12 действий, помеченных цифрами 1–11 (цифрой 5 нумерованы два действия). Имеются исправления Толстого в первом и втором действиях (лл. 1–22). Извлекается вариант № 8.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОМУ ТОМУ.

В 34 томе Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого печатаются его художественные и публицистические произведения начала 900-х годов.

Это были годы, когда рабочий класс России поднимался на революционную борьбу с царской властью. «Революционные выступления рабочих и крестьян показывали, что в России назревает и близится революция». [106]

Лев Толстой пристально следил за событиями, происходившими в стране. Острейший интерес у писателя вызывали рабочие стачки и демонстрации, крестьянские восстания и студенческие «беспорядки». В произведениях Толстого начала 900-х годов нашло свое отражение быстрое назревание

революционного кризиса в стране.

В канун первой русской революции с особой силой выявились действительно «кричащие противоречия» в мировоззрении и творчестве Толстого. Наряду с беспощадным обличением и критикой буржуазного строя его произведения содержали такие утопические и реакционные «рецепты спасения человечества», которые приносили «самый непосредственный и самый глубокий вред»[107] развертывавшемуся революционному движению.

Резкая критика самодержавно–полицейского государства, правящих классов капиталистического общества, казенной церкви, буржуазной науки и искусства сочеталась в произведениях Толстого этих лет, как и раньше, в 80–90–е годы, с попыткой найти мирный выход из острейших противоречий действительности и своей проповедью религии, «непротивления злу насилием» удержать массы от участия в приближающейся революции.

С обострением революционного кризиса в стране Толстой все более отчетливо представлял себе свои задачи обличителя старого несправедливого общественного устройства.

В июле 1900 года он сообщал дочери Марии Львовне, что статью «Рабство нашего времени» «еще поправляет и все делает ее ядовитее и ядовитее». [108] 31 августа 1900 года он записывает в Дневнике: «Все яснее и яснее представляется обличение неверия и разбойничьего царства. Это нужно писать»[109].

Царское правительство ненавидело и боялось Толстого, великого и бесстрашного критика буржуазно–помещичьего строя. Не осмеливаясь подвергнуть всемирно–знаменитого писателя аресту и заточению, оно преследовало его единомышленников, запрещало многие его произведения, организовало дикую травлю Толстого в охранительной и церковной печати.

Еще в 80–х годах в общество проникли слухи о готовящемся отлучении Толстого от православной церкви и о заточении «еретика» в Суздальский монастырь. В конце 90–х годов, когда был опубликован роман «Воскресение» с его беспощадно обличительным описанием богослужения в тюремной церкви, церковники потребовали расправы с писателем. Мрачный изувер Победоносцев, бывший не только обер–прокурором святейшего синода, но и ближайшим советчиком царя, был изображен Толстым в устрашающей фигуре палача и мистика Топорова. Ни Победоносцев, ни руководимые им пастыри не могли простить писателю его выступлений против казенной церкви, разоблачения церковного обмана.

24 февраля 1901 года «Церковные ведомости при святейшем правительствующем синоде» опубликовали «Определение святейшего синода от 20–22 февраля 1901 г... о графе Льве Толстом». Составлял это «Определение» Победоносцев, редактировал митрополит Антоний, одобрил царь Николай II. Синод приказал во всех церквях Российской империи предать имя Льва Толстого, «еретика и вероотступника», «проклятию и анафеме».

Передовые люди России, трудовой народ ответили на решение синода могучей волной сочувствия великому писателю. В адрес Толстого хлынул поток приветственных писем и телеграмм. 25 марта посетители XXIV передвижной выставки в Петербурге устроили горячую овацию в честь Толстого перед портретом писателя работы И. Е. Репина. Портрет был немедленно снят с выставки. Победоносцев в письме к редактору «Церковных ведомостей» вынужден был признать, что «Послание» синода о Толстом вызвало целую «тучу озлобления» против руководителей церкви и государства. [110]

В. И. Ленин писал в 1910 году по поводу отлучения Толстого: «Святейший синод отлучил Толстого от церкви. Тем лучше. Этот подвиг зачтется ему в час народной расправы с чиновниками в рясах, жандармами во Христе, с темными инквизиторами, которые поддерживали еврейские погромы и прочие подвиги черносотенной царской шайки». [111]

Актом отлучения Толстого от церкви правительство Николая II добилось только того, что имя писателя стало еще более популярным в стране и за ее пределами. К голосу Толстого миллионы людей во всем мире стали прислушиваться с особым вниманием.

В «Ответе синоду» Толстой показал, что он не устрасился «анафемы» и не раскаялся в своем «еретичестве». Свой ответ на отлучение он использовал для новых обличений казенной церкви, ближайшей помощницы царского правительства.

Прошло немногим более недели со дня отлучения Толстого от церкви, как общественное мнение России было взволновано и возмущено новым репрессивным актом самодержавия. 4 марта 1901 года в Петербурге, на площади у Казанского собора, полиция напала на демонстрацию и зверски избивала многих ее участников. Волна протеста прокатилась по всей стране.

Толстой, узнав об этих событиях, послал приветственный адрес комитету Союза взаимопомощи русским писателям, закрытому за то, что его члены решительно протестовали против полицейской расправы с участниками демонстрации. Тогда же он написал сочувственное письмо Л. Д. Вяземскому, высланному из Петербурга за попытку остановить избиение демонстрантов.

Под непосредственным впечатлением мартовских событий в Петербурге и полицейских репрессий против студентов Толстой пишет свое обращение «Царю и его помощникам».

Толстой ждал ответа на свое обращение, но его не последовало. Тогда он написал Николаю II пространное письмо о современном положении России. Это письмо 16 января 1902 года было отослано в Петербург. Толстой горячо убеждал царя в том, что «самодержавие есть форма правления отжившая» и что его необходимо заменить демократическим правлением. Он угрожал царю надвигающейся революцией и требовал «развязать рот» народу, уничтожить гнет, «который мешает народу высказать свои желания и нужды». [112]

До глубины души возмущался Толстой полицейскими мерами царского правительства и активно выступал в защиту народа и его передовых людей. В мае 1901 года он горячо вступился за молодого Горького, арестованного и посаженного в Нижегородскую тюрьму. Заступничество Толстого и широкое общественное возмущение помогли освобождению Горького.

Весной 1902 года Толстой, находясь на лечении в Крыму, был потрясен известием о жестоком подавлении крестьянских волнений на Украине, в Харьковской и Полтавской губерниях. «Страшное правительственное сообщение о беспорядках, – записал он в Дневнике. – Хочется писать об этом». [113] Подробности о происшедших событиях Толстому сообщил В. Г. Короленко, навестивший его в Гаспре 25 мая 1902 года. Выслушав рассказ Короленко о захвате крестьянами помещичьих экономий, скота, сельскохозяйственных орудий, Толстой «сказал уже с видимым полным одобрением: «И молодцы!»...»

«С какой точки зрения вы считаете это правильным, Лев Николаевич?» Толстой ответил: «Мужик берется прямо за то, что для него всего важнее. А вы разве думаете иначе?» [114]

В этом прямом одобрении захвата крестьянами земли и орудий сельскохозяйственного труда Короленко закономерно увидел способность Толстого заражаться настроениями народных масс.

Нет сомнения, что под прямым влиянием «народных настроений» обличающий голос Толстого становился все более суровым и могучим.

В своих произведениях писатель ставил самые насущные, коренные вопросы времени. Посетивший его в 1902 году Горький сообщал в одном из своих писем: «Лев Николаевич... пишет статью по земельному вопросу, а! Экая силища, экое изумительное понимание запросов дня!» [115]

В годы кануна первой русской революции жизнь со всей остротой выдвинула перед Толстым «рабочий вопрос». 21 ноября 1901 года он сообщал в письме Т. Л. Сухотиной: «Нынче известие о побоище рабочих в Ростове». [116] Толстой говорит здесь о жестокой расправе войск царского правительства с рабочими Ростова, проводившими крупную стачку.

В ростовской стачке, а также в стачках, происходивших в других промышленных центрах страны, Толстой видел близость рабочей революции. Еще в трактате «Так что же нам делать?», написанном в середине 80-х годов, и во многих других позднейших статьях Толстой говорил о приближении «развязки» и угрожал правящим классам, не желавшим «переменить свою жизнь», народной расправой.

Толстой видел, что «ненависть и презрение задавленного народа растёт, а силы физические и нравственные богатых классов слабеют; обман же, которым держится все, изнашивается, и утешать себя в этой смертной опасности богатые классы не могут уже ничем». Толстой ясно понимал, что «возвратиться к старому нельзя», что «ужасная развязка

приближается». [117]

Все его сочинения 80–х, 90–х и особенно 900–х годов проникнуты этим предчувствием близящейся «развязки» и, с другой стороны, стремлением найти выход путем мирного, «полюбовного» разрешения конфликта, избежать «ужасов» неизбежной «рабочей революции».

«Толстой, – писал В. И. Ленин, – с огромной силой и искренностью бичевал господствующие классы, с великой наглядностью разоблачал внутреннюю ложь всех тех учреждений, при помощи которых держится современное общество: церковь, суд, милитаризм, «законный» брак, буржуазную науку. Но его учение оказалось в полном противоречии с жизнью, работой и борьбой могильщика современного строя, пролетариата». [118]

В. И. Ленин разъяснил, чьи настроения и чаяния нашли отражение в произведениях Льва Толстого: «Его устами говорила вся та многомиллионная масса русского народа, которая уже ненавидит хозяев современной жизни, но которая еще не дошла до сознательной, последовательной, идущей до конца, непримиримой борьбы с ними. [119]

Устами Льва Толстого говорила многомиллионная патриархальная крестьянская Россия. «Великое народное море, взволновавшееся до самых глубин, со всеми своими слабостями и всеми сильными своими сторонами отразилось в учении Толстого», – писал В. И. Ленин. [120]

Став голосом стомиллионного крестьянского народа, Толстой «поразительно рельефно воплотил в своих произведениях – и как художник, и как мыслитель и проповедник – черты исторического своеобразия всей первой русской революции, ее силу и ее слабость». [121]

В свете этих высказываний Ленина о Толстом становятся ясными смысл и значение литературно–художественной, публицистической и общественной деятельности великого русского писателя.

I

Из художественных произведений Толстого, печатающихся в настоящем томе, центральное место занимает драма «Живой труп» (1900). Как и большинство других произведений Толстого, драма была написана на материале современной писателю действительности. В основу ее сюжета легло судебное дело супругов Н. С. и Е. П. Гимер. Материал, взятый из «текущей» жизни, Толстой подверг художественной обработке и создал произведение, направленное не только против буржуазного суда, но и против всей комедии «законного» брака, освящаемого казенной церковью, против изуверских порядков полицейского государства и всего буржуазно–дворянского общества.

Главный герой драмы – Федор Протасов – один из очень близких и дорогих сердцу автора образов. «По поводу «Трупа» Лев Николаевич сказал, что сюжет только тогда хорош, когда он находит в душе отклик и сливается с невысказанными желаниями»; что его очень интересует Федор Протасов, что он «чисто русский тип... отличной души человек». [122]

Внутренний мир Феде Протасова раскрывается в откровенных беседах, которые он ведет с князем Абрезковым, художником Петушковым и другими действующими лицами. «Что я ни делаю, – признается Федя, – я всегда чувствую, что не то, что надо, и мне стыдно... А уж быть предводителем, сидеть в банке – так стыдно, так стыдно...»

В этих признаниях Протасова звучит голос самого Толстого, писавшего в «Исповеди», трактате «Так что же нам делать?» и других своих публицистических произведениях, созданных после пережитого им идейного перелома, о чувстве мучительного стыда от сознания паразитизма своего класса, о жгучем желании разорвать узы, связывающие его с этим классом.

«Всем ведь нам в нашем круге, в том, в котором я родился, – говорит Федя, – три выбора, – только три: служить, наживать деньги, увеличивать ту пакость, в которой живешь. Это мне было противно, может быть, не умел, но, главное, было противно. Второй – разрушать эту пакость; для этого надо быть героем, а я не герой. Или третье: забыться – пить, гулять, петь. Это самое я и делал. И вот допелся».

Протасов не нашел в себе сил, чтобы бороться с бессердечием и эгоизмом, ханжеством и консерватизмом людей «высших классов», превративших жизнь в «пакость», которую надо всеми силами разрушать. Он бежал от них на «дно». Но и там ему не дали жить спокойно. Вмешался «закон», вмешались шантажисты, полицейские, чиновники, получающие, как говорит Федя, «по двугривенному за пакость».

Протасова сделали «живым трупом», а затем толкнули на самоубийство не только тупые полицейские «законы», но и «корректные», «благовоспитанные» люди, от которых он бежал, как от чумы.

Драма «Живой труп» была опубликована после смерти Толстого. Обличительная сила драмы привела в ярость реакционную критику, увидевшую в «Живом трупе» «ниспровержение основ».

В печати появились также заявления о том, что пьесу нельзя ставить на сцене, ибо она «антитолстовская», противоречащая главным убеждениям «учителя жизни». [123] Толстой – сторонник единобрачия и даже аскетизма. Как же мог он выступить в своей драме против законов, запрещающих расторжение брака?! Толстой организовал «Согласие против пьянства», сочинял «противопьянственные» пьесы и рассказы. Как же мог он оправдать кутежи и все «беспутства» героя пьесы Федора Протасова?! Толстой сурово осудил самоубийство, а Протасова окружил мученическим ореолом и оплакал его гибель!

Должно быть, предвидя недоумение и недовольство своих «критиков», Толстой сказал устами одного из действующих лиц драмы: «Неужели мы

все так непогрешимы, что не можем расходиться в наших убеждениях, когда жизнь так сложна?»

Глубокая искренность и правдивость художника–реалиста позволили Толстому в «Живом труп» изобразить жизнь во всей ее сложности и противоречивости, не укладывающейся в рамки проповеднических доктрин, опрокидывающей принципы и его «вероучения».

Подобно роману «Воскресение», драма «Живой труп» была направлена против такого общественного строя, который основан на деспотизме и полицейском произволе, на обмане и лицемерии. И в этом сила «Живого трупа». Но пьеса имеет и свои слабые стороны. Они нашли выражение прежде всего в образе главного героя драмы. С одной стороны, он показан как горячий протестант и обличитель, смело обнажающий фальшь и лицемерие буржуазно–дворянского общества, его лживую мораль, его бесчеловечные законы. С другой стороны, рисуя образ Протасова, Толстой выступает сторонником пассивного «неучастия в зле», как метода «борьбы» с социальной несправедливостью. Всем своим поведением Федор Протасов как будто заявляет: «Я, как все, скверный, гадкий, но я не могу больше лгать и притворяться, не могу служить в ваших грязных учреждениях, участвовать во всех ваших обманных делах. Мне стыдно и больно, я вижу зло, но не могу с ним бороться, потому что я «не герой».

В «Живом труп», как и в «Воскресении», Толстой, изображая представителей буржуазно–дворянского общества, срывает с них маски, и они предстают со всей своей фальшью, фарисейством, эгоизмом. Но устами своего «не героя» Толстой проповедует незлобивость, самоустранение от «зла», бегство от жизни. Так самый суровый и трезвый толстовский реализм соединяется в драме с отвлеченной проповедью «добра», ставящей целью примирение, сглаживание острейших общественных противоречий.

Но в «Живом труп», как и в «Воскресении» и в других произведениях Толстого, проповедь любви и «добра» не подкрепляется жизненно–убедительными примерами, не выдерживает проверки жизнью и вопреки намерениям автора обнаруживает свою полную несостоятельность. Не в проповеди любви и всепрощения сила гениального художника–реалиста. Сила Толстого–художника – в искренней, страстной и беспощадной критике всех современных ему государственных, церковных, общественных устоев.

Герой драмы Федор Протасов со всей определенностью говорит о том, что выход из тупика все–таки один: «разрушать эту пакость» – разрушать собственнический, несправедливый общественный строй, обрекающий людей на невыносимые муки и горе. Рисуя трагическую судьбу Протасова, Толстой объективно звал не к примирению, а к разрушению буржуазно–полицейского государства с его законами, моралью, религией – всей фальшью общественных и семейных отношений.

Пьеса Толстого глубоко волнует подлинным драматизмом, гневным пафосом обличения, могучей силой изображения человеческих характеров и чувств.

Из воспоминаний Н. К. Крупской мы знаем о том впечатлении, которое произвела пьеса Толстого на В. И. Ленина. Было это в 1910-е годы, когда Ленин находился в эмиграции. «Мы редко ходили в театр, – рассказывает Н. К. Крупская. – Пойдем, бывало, но ничтожность пьесы или фальшь игры всегда резко били по нервам Владимира Ильича. Обычно, пойдем в театр и после первого действия уходим. Над нами смеялись товарищи, – зря деньги переводим. Но раз Ильич досидел до конца; это было, кажется, в конце 1915 г., в Берне, ставили пьесу Л. Толстого «Живой труп». Хоть шла она по-немецки, но актер, игравший князя, был русский, он сумел передать замысел Л. Толстого. Ильич напряженно и взволнованно следил за игрой». [124]

«Живой труп» – пьеса новаторская. В ней Толстой–драматург отказался от традиционного строгого деления на акты. Пьеса написана картинками с расчетом на частую и быструю смену места действия для того, чтобы нагляднее показать «текучесть жизни». Будучи произведением «позднего» Толстого, драма «Живой труп» служит свидетельством неувядавшей силы громадного таланта писателя и его неутомимых поисков нового в искусстве.

По силе обличения и художественному мастерству близок к «Живому трупу» и замечательный рассказ Толстого «После бала». Писатель рисует в нем страшную картину экзекуции: сквозь строй под тупые удары барабана прогоняют солдата–татарина.

Драма «Живой труп» и рассказ «После бала» тематически связаны со статьей «Стыдно» (1895) и со всей публицистикой Толстого 80-х, 90-х и 900-х годов, главное содержание которой составляет беспощадное обличение господствующих классов царской России.

В начале 900-х годов Толстой продолжает разрабатывать и жанр нравственно–поучительной, «назидательной» литературы. Произведениями этого жанра он старается широко пропагандировать свое учение.

Одним из ярких образцов «назидательных» произведений Толстого является легенда «Разрушение ада и восстановление его».

В этом небольшом по размеру произведении Толстой высказал свое отношение к церковной религии, к «христианскому» браку и воспитанию, к самодержавию, к буржуазной науке и культуре. Стремясь доказать, что люди извратили «истинное учение Христа», Толстой устами дьяволов, «заведующих» блудом, грабежом, убийствами, наукой, техническими усовершенствованиями, разделением труда и т. д., дает глубокую и резкую критику «порядков» современного капиталистического общества. Критика казенной церкви, монархии, буржуазно–парламентских правительств, уродств буржуазной цивилизации и многих других сторон эксплуататорского общества достигает в легенде такой разящей силы, что она была отнесена царской цензурой к числу самых «кошунственных» произведений Толстого.

Но в легенде, как и в других «назидательных» произведениях Толстого, с полной очевидностью обнаруживаются и слабые, реакционные стороны его мировоззрения. Резко и справедливо обличая «хозяев жизни» и их помощников, как поработителей народа, Толстой в то же время

зачеркивает завоевания науки и техники, выступает против материализма и социализма, называет бесплодными занятия ученых, ведущих «исследования явлений материального мира», изучающих общественную жизнь.

Заканчивается легенда мрачной картиной торжества Вельзевула, торжества дьяволов, сбивших людей с «истинного» пути. Толстой не видит иного исхода, кроме нового разрушения восстановленного дьяволами ада. Но какими же путями могут освободиться люди из-под «дьявольской» власти? Ответить на это Толстой пытается в сказке «Три вопроса», где в самой краткой форме он выражает свое определение основных этических норм поведения человека. «Как знать, какие люди самые нужные, и как не ошибаться в том, какое дело из всех дел самое важное?»

В ответах на эти вопросы выражен ряд коренных положений толстовского учения с его реакционным отрицанием общественной борьбы, с его признанием, что «все материальное – ничто», что человеку надо заботиться только о спасении своей души, что ему незачем думать о завтрашнем дне, что он должен делать только «добро» и потому не противиться злу насилием.

Тот же смысл вложен Толстым и в легенду «Труд, смерть и болезнь», являющуюся своеобразным продолжением или дополнением легенды о разрушении и восстановлении ада. Чтобы вернуть людей на истинный путь, – пишет Толстой, – бог решил заставить их трудиться, надеясь, что «труд соединит их». Но вышло так, что разъединение людей еще более углубилось, ибо люди «тратили время и силы на борьбу, и всем было дурно».

Но вот, – говорит Толстой, – «в самое последнее время» появились люди, которые стали понимать, что труд, который служит пугалом для одних и принудительной каторгой для других, «должен быть общим радостным делом, соединяющим людей». Они стали понимать, что «единственно разумное дело всякого человека» состоит в том, чтобы прожить свою жизнь в согласии и любовном общении с другими людьми.

Так прославление труда сопровождается в легенде проповедью толстовских религиозно-нравственных «истин».

Назидательным целям посвящены и рассказы Толстого «Ассирийский царь Асархадон», «Это ты», рисующие превращение жестоких тиранов в людей, понявших «истинный» смысл жизни. Под влиянием мудрецов они постигают все зло своей жестокой деятельности, отказываются от власти и богатства, становятся проповедниками всепрощения, незлобивости, любви к врагам.

Не забудем, что эти рассказы и легенды создавались писателем в канун революционной грозы. Они и тесно связанные с ними публицистические произведения возникли как прямые отклики Толстого на все обострявшуюся классовую борьбу в стране. Тиранов и деспотов он призывал образумиться, отказаться от власти и богатства, от угнетения народа и заняться спасением своей души. Порабощенный народ, стонущий под ярмом эксплуатации, он призывал не озлобляться,

а прощать врагам своим, не заботиться об изменении «внешних», материальных условий жизни, а отдаваться радостно своему труду, думать лишь о спасении души.

Эта проповедь Толстым всепрощения и непротивления злу насилем в годы приближения первой русской революции приносила большой и глубокий вред; она была широко использована буржуазными партиями и группами в борьбе против революции. Они объявили Толстого «всеобщей совестью», «учителем жизни». Отвечая им, В. И. Ленин писал в 1910 году: «Это – ложь, которую сознательно распространяют либералы, желающие использовать противореволюционную сторону учения Толстого. Эту ложь о Толстом, как «учителе жизни», повторяют за либералами и некоторые бывшие социал-демократы.

Только тогда добьется русский народ освобождения, когда поймет, что не у Толстого надо ему учиться добиваться лучшей жизни, а у того класса, значения которого не понимал Толстой и который единственно способен разрушить ненавистный Толстому старый мир, – у пролетариата». [125]

В 1901 году Толстой написал предисловие к роману немецкого писателя В. фон-Поленца «Крестьянин». К анализу и оценке этого произведения он подошел с тех эстетических позиций, которые изложил в своем знаменитом трактате «Что такое искусство?», опубликованном в 1897–1898 годах. Толстой признал роман «Крестьянин» подлинным и высоким произведением искусства за то, что роман правдив, и за то, что он художественен. Как особое достоинство произведения Поленца Толстой подчеркивает, что «вся книга написана прекрасным, благородным, т. е. простым немецким языком, особенно сильным, когда вводится грубый, мужественный рабочий язык». [126]

В предисловии к роману Поленца, как и во всех других своих эстетических статьях, написанных в 90-е и 900-е годы, Толстой резко обрушился на упадочное буржуазно-декадентское искусство и литературу, а также на натурализм. «Положение литературы и вообще искусства в наше время очень опасное», – говорит Толстой. В извращении эстетических вкусов самую вредную роль играет буржуазная пресса. «Газеты же находятся в руках денежных дельцов, – справедливо указывает Толстой. – Газета, журнал есть большое денежное предприятие». [127] Монополизированные кучкой богачей газеты и журналы «выдвигают и восхваляют всегда самые грубые художественные произведения, отличающиеся только необычностью, фальшивым пафосом и тем, что они чудны, выставляя их как нечто самое утонченное и, главное, последнее по моде». [128]

В предисловии к роману Поленца отразились не только сильные, но и слабые стороны эстетических взглядов Толстого. Резко и справедливо критикуя буржуазно-декадентские и натуралистические «произведения», выступая за реалистическое, правдивое искусство, близкое народу, Толстой в основу своего понимания народности искусства положил патриархально-крестьянские, религиозные идеалы.

В романе «Крестьянин» Толстого привлекают показанные Поленцом «и прелесть земледельческой жизни, и жалость к ее гибели, и любовь к природе и к семье, и жалость к невежеству, к грубости». [129] Особые симпатии вызывают у Толстого те сцены, в которых изображены согласные с его учением незлобивость и кротость.

II

Быстрое назревание революционного кризиса в стране, резкое обострение классовых противоречий между трудящимися и их угнетателями, неминуемое приближение «развязки» – вот что определило содержание и направление публицистики Толстого начала 900-х годов. Во всей остроте встал перед Толстым в эти годы «рабочий вопрос». Писатель стремится лично познакомиться с условиями работы и жизни рабочих на фабриках и заводах, на железных дорогах. Плодом этого изучения и явилась статья Толстого «Рабство нашего времени» (1900) и целый ряд его других статей и выступлений.

Во введении к статье «Рабство нашего времени» Толстой не случайно напоминает о своем трактате «Так что же нам делать?», написанном пятнадцать лет назад. Он указывает, что в этих сочинениях поставлены в сущности одни и те же вопросы и даны на них одинаковые ответы, хотя автор и стремился привести «новые доводы», вытекающие из перемен, происшедших в жизни.

Толстой сам указывает на главную мысль, лежащую в основе книги «Так что же нам делать?» и статьи «Рабство нашего времени»: «Основная мысль, как той книги, так и этой статьи – отрицание насилия». Толстой указывает источник, откуда он позаимствовал эту мысль: «Это отрицание я понял и узнал из евангелия».

Но и в трактате «Так что же нам делать?» и в статье «Рабство нашего времени» Толстому пришлось выйти далеко за пределы религиозно-нравственной темы.

В первой главе статьи «Рабство нашего времени» привлекает внимание яркое описание встречи писателя с грузчиками, работающими по тридцать семь часов подряд. Толстой лично познакомился с условиями работы грузчиков на товарной станции Московско-Казанской железной дороги. Видел он и условия труда рабочих-каменщиков на Тульском чугунолитейном заводе. Из своих наблюдений Толстой сделал вывод, что капиталистическая эксплуатация трудящихся по своей жестокости превосходит рабский и крепостнический гнет. Капиталистическую эксплуатацию трудящихся он и назвал «рабством нашего времени».

Вторая глава статьи посвящена критике «равнодушия общества перед гибелью людей». В третьей, четвертой и пятой главах Толстой критикует буржуазную экономическую науку за «оправдание существующего положения» и выясняет, «почему ученые экономисты

говорят неправду». Толстой отчетливо показывает, что буржуазная наука состоит на службе у господствующих классов, что главной своей задачей она считает оправдание существующего рабства.

Но критикуя «ученых экономистов», Толстой не смог встать на конкретно-историческую почву, а к характеристике и оценке выводов политэкономии подошел с точки зрения отвлеченных «вечных истин».

О слабости и ошибочности этих позиций писал В. И. Ленин, обратив внимание на то, что еще в рассказе «Люцерн» (1857) Толстой критиковал буржуазную «цивилизацию», обращаясь с апелляциями к «Всемирному Духу». «В «Рабстве нашего времени» (писано в 1900 году), – указывал В. И. Ленин, – Толстой, повторяя еще усерднее эти апелляции к Всемирному Духу, объявляет «мнимой наукой» политическую экономию за то, что она берет за «образец» «маленькую, находящуюся в самом исключительном положении, Англию», – вместо того, чтобы брать за образец «положение людей всего мира за все историческое время». [130]

В. И. Ленин разъясняет далее, что «весь мир» для Толстого – это «весь так называемый Восток» с его вековой «неподвижностью» и отсталостью, и заключает: «Вот именно идеологией восточного строя, азиатского строя и является толстовщина в ее реальном историческом содержании. Отсюда и аскетизм, и непротивление злу насиланием, и глубокие нотки пессимизма, и убеждение, что «все – ничто, все – материальное ничто» («О смысле жизни», стр. 52), и вера в «Дух», «начало всего», по отношению к каковому началу человек есть лишь «работник», «приставленный к делу спасения своей души», и т. д.» [131]

Все эти отмеченные В. И. Лениным слабые, реакционные черты мировоззрения Толстого в полной мере проявились и в статье «Рабство нашего времени» и в других произведениях писателя, посвященных характеристике и оценке острейших вопросов своего времени.

Главу шестую «Рабства нашего времени» Толстой назвал: «Несостоятельность социалистического идеала». Он подверг критике теорию социалистов-утопистов, состоящую, по его словам, в том, что рабочие, «все соединяясь в союзы, товарищества, воспитывая в себе солидарность, дойдут, наконец, посредством союзов, стачек и участия в парламентах до того, что овладеют всеми, включая и землю, орудиями производства». Толстой заявляет, что в осуществление этой теории поверить так же трудно, как и в рай для рабочих на том свете, обещанный теологами, ибо господствующие классы никогда добровольно не согласятся поступиться своими выгодами в пользу рабочих.

Отвергнув теории утопических социалистов, Толстой не приходит, однако, к выводу о необходимости революционной борьбы и выдвигает свои «рецепты» избавления рабочего народа от капиталистического рабства. Он предлагает два ответа на вопрос: «Что должен делать каждый человек?» Сильные духом люди, – говорит Толстой, – должны отказаться от всякого участия в «организованном насилии»: не платить податей, не служить в войсках, не выполнять никаких «узаконений» правительства. Для людей послабее Толстой предьявляет единственное

требование: всемерно уменьшать свои потребности. Он обращает это требование и к хозяевам, и к рабочим, ибо и тех и других считает одинаково виноватыми в существовании «нового рабства». Рабочих Толстой обвиняет в том, что они... нанимаются на фабрики и заводы, вместо того чтобы оставаться в деревне и заниматься земледельческим трудом.

Значение статьи «Рабство нашего времени», как и других публицистических произведений Толстого, состоит, однако, не в этих утопических «рецептах спасения человечества», а в беспощадном обличении капиталистического общества, обличении, которое и доньше не утратило своей остроты и силы.

Толстой близок и дорог нам тем, что в своих произведениях он обнажил все язвы и уродства буржуазной цивилизации, выразил горячее сочувствие поработанному капитализмом трудовому народу.

В «Рабстве нашего времени» и других статьях по «рабочему вопросу» Толстой резко обрушился на идеологов буржуазии, утверждавших «извечную неизблемость» капиталистического общественного строя. Существующий порядок вещей, – заявил он о буржуазном строе, – не есть нечто неизбежное, стихийное, неизменное. Капиталистическое рабство, – утверждает Толстой, – «рабство нашего времени очень ясно и определенно произведено не каким-либо железным стихийным законом, а человеческими узаконениями: о земле, о податях и о собственности». [132]

Характеризуя эпоху рождения капитализма, Толстой ссылается на «Капитал» Карла Маркса: «Сельское население сначала насильственно обезземеливали, говорит К. Маркс, изгоняли и доводили до бродяжничества, а затем, в силу жестоких законов, его пытали, клеймили каленым железом, наказывали плетью, с целью подчинить требованиям наемного труда». [133] В одной из подготовительных редакций статьи «Рабство нашего времени» Толстой приводит большую цитату из «Капитала» К. Маркса, в которой речь идет о способах первоначального капиталистического накопления. [134]

Нужно подчеркнуть, что среди большого числа книг по вопросам политической экономии, которые были изучены Толстым в связи с его работой над статьей «Рабство нашего времени», именно у Маркса он нашел неопровержимые доказательства, разоблачающие миф об «извечности» капитализма.

Толстой беспощадно критикует буржуазных экономистов, особенно либералов, болтающих об улучшении положения рабочих на существующих фабриках и заводах при существующем эксплуататорском строе. [135]

Толстой подчеркивает, что в условиях капитализма никакие «заботы» либералов о народе не приводят и не могут привести к улучшению положения трудящихся. В полных боли и гнева словах рисует писатель бедственное положение народа в капиталистическом обществе. «...В России, – заявляет он, – отбирается от народа треть всего дохода, а на самую главную нужду, на народное образование, употребляется 1/50 часть всего дохода, и то на такое образование, которое больше вредит

народу, одуряя его, чем приносит ему пользу. Остальные же 49/50 употребляются на ненужные и вредные для народа дела». И Толстой называет эти «дела»: безудержное вооружение, крепости и тюрьмы, содержание духовенства, царского двора, огромной своры чиновников, «которые поддерживают возможность отбирать эти деньги у народа». [136]

Ограбление народа, – говорит Толстой, – происходит не только в деспотических, монархических государствах, а и в любом конституционном государстве, в любой буржуазно-демократической республике. Во всех государствах капиталистического мира «деньги отбираются у большинства народа не столько, сколько нужно, а столько, сколько можно, и совершенно независимо от согласия или несогласия облагаемых (все знают, как составляются парламенты и как мало они представляют волю народа) и употребляются не для общей пользы, а на то, что для себя считают нужным правящие классы: на войну в Кубе и Филиппинах, на отнятие и удержание богатств Трансвааля и т. п.» [137]

Толстой называет кичливую английскую и американскую демократию «мнимо-свободной» и говорит, что английская и американская конституции имеют целью такой же обман народа, как и японская и турецкая конституции, ибо «все знают, что не только в деспотических, но и в самых мнимо-свободных государствах: Англии, Америке, Франции и других, узаконения устанавливаются не по воле всех, а только по воле тех, которые имеют власть», и выгодны эти узаконения только «тем, кто имеет власть...» [138]

Толстой возмущается бесчеловечным характером капиталистической организации труда, когда рабочий превращен в механический придаток машины, выжимающей из него все силы, все соки.

Главной особенностью этого нового рабства Толстой считает его «безличный» характер: новые рабы не принадлежат лично тому или иному господину, фабриканту. Но от этого их положение не стало лучше в сравнении с положением крепостных рабов. Наоборот, говорит Толстой, «безличное рабство... в 1000 раз хуже самого жестокого личного» по той простой причине, что, например, владельцу «крещеной собственности», помещику, было невыгодно замучить на работе своего крепостного: он «берег» его, как берег лошадей и другой рабочий скот. А фабриканту незачем беречь своих безличных рабов, ибо место каждого из них, свалившегося от непосильной работы, тотчас готовы занять десятки и сотни других, погибающих на улицах городов от безработицы.

Главную причину этого зла, или, как говорит Толстой, «корень зла», он видит в том, что у трудового земледельческого народа отнята земля. От лица миллионов разоренных «законами» и «реформами» крестьян Толстой обращается к правящим классам с такими словами:

«Вы говорите, что вы для нашего блага ограждаете земельную собственность, но ваше ограждение делает то, что вся земля или перешла, или переходит во власть неработающих компаний, банкиров, богачей; а мы, огромное большинство народа, обезземелены и находимся

во власти неработающих. Вы со своими законами о земельной собственности не ограждаете земельную собственность, а отнимаете ее у тех, кто работает». [139]

Ссылаясь на «общественное мнение народа» в городах и в деревнях, которое «за последние пять–шесть лет поразительно изменилось», Толстой заявляет: «Весь русский народ на моей памяти не признавал земельной собственности». [140]

В статьях 900–х годов Толстой рассматривает «фабричное рабство» как порождение и следствие «земельного рабства». Исходя из этого убеждения, он и предлагает решить рабочий вопрос путем «освобождения земли».

При «кричащих противоречиях» в своем мировоззрении Толстой, – как указывал В. И. Ленин, – «не мог абсолютно понять ни рабочего движения и его роли в борьбе за социализм, ни русской революции». [141]

В 80–е годы Толстой с тревогой писал о «раскрестьянивании» пореформенной деревни, о пролетаризации крестьянских масс. Дав еще в «Анне Карениной», написанной во второй половине 70–х годов, гениальную характеристику пореформенной эпохи («все перевернулось и только укладывается»), Толстой не хотел признать, что Россия вступила на путь капиталистического развития. «Подобно народникам, он не хочет видеть, он закрывает глаза, отвертывается от мысли о том, что «укладывается» в России никакой иной, как буржуазный строй», – говорил о Толстом В. И. Ленин. [142]

Участвуя в 1882 году в переписи московского населения, лицом к лицу столкнувшись с ужасами городской нищеты, вызванной развитием капитализма, Толстой писал: «Забудемте про то, что в больших городах и в Лондоне есть пролетариат, и не будем говорить, что это так надо. Этого не надо и не должно, потому что это противно и нашему разуму и сердцу...» [143]

В публицистике 80–х, 90–х и 900–х годов Толстой настойчиво развивает эту же мысль. Путь к решению всех общественных противоречий, порожденных развитием капитализма, к уничтожению социального неравенства, к избавлению народа от всех форм эксплуатации Толстой видел в «освобождении земли» от частной собственности. В пору стремительного развития капитализма в России и быстрого роста пролетариата, объединявшегося для борьбы с самодержавием и буржуазией, Толстой заявлял в статье «Великий грех», что «русский народ не опролетариться должен, подражая народам Европы и Америки, а, напротив, разрешит у себя земельный вопрос упразднением земельной собственности и укажет другим народам путь разумной, свободной и счастливой жизни вне промышленного, фабричного капиталистического насилия и рабства... в этом его великое историческое призвание». [144]

Произведения Толстого 900–х годов являются ярким подтверждением мысли Ленина, что «горячий протестант, страстный обличитель, великий критик обнаружил вместе с тем в своих произведениях такое

непонимание причин кризиса и средств выхода из кризиса, надвигавшегося на Россию, которое свойственно только патриархальному, наивному крестьянину...»[145]

Статья «Где выход?» по своему содержанию тесно примыкает к «Рабству нашего времени». В ней писатель ставит те же вопросы – о земельном рабстве, о фабричном рабстве, о способах освобождения трудового народа. Толстой утверждает, что земельное рабство будет существовать до тех пор, пока земля находится в собственности у «неработающих землевладельцев». Рабство фабричных рабочих будет до тех пор, пока средства и орудия производства находятся в руках капиталистов. И никакие частичные улучшения условий труда не избавят трудящихся от рабства в капиталистическом обществе.

Где же выход? Толстой указывает на проект буржуазного американского экономиста Генри Джорджа, называя его разумным и вполне исполнимым. Но он тут же признает, что за 30 лет агитации за проект Г. Джорджа его сторонники ни в Америке, ни в Англии не добились никаких практических результатов. «Если же в Америке и Англии проект этот не приняли и не принимают, то еще меньше надежды, чтобы проект этот был принят в государствах монархических, как в Германии, Австрии, России». [146]

Из всех «мирных» путей освобождения народа от земельного и капиталистического рабства Толстому долгое время представлялся разумным и осуществимым путь, предлагавшийся Генри Джорджем.

Еще в конце 90-х годов, в частности в романе «Воскресение», Толстой заявлял себя сторонником теории Генри Джорджа, предложившего ввести «единый налог» на землю. Жизнь князя Нехлюдова, одного из главных героев «Воскресения», Толстой намерен был посвятить осуществлению проекта «единого налога» на землю.

В статье «Рабство нашего времени» Толстой выступил открытым противником программы Генри Джорджа, этого «буржуазного национализатора земли», как его назвал В. И. Ленин. Земельная обязательная рента, предлагаемая Генри Джорджем и его сторонниками, – справедливо указывает Толстой, – «неизбежно установит новую форму рабства, потому что человек, вынуждаемый к уплате ренты или единого налога, при всяком неурожае, несчастьи должен будет занять деньги у того, у кого они есть, и попадет опять в рабство». [147]

Проект Г. Джорджа и другие, подобные ему проекты Толстой называет паллиативами, заплатами на раздираемый противоречиями буржуазный строй, подлежащий замене новым общественным строем.

За два года до написания статьи «Рабство нашего времени» Толстой сделал в Дневнике знаменательную запись: «Сила в рабочем народе. Если он несет свое угнетение, то только потому, что он загипнотизирован. Вот в этом-то все дело – уничтожить этот гипноз». [148]

Задаче уничтожения самых различных форм «гипноза» и были посвящены многие публицистические произведения Толстого 90-х и 900-х годов. В

ряде статей Толстой обрушивался на буржуазные правительства за проповедь шовинизма, за раздувание национальной розни. Он решительно разоблачал старания буржуазных правительств болтовней о мире прикрыть бешеную подготовку к новым войнам. Толстой указывал в качестве примера на Гаагскую мирную конференцию, участники которой притворялись, что они очень озабочены установлением мира между народами.

Как известно, Гаагская конференция закончилась страшным кровопролитием – войной в Трансваале, хищным нападением Англии на маленький народ – буров, мужественно отстаивавший свою независимость. Война в Трансваале разоблачила лживость «мирных стремлений» буржуазных правительств.

Толстой характеризует буржуазное правительство, буржуазное государство как орудие «организованного насилия», осуществляемого правящим меньшинством над угнетенным громадным большинством народа.

Выступая против империалистической агрессии европейских буржуазных государств, Толстой неизменно выражал свое горячее сочувствие народам колониальных и зависимых стран. С этой стороны значительный интерес представляет впервые публикуемое в настоящем томе «Обращение к китайскому народу». В нем разоблачается агрессия, направленная против миролюбивого китайского народа.

Однако Толстой не ограничивается в своем воззвании обличением империалистических хищников, прикрывающих грабительские цели лживыми разговорами о своей «христианской миссии» в странах Востока. Разоблачая империалистов, Толстой одновременно выступает проповедником «истинного» христианства. В своем обращении к китайскому народу, вопреки историческим фактам, он утверждает, что в феодальном Китае существовала «истинная» свобода. Известно, что в своих последующих статьях, письмах, высказываниях, посвященных Китаю, Толстой всячески предостерегал китайцев от перенесения в их страну буржуазно-европейских порядков и от подражания империалистической Японии. В то же время Толстой ратовал за сохранение «восточной неподвижности», за сохранение «прежних порядков».

Статья «Не убий», явившаяся откликом Толстого на убийство анархистами итальянского короля Гумберта, имеет целью также разоблачение «гипноза», при помощи которого правящие классы держат народ в подчинении. Короли и императоры, – говорит Толстой, – повинны в убийствах сотен тысяч и миллионов людей. Так что «едва ли придется один убитый король или император на сто тысяч, а может быть, и миллион убитых и убиваемых по распоряжениям и с согласия королей и императоров». [149] Поэтому короли и императоры не возмущаться должны убийством Александра II, Гумберта и т. д., а удивляться, что еще «так редки такие убийства».

Но Толстой не оправдывает и не одобряет террористические акты, совершаемые анархистами над королями, императорами и другими правителями. Как только убили одного короля, на его место тотчас же «выскакивает» другой король. «Так зачем же убивать их?» – спрашивает

Толстой.

Отвергая террор, он, однако, отрицает и активную, революционную борьбу народа против существующего «устройства общества» и советует не казнить властителей, а «разъяснить им то, что они сами убийцы, и, главное, не позволять им убивать людей, отказываться убивать по их приказанию». [150]

Дав яркую характеристику «злодейств» Вильгельма, Николая II и других коронованных убийц и палачей народов, Толстой все дело свел к пассивному неучастию в их грязных, кровавых делах и к задаче «разъяснения» властителям «зла», которое они причиняют людям.

Побуждаемый именно этим стремлением разъяснить и обличить зло существующего правления, пишет Толстой в 1901 году обращение «Царю и его помощникам».

Нужно, однако, отметить, что в своих обращениях к русским царям Толстой от личных «увещаний», какими отличается, например, его письмо к Александру III с просьбой помиловать народовольцев, казненных 1 марта 1881 года Александра II, переходит в 900-е годы к требованиям, которые он заявляет не от себя лично, а от многомиллионного трудового народа.

Одновременно с обращением Толстой составляет «программу», озаглавив ее красноречивыми словами: «Желания народа», а впоследствии «Чего прежде всего желает большинство людей русского народа». Желания и требования народа, сформулированные Толстым в этой статье, были включены им в текст обращения.

Толстой говорит в обращении к царю о жестокой борьбе, разделившей русский народ на два враждебных лагеря. Он указывает, что, несмотря на репрессии, которыми царское правительство пытается задуть общественное движение в стране, «недовольство существующим строем жизни не только растет, но все расширяется и захватило теперь уже миллионы людей рабочего народа, огромное большинство всего народа». Толстой советует царю не верить министру внутренних дел, заявившему в своем циркуляре, что «если полиция будет во-время разгонять толпу и во-время стрелять в нее, то все будет тихо и спокойно». Таким путем уже нельзя справиться с «волнениями, принимающими все более и более широкие и глубокие размеры». [151]

Толстой открыто заявляет, что в создавшемся общественном возбуждении и недовольстве виноваты не «беспокойные» люди, преследуемые полицией, а правительство, не желающее увидеть ничего, кроме своего спокойствия, и отрешиться «от несвойственных условиям жизни деспотических форм правления». [152]

В своем обращении Толстой излагает четыре пункта программы, включающей в себя, по его словам, «самые скромные и легко исполнимые желания... огромного большинства русского общества».

Первое требование – уравнение крестьянства во всех правах с другими сословиями. Крестьянство, – заявляет Толстой, – «находится в

положении раба, связанного особыми, исключительными законами». [153] Толстой требует освободить крестьян: от выкупных платежей за землю («давно уже покрывших стоимость выкупаемых земель»), от позорного телесного наказания, от власти земских начальников, от бесчисленных податей и повинностей, от всяких других притеснений.

Второе требование – это отмена «правил усиленной охраны», вызывающих грубое насилие, «употребляемое часто против рабочих, входящих в столкновения с хозяевами и землевладельцами», и отмена смертной казни.

Третье требование – уничтожение всех преград к образованию, воспитанию и преподаванию. Толстой здесь решительно выступает против классовых, сословных и национальных привилегий в деле образования, ратует за обучение на родном языке, за разрешение частных школ, протестует против всевозможных преград для образования народа.

Четвертый пункт программы Толстого выражает с его точки зрения «самое важное» требование – «уничтожить все стеснения религиозной свободы».

Только тогда успокоится общество, – заявляет Толстой царю и его помощникам, – когда будет «хорошо самому сильному, трудящемуся большинству, на котором держится все общество». [154]

Не трудно увидеть, что эта «программа» выражала настроения и желания, сложившиеся у многомиллионного крестьянства накануне буржуазно-демократической революции в России.

Однако к революционным методам борьбы народа за осуществление этих требований Толстой относился отрицательно. Он осуждал революционное свержение буржуазного общественного строя, уподобив революцию «тушению огня огнем».

По мнению Толстого, путь революционной борьбы не приведет трудящихся к освобождению от рабства. При этом он ссылается на исторический опыт, указывает на потерпевшие поражение революции в Англии, Франции и Германии в XVII, XVIII веках и первой половине XIX века. «С тех пор, – говорит он, – была только одна революция в 1871 году, и та в исключительных условиях. В наше же время революции и свержение правительств прямо невозможны». [155]

Толстому казалось, что правительства в буржуазно-помещичьих государствах настолько укрепились в связи с завоеваниями науки и техники, особенно в военной области, что их революционное свержение неосуществимо. «Пока в руках правительства, живущего податями и связанного с собственниками земли и капиталов, солдаты, – революция невозможна... круг замкнут, и выхода как будто нет никакого», [156] – заявляет Толстой.

Однако он все же пытается указать «выход». Ему представляется, что только одно «несомненно уничтожает всю столь сложно и искусно и так давно устроенную правительственную машину порабощения народа»: пассивный отказ от участия в ней. В предисловии к составленным им

солдатской и офицерской памяткам Толстой выражает надежду, что эти его обращения к военному сословию «уменьшат братоубийственную бойню». Он пытается в своих памятках убедить солдат и офицеров отказаться от военной службы и удержать их от кровопролития в предстоящей революции, удержать солдат от убийства своих братьев, рабочих и крестьян.

Но Толстой был далек от мысли о том, чтобы повернуть солдатские штыки против палачей и грабителей народа, чтобы призвать армию на защиту прав народа, на помощь народу в его революционной освободительной борьбе.

Например, его статья «Неужели это так надо?» заканчивается выражением уверенности в том, что буржуазный строй, основанный на жесточайшей эксплуатации трудящихся, не может и не будет существовать вечно. И здесь же Толстой призывает отказаться от участия в революции, от борьбы за социализм и предлагает направить все силы на изобличение ложного христианского учения и на проповедь «очищенного», «истинного» христианства.

Накануне революционной грозы писатель хорошо сознает, что «из... тяжелого и угрожающего положения... есть только два выхода: первый, хотя и очень трудный – кровавая революция, второй – признание правительствами их обязанности не идти против закона прогресса, не отстаивать старого или, как у нас, возвращаться к древнему – поняв направление пути, по которому движется человечество, вести по нем свои народы». [157]

Писатель говорит, что именно этот второй путь он пытался указать в двух письмах к Николаю II, но первый, революционный, путь Толстой безусловно отрицает.

Слабые, реакционные стороны взглядов Толстого определили его «жалость» и к палачам и жертвам, и капиталистам и эксплуатируемым рабочим. В незаконченной статье «Корень зла», например, Толстой пишет, что ему жалко не только бедных, но и богатых, не только угнетенных, но и угнетателей, потому что, по его мнению, богатые, «хотя они и думают, что получили уже свою награду, они страдают так же, как и бедные». Правда, тут же Толстой оговаривается: «Но больше всего жалко мне бедных». [158]

Все, что писатель мог предложить народу в качестве выхода из капиталистического рабства, – это пассивное неучастие в «правительственных деятельности»: отказ от военной службы и службы в любых учреждениях, уменьшение своих потребностей, надежда на то, что правящие классы «одумаются» и сами откажутся от владения землей и другой собственностью.

В этих «рецептах» обнаружилась с полной очевидностью вся несостоятельность толстовской проповеди пассивизма, непротivления злу насилием и личного самоусовершенствования.

В статьях, публикуемых в настоящем томе, со всей остротой проявились кричащие противоречия взглядов Толстого.

Статьи Толстого «Рабство нашего времени», «Единственное средство», «Где выход?» и другие показывают, как «борьба с крепостническим и полицейским государством, с монархией превращалась у него в отрицание политики, приводила к учению о «непротивлении злу», привела к полному отстранению от революционной борьбы масс 1905–1907 гг.» [159]

Статьи Толстого «О веротерпимости», «К духовенству» и другие еще раз убеждают в том, что его «борьба с казенной церковью совмещалась с проповедью новой, очищенной религии, то есть нового, очищенного, утонченного яда для угнетенных масс». [160]

«Рабство нашего времени», «Где выход?», «Корень зла», «Неужели это так надо?» и другие работы Толстого о земельном вопросе свидетельствуют, что его «отрицание частной поземельной собственности вело не к сосредоточению всей борьбы на действительном враге, на помещичьем землевладении и его политическом орудии власти, т. е. монархии, а к мечтательным, расплывчатым, бессильным воздыханиям». [161] Они показывают, что у Толстого «обличение капитализма и бедствий, причиняемых им массам, совмещалось с совершенно апатичным отношением к той всемирной освободительной борьбе, которую ведет международный социалистический пролетариат». [162]

Всею душой сочувствуя трудовому народу, со всею страстью разоблачая его угнетателей, Толстой в то же время был далек от понимания истинных задач и целей революционной борьбы народа. Его обращения к народу, его призывы к трудящимся массам отказаться от участия в революции, вооруженной борьбе – играли вреднейшую, реакционнейшую роль. Вот почему в самый разгар первой русской революции В. И. Ленин горячо поддерживал выступления Горького против «толстовщины» и «достоевщины». Вот почему В. И. Ленин говорил, что «Толстому ни «пассивизма», ни анархизма, ни народничества, ни религии спускать нельзя». [163]

Произведения, публикуемые в 34-м томе, показывают, насколько велик был Толстой в постановке острейших вопросов своей эпохи, в стремлении «дойти до корня», обнаружить истинную причину бедствий, испытываемых трудовым народом в капиталистическом обществе. В то же время очевидно, что Толстой не смог понять ни причин кризиса, ни общественной силы, способной избавить трудовой народ от рабства старого и нового времени. И в этом заключалась слабость взглядов Толстого.

В. И. Ленин учит различать в наследии Толстого разум писателя и его предрассудки. В. И. Ленин учит правильному пониманию исторических причин и сущности противоречий Толстого, учит понимать, чьи надежды, настроения и чаяния выразились в произведениях великого писателя.

Критикуя и отвергая все то, что в наследии Толстого составляет «исторический грех толстовщины» (Ленин), мы высоко ценим и любим писателя Толстого, могучего обличителя, великого критика капитализма, бесстрашного обвинителя самодержавия, борца против

всякого гнета, всякой эксплуатации человека человеком, гениального художника, рядом с которым, – по определению В. И. Ленина, – «в Европе поставить некого». [164]

К. Ломунов

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ К ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОМУ ТОМУ.

Тексты, публикуемые в настоящем томе, печатаются по общепринятой орфографии, но с сохранением особенностей правописания Толстого.

При воспроизведении текстов, не печатавшихся при жизни Толстого (произведения, окончательно не отделанные, неоконченные, только начатые и черновые тексты), соблюдаются следующие правила.

Текст воспроизводится с соблюдением всех особенностей правописания, которое не унифицируется.

Пунктуация автора воспроизводится в точности, за исключением тех случаев, когда она противоречит общепринятым нормам.

Слова, случайно не написанные, если отсутствие их затрудняет понимание текста, печатаются в прямых скобках.

В местоимении «что» над «о» ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание.

Условные сокращения типа «к-ый», вместо «который», и слова, написанные неполностью, воспроизводятся полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках лишь в тех случаях, когда редактор сомневается в чтении.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

Слова, написанные ошибочно дважды, воспроизводятся один раз, что всякий раз оговаривается в сноске.

После слов, в чтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках.

На месте неразобранных слов ставится: [1, 2, 3 и т. д. неразобр.], где цифры обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что имеет существенное значение.

Более или менее значительные по размерам зачеркнутые места (в

отдельных случаях и слова) воспроизводятся в тексте в ломаных < > скобках.

Авторские скобки обозначены круглыми скобками.

Многоточия воспроизводятся так, как они даны автором.

Абзацы редактора даются с оговоркой в сноске: Абзац редактора.

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому, печатаются в сносках (петитом) без скобок. Редакторские переводы иностранных слов и выражений печатаются в прямых скобках.

Обозначение * как при названиях произведений, так и при номерах вариантов, означает, что печатается впервые; ** – что напечатано было впервые после смерти Толстого.

Иллюстрации

Фототипия: Л. Н. Толстой в 1900 г. Фотографический снимок. Между IV и V стр.

Автотипия двух страниц рукописи 2-й картины II действия драмы «Живой труп». Между 34 и 35 стр.

Автотипия двух страниц рукописи 2-й картины V действия драмы «Живой труп». Между 80 и 81 стр.

Автотипия 4-го конспекта драмы «Живой труп». Между 408 и 409 стр.

Примечания

1

[Я хотел бы говорить с тобой без свидетелей.]

2

[Я сейчас от вас. Твоя жена поручила мне это письмо и потом...]

3

Сверху приписано и не зачеркнуто: Бутенев

4

[Надеюсь, что я не нарушаю приказа.]

5

[вы всегда желанный гость.]

6

[Он околдован, положительно околдован.]

7

[Всё это отвратительно.]

8

[Душевная близость их уже не удовлетворяет.]

9

[Она меня просила, когда я смогу, принять ее.]

10

[Как бы он ни был виноват перед нею,]

11

[Если она могла очаровать до такой степени,]

12

[Это – считать без хозяина.]

13

[Но это выше моих сил.]

14

[ты совершеннолетний,]

15

[с глазу на глаз.]

16

[Это будет зависеть...]

17

[Здороваются за руку.]

18

[пусть господь бог их благословит.]

19

[шепетильным.]

20

[Это я посторонний.]

21

[свидание.]

22

[Это удивительно, как он его любит, совершенно как своего отца.]

23

[Тем лучше. Помнит ли он своего настоящего отца?]

24

[Что ни говори, поступок прекрасен...]

25

В подлиннике: Маша

26

В рукописи ошибочно: В двоеженстве.

27

Зачеркнуто: Он говорит о любви-дружбе. Ему ничего больше не нужно. Приходит полицейский с известием, что найден труп, и просит прийти посмотреть.

28

В рукописи описка: Кар[енин]

29

Зач.: Общий ужас.

30

Содержание двух картин действия 5 (картины 9 и 10 по окончательной нумерации) внесено в текст конспекта Толстым позднее, но цифры последующих действий остались неисправленными. Цифры, стоящие после обозначения картин в скобках, были вписаны Толстым позднее и означают порядок картин. Последние четыре цифры (11, 12, 13, 14) исправлены из цифр 9, 10, 11, 12, очевидно, после включения картин нового действия 5.

31

[это секрет полишинеля.]

32

[преходящее увлечение.]

33

Зачеркнуто: Мальцев.

34

[свидание]

35

Зачеркнуто: весь ужас сво

36

[тем больше оснований]

37

[Будем считать мои слова как бы несказанными,]

38

[Я уполномочена на это.]

39

Зачеркнуто: Он пропал. Те следы, которые мы имеем только через
извозчика, указывают на то, что он у цыган.

40

[переверну небо и землю]

41

Зачеркнуто: Ив [ушку]

42

[Мне нужно тебе сказать без свидетелей.]

43

[Я только что от вас. Твоя жена меня послала.]

44

[Надеюсь, что я не нарушаю запрета.]

45

[вы всегда желанный гость.]

46

[Он околдован, положительно околдован.]

47

[Всё это отвратительно.]

48

[душевной близости им уже недостаточно, они хотят обладания.]

49

[очаровать до такой степени,]

50

[Это – рассчитывать без хозяина.]

51

[Но это выше моих сил.]

52

[с глазу на глаз.]

53

[Это будет зависеть...]

54

[Рукопожатие.]

55

Зачеркнуто: вместе готовил[ся]

56

Несколько ниже написано: (Очень всё скверно.) Запись эта может означать и оценку Толстым написанного, и тему следующей картины.

57

Зачеркнуто: и Афросимов

58

Зачеркнуто: ли, цыганоч[ка]

59

Зачеркнуто: А, она, зови. Вот опять пришла.

60

Зач.: ты ужасно

61

Зачеркнуто: Споем

62

[тем больше оснований]

63

[будем считать мои слова как бы несказанными,]

64

[Прошу вас верить, что я уполномочена.]

65

[Я бы хотел поговорить без свидетелей.]

66

[Я только что от вас. Твоя жена меня послала с этим письмом и затем...]

67

Зачеркнуто: Как пожалеть-то? Может я ее обуза.

68

Зачеркнуто:

Федя.

Да ты уже выпил?

Афросимов.

Выпил, не выпил, всё равно, только я по делу, не один. Ты знаешь кто со мной? ждёт внизу. А, удивил. Ха-ха-ха!

69

[Послушай, дорогой.]

70

[приличие]

71

[ради детей.]

72

[скандал,]

73

[жить и жить давать другим.]

74

Зачеркнуто:

Афросимов.

А там к тебе Маша пришла.

Федя.

Какая Маша?

Афросимов.

Соколова, цыганка.

Федя.

Врешь?

Афросимов.

Да, да. «Ну что же, – говорит, – убегу из хора, ничего мне не нужно. Только Федор Васильевича люблю. И знать ничего не хочу».

75

Зачеркнуто: 30-летиий человек

76

Зач.: говорящий вдумчиво и приятно внушительно.

77

Сбоку основного текста приписано:

Она боится, что это значит полный разрыв. Я бы рада была, а она мучается. Положим, надо решительно узнать.

78

[просьба]

79

[При том, как это идет.]

80

[Я бы его поймала на слове.]

81

Зачеркнуто: Саша и Анна Павловна сидят за чаем в столовой.

82

Зачеркнуто: [Саша.] Что Лиза решила разорвать с ним – это ее дело...

83

Зачеркнуто: И теперь я так рада, что, наконец, она покончила. Разумеется, ей будет тяжело, но что же делать? Всё лучше отрезать больной член, чем мучаться всю жизнь. Теперь, слава богу.

84

Зачеркнуто: чего не ожидала. Поди, Саша, скажи ей.

Горничная. А еще извозчик Турецкий приехал. Тоже велел барыне доложить.

Анна Павловна. Какой извозчик?

Горничная. Он барина, Федора Васильевича вози[т], так за ним тоже барыня посылала.

85

Зач.: она хочет все-таки, как бы сказать, не то, что намекнуть, а сблизиться теперь...

86

Зачеркнуто: Она переживает.

87

Зач.: И сочувствие друзей нужно больше, чем когда-нибудь, а вы такой давнишний друг детства.

Каренин. Да, я знаю. И мне очень жалко обоих. Как мы ни различны по нашим вкусам, я не могу не любить Федю.

Анна Павловна. Да, есть-таки люди, которые никому ни на что не нужны, и все их любят. Но вы знаете, что

88

Зач.: Анна Павловна. Как же, нынче утром от него явился посланный, оказывается, был у цыган и прислал записку.

89

Зачеркнуто: послала ему письмо, в котором требует своей свободы, и он согласился.

90

Зач.: Весь вопрос в том, насколько любовь Лиз[аветы] Ал[ександровны] сильна к нему. Любовь, если она настоящая, нельзя вырвать из сердца.

91

Зач.: и наконец узнали, что он кутит с приятелями, с цыганами.

92

Зачеркнуто: только бы он вернулся.

93

Зач.: но где именно он?

Лиза. Я узнала всё от извозчика, который видел его, и извозчик этот тут. Он и свезет вас.

94

Зачеркнуто: [Лиза.] Он у Афр. Знаете?

[Каренин.] Знаю.

95

Зачеркнуто: Каренин (садится в кресло и берет руку подошедшей жены и целует ее). Знаешь, я, когда был [студентом], то у меня были мечты – вот эти самые, что <мы> я на балконе. Мама сидит и вяжет – да,

вяжет...

96

В рукописи: Васи.

97

Зачеркнуто: А теперь раскаиваетесь?

Лиза.

Да.

98

Часть фразы после слова «опять», видимо, по ошибке зачеркнута Толстым.

99

См. Н. В. Давыдов, «Из воспоминаний о Л. Н. Толстом» – «Сборник воспоминаний о Л. Н. Толстом», книгоиздательство «Златоцвет», М. 1911, стр. 25–28; А. Ф. Кони, «Живой труп» в действительности» – «Ежегодник императорских театров» 1911, выпуск VI, стр. 13–23. См. также т. 54, стр. 443–445.

100

Письма Е. А. Симон к Толстому хранятся в ГМТ.

101

Статья «о безверии».

102

Так называл Толстой «Живой труп» в отличие от другой своей драмы – «И свет во тьме светит».

103

См. об этом же в книге П. Сергеенко «Как живет и работает гр. Л. Н. Толстой», изд. 2-е, М. 1903, стр. 77–78.

104

«И свет во тьме светит».

105

Толстой в декабре 1900 г. говорил П. А. Сергеенко о судебном процессе, ставшем сюжетом его драмы «Живой труп», как о «готовом, чисто мопассановском рассказе»: «Для какого-нибудь молодого писателя это настоящая находка» (П. Сергеенко, «Как живет и работает гр. Л. Н. Толстой», изд. 2-е, М. 1903, стр. 77–78).

106

История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс, М. 1950, стр. 28.

107

В. И. Ленин, Сочинения, т. 17, стр. 33.

108

Т. 72, стр. 408.

109

Т. 54, стр. 35.

110

Н. Н. Гусев, «Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого», М.—Л. 1936, стр. 613.

111

В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 296.

112

Т. 73.

113

Т. 54, стр. 306.

114

В. Г. Короленко, «Воспоминания о писателях», изд. «Мир». 1934, стр. 162.

115

Письма Горького о Толстом. Публикация К. П. Пятницкого в «Красной газете», вечерний выпуск, 1928, № 257.

116

Т. 73.

117

Т. 25, стр. 394–395.

118

В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 323.

119

Там же.

120

Там же.

121

Там же, стр. 294.

122

Записи П. А. Сергеенко – «Литературное наследство», № 37/38. М. 1939, стр. 548.

123

«Театр и искусство», 1911, № 20.

124

Сборник «Ленин о литературе», М. 1941, стр. 250–251.

125

В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 324.

126

См. наст. том, стр. 521.

127

Там же, стр. 521–522.

128

Там же, стр. 524.

129

См. наст. том, стр. 521.

130

В. И. Ленин, Сочинения, т. 17, стр. 30.

131

В. И. Ленин, Сочинения, т. 17, стр. 30–31.

132

См. наст. том, стр. 172.

133

Там же, стр. 157–158.

134

См. в настоящем томе варианты статьи «Рабство нашего времени», стр. 495–496.

135

Гл. VII статьи «Рабство нашего времени».

136

См. наст. том, стр. 174.

137

Там же, стр. 174–175.

138

Там же, стр. 180.

139

См. наст. том, стр. 183.

140

Там же, стр. 184.

141

В. И. Ленин, Сочинения, т. 15, стр. 183.

142

Там же, т. 17, стр. 30.

143

«0 переписи в Москве», т. 25, стр. 180.

144

Т. 36, стр. 230.

145

В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 295.

146

См. наст. том, стр. 210.

147

См. наст. том, стр. 177.

148

Запись в Дневнике Л. Н. Толстого от 3 февраля 1898 г., т. 53.

149

См. наст. том, стр. 201.

150

См. наст. том, стр. 205.

151

Там же, стр. 240.

152

См. наст. том, стр. 240.

153

Там же, стр. 241.

154

Там же, 244.

155

См. наст. том, стр. 212.

156

Там же, стр. 213–214.

157

См. наст. том, стр. 278.

158

Там же, стр. 330.

159

В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 295.

160

Там же.

161

Там же.

162

Там же.

163

Там же, т. 34, стр. 384.

164

М. Горький, В. И. Ленин – в сб. «Ленин о литературе», М. 1941, стр. 268.

